

Ромен Роллан. Жизнь Рамакришны

«Давайте, милые, снова побываем в Дакшинешваре, еще раз взглянемся в светлый лик Тхакура Шри Рамакришны; понаблюдаем за ним, пока ведет он ласково беседу с друзьями своими, как, предавшись всеми помыслами Всевышнему, погружается в самадхи. Он то замирает отрешенно, то кружится в священном восторге под пение гимнов киртанов, а то беседует с последователями своими словно обычный, простой человек. Все мысли, все слова его к Высшему, к Ишваре, обращены. Вовнутрь, а не в мир устремлены духовные очи его. Прост он и чист, будто малое дитя. Одно лишь ведает: Ишвара есть Истина, остальное не истинно, а потому – ложно. Пойдемте же вместе со мною к этому взрослому ребенку, к йогу, любовью опьяненному, к подвижнику великому, к тому, кому единственному из всех дано гулять по берегу Океана Сатчитананды. Дано потому, что любовь его ко Всевышнему не знает границ и пределов».

«Катхамрита»

ВСТУПЛЕНИЕ

Я начну этот рассказ, как волшебную сказку. Замечательнее всего то, что эта древняя легенда, которая кажется страничкой из мифологии, есть история людей, живших еще вчера, наших соседей «по веку», которых видели своими глазами наши современники.

Их свидетельства, еще не остывшие, получены мною из первых рук. Я беседовал с некоторыми из тех, кто были сподвижниками этого легендарного существа – человека бога; я ручаюсь за их правдивость. Эти очевидцы – не наивные рыбаки из Евангелия, среди них есть глубокие философы, знакомые с европейской мыслью и ее педантичной дисциплиной. А между тем они говорят языком людей, живших за три тысячи лет до нас.

То, что теперь, в двадцатом веке, могут уживаться одновременно в умах одних и тех же людей научная мысль и ясновидение времен Древней Греции, где боги и богини садились за стол смертных и делили с ними ложе, или времен Галилеи, где люди видели, как на светлом летнем небе пролетала громадная небесная птица, возвещавшая благую весть непорочной деве, сгибавшейся под тяжестью этого дара, – об этом не подозревают наши мудрецы, которые слишком трезво рассуждают. Этим истинным чудом, этим богатством жизни наши мыслители не умеют воспользоваться. Огромное большинство наших европейских умов запирается в своем этаже Жилища человека, и хотя этот этаж полон книг, пространно повествующих об истории этажей прошлого, – остальная часть дома кажется им необитаемой: они не слышат ни снизу, ни сверху шагов своих соседей, минувших веков, которые упорно продолжают жить. В мировом концерте все века, прошлые и настоящие, составляют оркестр и играют в одно и то же время. Но каждый прикован взглядом к своему пюпитру и к палочке дирижера: он слышит только свой инструмент.

Мы же будем слушать ансамбль – великолепный аккорд, звучащий сегодня, в котором

сочетаются все мечты и порывы вчерашнего и завтрашнего дня, все расы и все времена. Каждое мгновение для умеющих слушать – это хор голосов всех существ, начиная с новорожденного и кончая только что умершим; голоса эти обвиваются, подобно жасмину, вокруг колеса времени. Нет надобности, чтобы проследить путь человеческой мысли, разбирать папирусы. Они здесь, эти трехтысячелетние мысли, они вокруг нас. Ничто не гаснет. Слушайте внимательно. Но слушайте ушами. Пусть молчат книги. Они слишком много говорят...

Если есть на земле страна, где нашли место все мечты людей с того дня, когда первый человек начал сновидение жизни, – это Индия. Ее единственная привилегия, как правильно говорит Барт, – это привилегия старшего в роде, ее духовное развитие, самодовлеющее и длительное, не прерывалось на протяжении долголетнего существования народа мафусаила. Уже больше тридцати столетий из этой знойной земли, жаркого чрева, рождающего богов, поднимается дерево Мечты с тысячью ветвей, дающих миллионы отростков, дерево, непрерывно возрождающееся и без признаков увядания, приносящее сразу на всех своих ветвях все плоды; бок о бок здесь процветают все виды богов, начиная от самых грубых до самых возвышенных, вплоть до бога Бестелесного, Безымянного, Безграничного. И все на том же дереве.

И эти переплетающиеся, напоенные одним и тем же соком ветви так тесно слились своей плотью и мыслью, что вся земля, все дерево, вибрирующее от корня до вершины, как мачта громадного корабля, звучит одной симфонией из многих тысяч голосов, из многих тысяч человеческих верований. Эта полифония, которая неопытному уху кажется вначале нестройной, сбивчивой, раскрывает знатоку великую стройность и скрытую иерархию.

И тот из нас, кто раз услышал ее, не может более удовлетвориться грубым и искусственным строем, который нам навязывает на поле, усеянном руинами, разум Запада и его вера или веры – все одинаково деспотические и отрицающие друг друга. Какое значение имеет властвовать над миром, на три четверти поработанным, униженным, разрушенным? Надо властвовать над всей жизнью, целиком охватив ее, чтя ее, слившись с ней; уметь привести все ее противоречивые силы в стройное равновесие.

Этой высшей мудрости могут научить нас души вселенные, с несколькими прекрасными образцами которых я попытаюсь вас здесь познакомить. Тайна их силы и чистоты не та, что у «лилии полевой, которая в облачении своей славы не трудится и не прядет». Эти души соткали одежду для тех, кто ходит нагим. Они выпряли нить Ариадны, которая ведет нас по извилинам лабиринта. Нужно лишь держать клубок в руке, чтобы вновь найти дорогу в зарослях нашей души. Дорога поднимается вверх, от обширных болот души, где мычат первобытные боги, еще облепленные тиной, до вершин, увенчанных распростертыми крыльями «неуловимого Духа».

Эта лестница Иакова, по которой поднимается и вновь спускается с неба на землю двойной непрерывный поток божественного в человеке, это и есть жизнь, о которой я хочу вам рассказать, жизнь человека бога, Рамакришны.

I

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА

В Бенгалии, в Камарпукуре, одной из деревень с коническими домиками, окруженной пальмами, прудами и рисовыми полями, жила чета старых правоверных брахманов, носившая имя Чаттопадхьяя. Супруги были очень бедны и очень благочестивы, и оба посвятили себя культу добродетельного и героического Рамы. Отец, Кхудирам, человек редкой честности, обрек себя на полное разорение, отказавшись дать ложное показание в пользу крупного помещика, у которого он служил.

Боги посещали его. Уже шестидесятилетним старцем он совершил паломничество в Гайю, святую землю, отмеченную следом стопы бога Вишну. Великий Спаситель явился ему ночью. Он сказал: «Я снова рождаюсь к жизни, чтобы спасти человечество».

В то же мгновение в Камарпукуре жена его Чандрамани, спавшая на своем одиноком ложе, почувствовала себя в объятиях бога. В храме Шивы, как раз напротив ее хижины, изображение бога внезапно ожило у нее на глазах. Луч света пронизал ее. Повергнутая бурным натиском, Чандрамани лишилась чувств. Когда очнулась добыча господ, она была

беременна. Муж, возвратившись, нашел ее преображенной. Она слышала голоса. Она носила в себе бога.

Младенец родился 18 февраля 1836 года. Это был тот, кого мир позднее узнал под именем Рамакришны. Но его детское имя, играющее как бубенчик, звучит – Гададхар.

Это был мальчуган резвый и прелестный, лукавый и полный женственной грации, которую он сохранил на всю жизнь. И никто не подозревал – сам он меньше, чем кто либо, – о безграничных просторах, о бездонных пропастях, таящихся в маленьком тельце шаловливого ребенка. Они обнаружили, когда ему исполнилось шесть лет. Однажды в июне или июле 1842 года он не спеша прогуливался, прихватив с собой свой «птичий» завтрак – горсточку вареного риса, завернутую в полу одежды. Он направлялся в поле, где работал его отец... – Я шел по узкой тропинке, между бороздами рисового поля. Жуя свой рис, я случайно поднял глаза к небу и увидел чудесную грозовую тучу, которая быстро росла. Скоро она охватила все небо. Вдруг над моей головой, огибая тучу, пролетела стая белоснежных журавлей. Контраст был так прекрасен, что дух мой унесся в заоблачные дали. Я потерял сознание и упал; мой рис рассыпался. Кто то поднял меня и на руках отнес домой. Избыток радости, волнение одолевали меня. Я впервые вознесся в экстазе...

Рамакришне предстояло провести в нем больше половины своей жизни.

Уже этот первый экстаз обнаруживает своеобразный характер власти божества над душой этого ребенка. Волнение художника, страстный инстинкт красоты – вот первый путь его сближения с богом. Существует, как мы увидим, еще много других путей к откровению: любовь к ближнему, любовь к идее, путь самообуздания и путь честного, бескорыстного труда, сострадания и глубокого размышления... Все эти пути познает он. Но самый непосредственный, самый естественный для него – это путь восхищения прекрасным лицом бога, которого он видит во всем, что видит. Он – прирожденный художник.

О, как он отличается от другой «великой души», от Махатмы Индии, апостолом которого я был когда то в Европе, от Ганди, человека без искусства, без видений, не желавшего их иметь, пожалуй не поверившего бы им, – человека, который живет в боге путем обдуманного действия. Его путь самый верный и самый надежный – таков должен быть путь народного вождя.

Путь Рамакришны гораздо более опасен, но он ведет дальше. Пролегая по краю пропастей, он открывает беспредельные горизонты. Это путь Любви. Таков и путь его родного народа, населяющего Бенгалию, народа художников и поэтов, возлюбивших господа. Он нашел своего вдохновенного глашатая в экстатическом возлюбленном Кришны – Чайтанье и свою лучшую музыку – в чарующих напевах Чандидаса и Видьяпати.

Эти ангельские учителя – благоуханные цветы своей земли – пропитали ее своим дыханием. Целые века Бенгалия упивалась ими. Душа маленького Рамакришны была создана из их сущности; она – их плоть, ее сразу узнаешь. Он же – цветущая ветвь дерева Чайтаньи. Влюбленный в божественную красоту, гениальный художник, самому себе неведомый, снова раскрывается во втором своем экстазе.

В ночь праздника Шивы он, тогда восьмилетний ребенок, который страстно любит музыку и поэзию, лепит фигурки и руководит маленькой драматической труппой ребят своего возраста, принимает участие в религиозном представлении. Он играет роль Шивы и вдруг чувствует себя растворившимся в своем герое; его щеки залиты слезами счастья: он поглощен славой божества; он вознесен, как Ганимед, орлом, держащим молнию; все думают, что он умер... С этого времени состояние экстаза повторяется все чаще и чаще. В Европе дело решилось бы просто: малыша поместили бы в лечебницу, ежедневно подвергали бы процедурам психотерапии и сознательно, изо дня в день, гасили бы внутренний огонь... Нет больше волшебного фонаря... Свеча угасла... Иногда угасает и ребенок... Но и в Индии, где на протяжении веков светятся тысячи таких волшебных фонарей, состояние мальчика вызвало беспокойство. Даже его родители, привыкшие к посещениям богов, с тревогой видели его порывы. Вообще же он отличался прекрасным здоровьем и не был склонен к экзальтации. Он обладал многими дарованиями; его искусные пальцы лепили из глины богов; легенды о героях расцветали в его мозгу; он восхитительно пел пастушеские песенки Шри Кришны; а иногда не по летам развитый ребенок принимал участие в спорах ученых, приводя их в изумление, как некогда Иисус – книжников. Но, подобно юному Моцарту, он умел быть

ребенком и оставался им до зрелых лет. Этот мальчуган, со светлым цветом лица, прекрасными развевающимися волосами, чарующей улыбкой и чудесным голосом; этот независимый малыш, убежавший из школы, свободный как ветер, был до тринадцатого года жизни любимцем и баловнем женщин и девушек. Они узнавали в нем себя, а он до такой степени проникся их чувствами, что одним из его детских желаний, навеянных легендой о Кришне и красивых пастушках, было – вновь возродиться вдовой, влюбленной в Кришну, который навещает ее в ее доме. Но это было лишь одно из его многих мысленных воплощений. Они совершались сами собой в этой душе Протее и заставляли ее принимать образ всякого существа, которое Рамакришна видел в жизни или в мечтах. Никто из нас не лишен вполне этой чудесной пластичности. В низшей форме она наблюдается у мима, копирующего позу человека и выражение его лица; высшее ее проявление, сказал бы я, – это бог, играющий для себя комедию Вселенной. И это опять таки говорит об искусстве и любви. В этом свойстве уже проявляется чудесный дар, которым наделен был Рамакришна, – гениальная способность сливаться со всеми душами в мире.

* * *

Отец Рамакришны умер, когда мальчику было семь лет. Семья, оставшаяся без средств, пережила тяжелые годы. Старший сын Рамкумар переселился в Калькутту и открыл там школу. Он выписал к себе младшего брата, уже подростка (1852 год), но мальчик, не знающий дисциплины, поглощенный своей внутренней жизнью, не хотел заниматься. В это время одна женщина из низшей касты, Рани Расмани, основала в Дакшинешваре, на левом берегу Ганга, в шести километрах от Калькутты, храм, посвященный великой богине, божественной Матери Кали. Ей было очень трудно найти брахмана, который взял бы на себя обязанности жреца при храме. Как это ни странно, в религиозной Индии, высоко почитающей монахов, садху, ясновидцев, положение жреца, оплачиваемого служителя, считается малозавидным. Индийские храмы не то что наши церкви – тело, сердце Господа, место каждодневного Ему жертвоприношения. Это просто дар, принесенный богу богатыми людьми, которые таким образом создают себе заслуги перед ним. Истинная же религия у них – частное дело; она пребывает в каждой отдельной душе. Кроме того, основательница храма в Дакшинешваре была шудра. Для брахмана, который согласился бы принять подобную должность, это было бы дисквалификацией. Рамкумар все же пошел на это в 1855 году, но его младший брат, в то время щепетильно относившийся к вопросам касты, с трудом мирился с этим положением. Однако отвращение его со временем ослабело, и когда в следующем году его старший брат скончался, Рамакришна согласился заменить его.

II

КАЛИ МАТЬ

Молодому жрецу Кали было двадцать лет. Он не подозревал, какой ужасной госпоже он собирался служить. Она, как тигрица, которая с тихим рычанием чарует взглядом свою жертву, готовилась, играя, насыщаться им в течение почти десяти лет. Десять лет быть зачарованным, находиться во власти двух огненных зрачков! Он жил в храме, наедине с ней, но в центре головокружительного водоворота, так как палящее дыхание иступленных толп вздымало под портиками храма, подобно муссону, вихри жгучей пыли. Бесчисленные пилигримы, монахи, садху, факиры, индусы и магометане – все божьи безумцы сходились сюда.

Храм был с пятью стрельчатыми куполами. К нему вела открытая терраса над Гангой, между двойным рядом из двенадцати маленьких, с одним куполом, храмов бога Шивы. В противоположном конце просторного мощеного четырехугольного двора, лицом к Кали, стоял другой большой храм – Кришны и Радхи. Целый мир символов: триединство природы матери (Кали), абсолюта (Шива) и любви (Радхаканта: Кришна, Радха); арка, перекинутая между небом и землей.

Но владычицей этих мест была Кали. Она стояла высеченная из базальта, одетая в пышные ткани Бенареса, царица мира и богов. Она попирала ногами простертое тело Шивы. Своими многочисленными руками она держала слева меч и отсеченную голову, справа – предлагала

дары, делая знак: «Приди, не бойся». Она – сама природа, разрушающая и созидаящая. Для того, кто умеет ее слышать, она еще больше – она Мать Вселенной, «Всемогущая Мать», которая открывается своим детям в разнообразии форм и в божественных воплощениях; видимый бог, который ведет избранных к богу невидимому, и, если это будет ей угодно, она может отнять у всякого живого существа последний признак его личности, его его, и наполнить его сознанием абсолютного, безличного бога... «Я» ограниченное благодаря ей потонет в «я» безграничном – Атмане Брахмане.

Но юный двадцатилетний жрец был далек от того, чтобы проникнуть хотя бы косвенными путями разума в ядро, где расплавляется всякая реальность. Единственной постижимой реальностью, будь она человеческая или божественная, было то, что он мог видеть, слышать, осязать. В этом отношении он нисколько не отличался от большинства своих соплеменников. Что сильнее всего поражает европейских верующих (протестантов еще в большей степени, чем католиков) в верующих Индии – это необычайная конкретность их религиозных прозрений.

Рамакришна, у которого значительно позже юный Вивекананда спросил: «Вы видели бога?» – ответил: «Я вижу его, как вижу тебя, – нет, еще яснее».

И чтобы еще больше уточнить, добавил: «Не в смысле ведантического...» (То есть не в смысле безличном и отвлеченном, хотя и его он знает и прибегает к нему.)

И это совсем не является привилегией отдельных духовидцев. Каждый искренно верующий индус легко достигает этого: так богат и свеж еще у них источник творческих сил. Одна наша приятельница сопровождала в храм юную, очень красивую, умную, образованную принцессу из Непала. Молодая женщина долго молча молилась во мраке, напоенном благоуханиями, при свете единственной лампы, а выходя, спокойно сказала: «Я видела Раму».

Как мог Рамакришна не видеть «Мать с темно синим лицом»? Ее, такую видимую, воплощающую в образе женщины силы природы; божество, доступное смертным; ее, Кали... В храме она обволакивала его запахом своего тела, обвивала его лианами своих рук и своих волос. Она совсем не была канонической фигурой с натянутой улыбкой, питающейся монотонными молитвами. Она жила, дышала, вставала с постели, ела, ходила, снова ложилась в постель. Вся храмовая служба была построена согласно ритму ежедневного порядка ее жизни. Каждое утро на заре звенели маленькие колокольчики, мелькали огоньки. В музыкальном зале свирель пела священный напев, сопровождаемая барабанами и кимвалами, – Мать просыпалась. В саду, благоухающем жасминами и розами, собирали гирлянды цветов для ее украшения. В девять часов музыка возвещала о служении, на которое являлась Мать; в полдень она сопровождала Мать, ложившуюся отдохнуть в жаркие часы на свое серебряное ложе. Вечером, в шесть часов, музыка приветствовала ее, когда она снова появлялась. Еще раз играла музыка, звучали раковины и без передышки заливались колокольчики на склоне дня, под взмахи факелов ночной службы. И наконец, в девять часов вечера музыка провожала ее ко сну. Мать засыпала.

Жрец принимал участие во всех интимных актах ее жизни. Он одевал ее и раздевал, предлагал ей цветы и пищу. Он присутствовал при малом выходе и при отходе ко сну царицы. Как могли его руки, глаза, его сердце не пропитаться постепенно ее плотью? Уже первые прикосновения, – когда он, не решив еще, будет ли ей служить, поправлял своими пальцами художника складки ее одежды, – связали, приковали его к ней. Пальцы его рук уже хранили следы укола богини Кали.

Но, оставив в нем жало, она стала его избегать, отказывалась открыться ему. Теперь, когда любовь к ней пронзила его, оса вернулась в свою каменную оболочку; ему не удавалось ее оживить. Влюбленный в немую богиню сгорал на медленном огне. Достигнуть ее, обнять, уловить хоть малейший признак жизни, взгляд, вздох, улыбку – стало единственной целью его существования. Он нежился в самом заброшенном углу сада, похожем на джунгли, и предавался думам и слезам, сняв одежду и священный шнурок, с которым брахман не должен никогда расставаться. Но любовь к Матери открыла ему, что желающий думать о боге должен прежде избавиться от всех предрассудков. Он был словно потерявшееся дитя. В слезах умолял он Мать явиться ему. Каждый напрасно проведенный день доводил его до безумия. Он потерял всякую власть над собой. В отчаянии он валялся по земле на глазах у посетителей; он был предметом жалости, иронии, возмущения. Какое значение могло это

иметь? Одно только было важно: он был на грани высшего блаженства, но перед ним стояла стена, преграждавшая ему путь. В своем возбуждении, которым ничто не управляло, он, не зная науки регулируемого экстаза – науки, которая в религиозной Индии на протяжении тысячелетий была тщательно разработана и проверена, со всей педантичностью, требуемой двумя факультетами – медицинским и богословским, – бросился наудачу вперед, ослепленный своим безумием. Он рисковал собой. Смерть всегда подстерегает неосторожного йога, который ходит над пропастью. Люди, видевшие его в эти дни смятения, рассказывают, что его лицо и грудь были красны от постоянного прилива крови, глаза полны слез, тело сотрясилось судорогой. Он был на грани полного изнеможения. Еще шаг – и неминуем провал в черную глубину, мозговой удар или же – прозрение. Он прозрел. Стена рухнула...

Предоставляю говорить ему самому. Его голос напоминает многим из нас интонации наших «божьих безумцев», великих духовидцев Европы:

«Как то раз я чувствовал себя во власти невыносимой тоски. Мне казалось, что кто то выжимает мое сердце, как мокрую салфетку... Муки терзали меня. При мысли, что я так и не удостоился благодати божественного видения, страшное неистовство овладело мною. Я думал: „Если так должно быть, довольно с меня этой жизни“. В святилище Кали висел большой меч. Мой взгляд упал на него, и мой мозг пронизала молния: „Вот. Он поможет мне положить конец“. Я бросился, схватил его, как безумный... И вдруг... Комната со всеми дверями и окнами, храм – все исчезло. Мне показалось, что больше ничего нет. Передо мной простирался океан духа, безбрежный, ослепительный. Куда бы я ни обращал взор, насколько хватало зрения, я видел вздымавшиеся огромные волны этого сияющего океана. Они яростно устремлялись на меня, с ужасающим шумом, точно готовились меня поглотить. В одно мгновение они подступили, обрушились, захватили меня. Увлекаемый ими, я задыхался. Я потерял сознание. и упал... Как прошел этот день и следующий – я не имею никакого представления. Внутри меня переливался океан несказанной радости. И до самой глубины моего существа я чувствовал присутствие божественной Матери»

Заметьте, что в этом чудесном рассказе, за исключением последних слов, нет больше речи о «божественной Матери», она растворилась в океане. Ученики, благоговейно передающие его слова, задают себе вопрос: «Видел ли он действительно божественный образ?» Он не говорит этого. Но, очнувшись после экстаза, он шептал жалобным голосом: «Мать... Мать...» Что касается меня (да простят мне такую самоуверенность), я убежден, что он ее не видел, но что он во всем ощущал ее присутствие. Он называл океан ее именем. Это состояние знакомо нам (в ослабленном виде) во сне, когда наше сознание совершенно естественно присваивает имя того или той, кто наполняет нашу мысль, любому, совершенно отличному от них образу, ибо тот, кого мы любим, присутствует во всем: все видимые формы служат ему облачением... И на берегу океана, бушевавшего вокруг Рамакришны, передо мной встает образ нашей Терезы из Авилы, которая вначале тоже видит себя поглощенной бесконечностью – прежде чем угрызания ее христианской совести и строгие наставления духовных руководителей, наблюдавших за ней, не заставили ее, против ее желания, вложить виденного ею бога в образ человека бога.

Но влюбленному Рамакришне не пришлось бороться со склонностью своего сердца. Наоборот, она влекла его от безликого видения без образа к лику любимой. Он желал этого. И после того как он его видел и одно мгновение обладал им, он больше не мог без него обойтись. С этого дня он непрестанно призывал огненное видение. Без него мир был мертв, и живущие казались ему лишь фигурами, начертанными на экране, бесплотными тенями. Но нельзя безнаказанно подходить к беспредельному. Удар от первой встречи был так силен, что все его существо еще долго продолжало содрогаться. Он видел все окружающее как бы сквозь завесу ослепительного тумана, сквозь волны расплавленного серебра, огненных точек. Он перестал владеть своими глазами, своим телом, своей мыслью; посторонняя воля управляла им; на него находили минуты ужаса, так как он не понимал, что это значит. Он умолял Мать прийти к нему на помощь.

И вдруг он понял... Им овладела Мать. Тогда он отдался без сопротивления... Fiat voluntas tua! Она заполонила его. И сквозь завесу тумана, постепенно, часть за частью, выступало во плоти существо богини... То неожиданно мелькнувшая рука, потом дыхание, голос – наконец,

вся она, вся целиком. Среди сотни других – чарующее видение поэта...

Был вечер. Весь дневной ритуал был закончен. Считалось, что Мать отдыхает. Он ушел в свою комнату, вне храма, над Гангой. Но спать он не мог. Он прислушивался... Вдруг он услышал, что она встает, поднимается в верхний этаж храма, радостная, как молодая девушка. Кольца на ее ногах звенели по ступенькам. Он спрашивал себя, не сон ли это. С бьющимся сердцем он вышел во двор, поднял голову и увидел ее: с распущенными волосами, стоя на балконе второго этажа, среди ночного очарования, она смотрела на струящуюся Гангу, на далекие огни Калькутты...

С тех пор его ночи, его дни проходили в постоянном общении с любимой. Это была беседа бесконечная, непрерывная, как река, текущая мимо храма.

Наконец он совершенно слился с ней. И постепенно свет его внутреннего видения проявился вовне. Другие люди, смотревшие на него, видели как он; они видели сквозь его тело, словно сквозь стекло окна, тела богов. Матхур бабу, зять основательницы храма и владелец его, однажды сидел в своей комнате, против комнаты Рамакришны; невидимый сам, он смотрел, как тот ходил взад и вперед по своему балкону. Вдруг он вскрикнул. Он увидел, что на плечах Рамакришны появляются попеременно голова Шивы или голова Матери, смотря по тому, идет ли он вперед или назад.

Но для большинства окружающих обезумевший от любви жрец был воплощением позора. Он больше не был способен исполнять свои обязанности в храме. Посреди религиозного обряда он вдруг терял сознание, впадал в протрацию, его суставы как бы каменели, он был как будто замурован в теле статуи. Или же он позволял себе с богиней самые необычайные вольности. Ни о каком служении уже не могло быть речи. Он не знал ни одной минуты сна. Перестал есть. Не будь возле него племянника, заботившегося о его элементарнейших нуждах, он бы умер. Такое состояние повлекло за собой страдания, знакомые нашим западным духовидцам. На его коже проступали мельчайшие капли крови. Все его тело горело как в огне. Мозг его был костром, и каждый язык пламени, исходивший из него, был богом. После длительного периода, когда он в том или другом человеке видел бога (он увидел в уличной женщине Ситу, в молодом англичанине, стоявшем, скрестив ноги, у дерева, он увидел Кришну), наступил период, когда он сам превращался в бога. Так он стал Кали, стал Рамой, стал Радхой, возлюбленной Кришны, превратился в Ситу и даже в большую обезьяну Ханумана. Я не хочу умолчать (не останавливаясь на деталях) ни об одном безумстве этой необузданной, ничем не управляемой души, отданной во власть яростным волнам страстей, ненасытной прозорливости волка, жадного до богов (но и они мстили за себя и в свою очередь грызли его). Я не хитрю с западным читателем и предоставляю ему право (как предоставлял его и самому себе) считать этого божьего безумца просто буйным сумасшедшим. У нас для этого есть достаточно оснований, так как сами религиозные люди Индии, видевшие его, и те думали то же. И даже сам он, кротко переносивший исследования врачей и их бесплодные советы, впоследствии, оглядываясь назад и мысленно измеряя бездну, которой избегнул, не мог понять, каким образом его разум, сама жизнь его не потонули в ней.

Но что особенно удивительно и единственно важно для нас, это то, что, не погибнув, он, напротив, победно обогнул мыс Бурь, и этот период галлюцинаций был, пожалуй, необходимым этапом, после которого дух его, окрепший, радостный и гармоничный, возвысился до великих мистических осуществлений, представляющих интерес для всего человечества. Изучение этого явления не может не привлечь лучших врачей человеческого тела и духа. Не в том дело, чтобы констатировать полное видимое разрушение психики и распад ее на составные элементы. Вопрос в том, каким образом они снова восстанавливаются, образуя более высокий органический синтез. Каким образом это обрушившееся здание могло снова вознестись, более обширное, чем прежде, повинувшись его собственной воле, – как говорит об этом впоследствии Рамакришна, ставший господином своего безумия и своего разума, господином богов и людей, то открывающим люк над бездной своей души, то ведущим, словно новый Сократ, со своими учениками ласково ясные беседы, полные иронической мудрости и пронизательного здравого смысла?

Но в 1858 году, к которому относятся рассказываемые мною события, Рамакришна не достиг такой степени господства над собой. Ему было еще далеко до этого. И если я опередил

события, бросив некоторый свет на дальнейшую его жизнь, то только для того, чтобы предостеречь читателя от его первого суждения, которое некогда было и моим. Терпение... Пути человеческого духа часто бывают неясны... Повременим с выводами, пока не дойдем до конца.

И действительно, божий бродяга двигался как слепой без поводыря, с закрытыми глазами. Вместо того чтобы идти по дороге, он продирался сквозь колючие изгороди и скатывался в канавы. И все же он двигался вперед. Потому что после каждого падения он поднимался и шел дальше.

Не подумайте, что он был заносчив и упрям. Более кроткого человека трудно себе вообразить. Вы ему говорите, что его состояние похоже на болезнь. Ну что ж, дайте лекарство. Он не отказывается выздороветь...

Его посылают на время домой, в Камарпукур. Мать хочет его женить, чтобы вырвать его из под власти божественного наваждения. Он не противится и даже испытывает при этой мысли невинную радость... Станный это был брак, немногим более реальный – а в смысле душевном еще менее реальный, – чем союз с богиней. Та, кого он взял в жены (1859 год), была пятилетним ребенком. Я чувствую, как при этом содрогается западный читатель (я несколько не намерен его щадить). Из всех обычаев Индии брак между детьми вызывал наибольшее возмущение в Европе и Америке. Добродетельная мисс Майо еще совсем недавно размахивала этим знаменем, правда несколько помятым, так как уже давно лучшие представители Индии – брахмасамаджины, Тагор, Ганди. – осудили этот институт, в сущности более формальный, чем реальный, – потому что детский брак обычно является лишь религиозным обетом, подобным нашему обручению, и становится действительным лишь по достижении зрелости. В случае с Рамакришной, вдвойне возмутительном в глазах какой-нибудь мисс Майо, союз связывал пятилетнюю девочку с мужчиной двадцати трех лет. Но пусть успокоятся оскорбленные души. Это был союз духовный, который так и не осуществился физически. И этот христианский брак – в смысле раннего христианства – оказался впоследствии дивно прекрасным. Будем судить о дереве по его плодам. Здесь плоды от бога, плоды чистой, неплотской любви. Маленькая Шарадamani стала целомудренной сестрой великого брата, почитавшего ее, незапятнанной его помощницей во всех его испытаниях и подвигах веры, обладавшей твердой и ясной душой. Впоследствии ученики Рамакришны распространили ореол его святости и на нее и назвали ее Святой Матерью

Пока что девочка, согласно обычаю, возвратилась после свадебных обрядов в дом своих родителей, чтобы вновь увидеть своего мужа лишь через долгий промежуток в восемь или девять лет. А муж, как будто бы обретший у матери успокоение, возвращается в свой храм. Кали ждет его. Едва он переступает порог, как божественное безумие охватывает его с удвоенной силой. Как Геркулес, сжигаемый шкурой Несса, он обращается в живой костер. Легионы богов ураганом обрушиваются на него. Он четвертован. Его «я» раздваивается, распадается; он видит, как из него выходят то демонические, то божественные существа: сначала появляется мрачное создание, олицетворяющее грех, потом выходит саньясин и, подобно архангелу, поражает греховное начало... В Индии ли мы еще или перенеслись за тысячу лет назад в монастырь христианского Запада? Рамакришна бездействует, он только смотрит на все это сборище существ, выходящих из него. Ужас сковывает его члены. Опять в течение долгих месяцев. глаза его не смыкаются. Он чувствует приближение безумия. В ужасе он обращается с мольбой к Матери. Созерцание Кали – вот единственный способ спасения. Еще два года прошли в душевных оргиях и в отчаянии И наконец пришла помощь.

III

ДВА УЧИТЕЛЯ ПОЗНАНИЯ: БХАЙРАВИ БРАХМАНИ И ТОТАПУРИ

До этого времени он плыл один, наугад, без всякой подготовки, в водоворотах души, в безбрежной реке с ревущими порогами. Силы его истощались. Он готов был пойти ко дну...

И тогда явились два человека, которые, поддерживая над водой его голову, научили его искусству пользоваться течениями и преодолевать опасности переправы.

Как известно, вся тысячелетняя история духовного развития Индии есть история бесчисленного народа, идущего на завоевание высшей Реальности. Все великие народы

мира, в сущности, имеют одну и ту же цель, явную или скрытую: они – завоеватели, идущие из века в век на приступ этой Реальности, частью которой они сами являются, которую они охватывают, по которой взбираются, падают время от времени, истощенные, и затем, переведя дух, снова устремляются вперед, пока не овладеют ею или не погибнут. Только все они видят разные стороны этой Реальности. Она точно огромная крепость, обложенная со всех сторон многочисленными армиями, лишенными связи друг с другом. И каждая из них имеет свою тактику и свои орудия войны. И каждой приходится изобретать собственные методы атаки и приступа.

Западные расы штурмуют главным образом бастионы, внешние укрепления – всю сеть физических сил природы, которой они хотят овладеть, чтобы познать управляющие ею законы и направить их против внутреннего города, чтобы сдалась вся крепость.

Индия действует иначе. Она идет прямо к цели, атакуя начальника невидимого Генерального штаба, управляющего всем из центра. Реальность, к которой она стремится, трансцендентальна. Но не вздумайте противопоставлять реализм Запада идеализму Индии. Это два реализма. Индусы по существу своему реализаторы. Они не хотят удовлетворяться абстрактной идеей; чтобы постигнуть ее, они охотно прибегают к приемам чувственного овладения. Им надо видеть, слышать, осязать, попробовать на вкус идею. Богатство их чувственных восприятий, необычная сила фантазии и способность воплощать интуицию в видимый образ далеко превосходят эти же способности на Западе. Имеем ли мы право их отвергать именем нашего разума? Разум кажется нам путем всеобщим, безличным и объективным, открытым для всех людей. Так ли это? Объективен ли он? В какой степени это верно относительно того или другого человека? Не имеет ли разум границ, поставленных ему личностью? И разве не ясно, что «реализации» индуистского разума, которые кажутся нам сверхсубъективными, нисколько не являются таковыми в Индии, где они представляют логический результат научных методов (или тщательного экспериментирования), проверенный веками и должным образом зарегистрированный? Каждый из великих религиозных духовидцев указывает своим ученикам путь, неизменно ведущий к одним и тем же прозрениям... Не заслуживают ли как их, так и наши методы приблизительно одинаковой доли мудрого скептицизма и веры на слово?

Для настоящего научного ума нашего времени даже ошибка, если она добросовестна и совершается всеми, есть уже относительная истина. Если видение искажено, важно знать, в каком направлении происходит это искажение, и искать причины его в некоторой более отдаленной и более высокой реальности.

Всеобщее верование Индии – то определенное, то неясное – заключается в том, что все существующее существует только благодаря универсальному Уму, единому и неделимому, имя которому – Брахман. В нем рождаются различные облики разнообразных предметов, наполняющих Вселенную. И Вселенная обязана своей реальностью этому универсальному духу, который является ее идеей. Мы, индивидуальные умы, составляющие неотъемлемую, органическую часть космического Духа, мы воспринимаем идею Вселенной, многообразной и изменчивой, но мы ей приписываем независимое реальное существование, пока мы не возвысимся до познания единого Брахмана. Нас вводит в заблуждение Майя, Иллюзия, которая, не имея начала и существуя вне времени, заставляет нас считать вечной реальностью то, что есть лишь поток преходящих образов, истекающих из невидимого источника – единственно существующей Реальности.

Вопрос, следовательно, в том, чтобы выбраться из увлекающего нас потока иллюзий и, подобно форели, которая пробирается против течения, перескакивая через препятствия, достигнуть истоков. Тяжелая задача! Но она ведет к спасению. Этот величественный поединок, полный страдания и героического преодоления, носит название садхана. Участники его – садхаки. Их маленькая когорта, обновляясь из поколения в поколение, пополняется бесстрашными сердцами, которые должны пройти школу терпения и суровой дисциплины, испытанной веками. Два пути существуют для них, два рода оружия, требующие длительной и упорной подготовки: первый путь – путь познания через полное отрицание («не то, не то») – это оружие джнянинов и другой – путь познания через постепенное утверждение («то, то») – это оружие бхакти. Идущие по первому пути всю свою надежду возлагают на познание интеллектуальное и, напрягши все силы, не отрывая взора от высшей цели, отказываются от

всего, что есть или кажется стоящим вне ее. Второй путь – это познание через любовь и ради любви к Возлюбленному (чья форма, очищаясь, меняется); идущие по этому пути отказываются мало помалу от всего, что не есть Он. Первый, джнянин, идет по пути Абсолюта, безличного бога. Второй, бхакти, следует по пути бога личного или по крайней мере задерживается на этом пути, прежде чем догнать у цели паломников джняны. Второй путь (бхакти) и был тем путем, на который, не ведая этого, руководимый слепым инстинктом, вступил с самого начала Рамакришна. Но он не знал его извилин и ловушек, расставленных на нем. С давних пор существовал для искателей бога своего рода «Путеводитель из Парижа в Иерусалим» – от отправного пункта до места назначения, – где были тщательно отмечены все опасности дороги, подъемы и спуски, заранее намечены и разумно распределены все этапы пути. Но путник из Камарпукура ничего об этом не знал: он шел туда, куда его несли неистовое сердце и ноги. И вот, изнемогая от сверхчеловеческого усилия, без проводника и без поддержки, обезумев от одиночества, среди глухого леса, он считал себя уже погибшим, в то время как в действительности находился почти в конце самого трудного этапа.

Помощь пришла от женщины.

Однажды, когда он со своего балкона смотрел на Гангу, где по всем направлениям сновали лодки, перекрещивая свои многоцветные паруса, он заметил, что одна из них подплывает к террасе. По ступенькам поднялась высокая красивая женщина с распущенными волосами, в платье цвета красной охры, какие носят саньясины. Ей было лет тридцать пять – сорок, но казалась она моложе. Ее вид поразил Рамакришну, который попросил ее войти. Она вошла и, едва увидев его, начала плакать, говоря:

– Сын мой, ты тот, кого я ищу уже давно.

Она принадлежала к касте брахманов, к благородной бенгальской семье, преданной культуре Вайшнава; была высокообразованна и начитанна в священных текстах бхакти. Она заявила, что ищет человека, отмеченного богом, о существовании которого ей известно от божественного Духа. На нее возложена миссия принести ему великую весть. Без лишних разговоров (она даже не назвала себя и так и осталась неизвестной под именем Бхайрави Брахмани) между святой женщиной и жрецом Кали сейчас же установились отношения матери и сына. Рамакришна, как ребенок, поведал ей все тревожения своей жизни в боге, своей садхана. Как ребенок, он рассказал ей о своих горестях, о своих телесных и духовных страданиях; он рассказал, что многие считают его умалишенным, и кротко, с трепетом спросил, так ли это. Бхайрави, выслушав исповедь, утешила его с чисто материнской нежностью и сказала, что не печалиться, а радоваться следует ему, ибо он собственными своими силами достиг одного из наивысших состояний садханы, описанных в текстах бхакти, и его страдания составляют ступень великой лестницы. Она облегчила их, исцелив его тело и просветив его ум. И путь познания, который он проделал с завязанными глазами, впотьмах, она заставила его вновь пройти при полном свете, так как при помощи одного инстинкта Рамакришна в несколько лет достиг таких осуществлений, которые мистическая наука завоевывала веками (но он сможет стать в полной мере их господином лишь тогда, когда постигнет сознанием весь путь победы).

Бхакти, «познающий через любовь», начинает с приятия некоей одной формы бога, в которой он видит свой избранный идеал (как божественная Мать, избранная Рамакришной). Он долго оставался поглощенным этой единой любовью. Вначале ему трудно достигнуть ее объекта, но постепенно ему удается видеть его, осязать, беседовать с ним. С этого времени ему достаточно малейшей сосредоточенности, чтобы почувствовать присутствие живого господя. Так как он считает, что его господь есть все, принимает все формы, он начинает воспринимать различные эманации, истечения других форм бога, которые все являются изучением его возлюбленного. Эта божественная полиморфия населяет его воображение. Наконец она настолько заполняет его своей музыкой, что в нем не остается места для мира материального: он исчезает. Это Савикальпа самадхи – состояние сверхсознательного экстаза, при котором дух все же поддерживает связь с внутренним миром, с миром мысли; он все еще наслаждается сознанием своей жизни в боге. Но когда одна единственная мысль овладевает душой, все другие мысли бледнеют и меркнут, тогда близка конечная цель – Нирвикальпа самадхи, высшее единение с Брахманом. Еще немного – и можно достигнуть

прекращения мышления, когда наконец путем полного отречения осуществится абсолютное единение.

Весь этот путь развития Рамакришна на три четверти проделал вслепую. Бхайрави, которую он почитал своей духовной матерью, своим гуру (учителем), открыла ему все стороны и направления этого пути. Хорошо знакомая с этими путями познания, сама проделавшая все требуемые религиозные упражнения, она систематически, по правилам, предписываемым священными книгами, вела его последовательно по всем путям садханы – даже самым опасным, как путь тантр, подвергающий чувства и ум всем искушениям плоти и духа с целью их преодоления; идущий по этому пути подвергается опасности свалиться в деградации и безумии, и многие из отважившихся не вернулись обратно. Но чистый Рамакришна вернулся столь же чистым и закаленным как сталь.

Теперь он владел всеми способами слияния с богом через любовь – девятнадцатью положениями, или различными движениями души в присутствии ее бога: отношениями слуги к господину, сына к матери, друга, возлюбленного, супруга и т. д. Он обложил божественную крепость со всех сторон; завоеватель бога сам имел в себе божественное начало. Его руководительница признала в нем воплощение божества. На собрании, созванном по ее инициативе в Дакшинешваре, после продолжительной дискуссии ученых пандитов Бхайрави заставила авторитетных теологов признать в нем новую аватару.

Тогда его популярность начала расти. Издалека приходили паломники, чтобы посмотреть на новое чудо – человека, прошедшего не один, а все пути садханы; и все паломники, стремившиеся к богу тем или иным путем, – монахи, аскеты, ученые, садху, – озаренные, приходили за советом и вдохновением к тому, кто сидел теперь на перекрестке дорог и господствовал над ними. Их рассказы свидетельствуют о том очаровании, какое они испытывали при виде человека, вернувшегося не как Данте из ада, но как искатель жемчуга из морских глубин, – при виде золотистого сияния его тела, которое от длительного действия внутреннего экстаза казалось обожженным и покрытым патиной.

Он же, слишком опьяненный богом, чтобы быть опьяненным собой, оставался до конца жизни самым простым из людей, без тени гордости, занятый не столько тем, чего он достиг, сколько стремлением достигнуть новых озарений. Ему были неприятны разговоры о его аватаре. В то время как в глазах всех, даже в глазах Бхайрави, руководившей им, он уже достиг цели, он смотрел на непройденный подъем, на крутой гребень. Во что бы то ни стало он должен был достигнуть вершины!

Но для этого прежних руководителей было недостаточно. И как бывает со всякой матерью, духовная мать, ревниво оберегавшая его в течение трех лет, с огорчением видела, что он, вспоенный ее молоком, ускользает от нее, повинувшись более мужественному и твердому голосу.

* * *

К концу 1864 года, как раз к тому времени, как Рамакришна достиг завоевания личного бога, явился в Дакшинешвар не подозревавший о своей миссии Вестник безличного бога, Тотапуре («нагой человек») – необыкновенный аскет, последователь Веданты, странствующий монах, сорокалетней подготовкой достигший высшего откровения; освобожденный дух, скользивший равнодушным взглядом по призрачному миру, ко всему безразличный.

Уже давно Рамакришна не без тревоги чувствовал возле себя присутствие лишненной формы и непостижимого бога и сверхчеловеческое безразличие его raissi Dominici, этих удушающих Парамаханса, которых ничто ни к чему не привязывает, этих аскетов, отрешившихся от тела и от души, лишенных последнего достояния, последнего обола, алмаза сердца – любви к божеству. С первых дней своего пребывания в Дакшинешваре он видел, цепенея от ужаса, этих живых мертвецов и в страхе плакал при мысли, что ему придется, быть может, пройти через это, уподобиться одному из них.

Легко вообразить, чего это должно было стоить одержимому любовным безумием, прирожденному любовника, которого я только что описал, художнику, который чувствует потребность видеть, трогать, есть то, что он любит, не может обойтись без живого образа, который он должен обнять, с которым должен слиться подобно ручью, заполняя собою божественные формы его прекрасных членов. И ему придется покинуть это гнездышко

сердца, раствориться душой и телом в горниле, полном бесформенного и абстрактного... Такая попытка должна была казаться ему более тягостной и чуждой, чем любому ученому нашего Запада.

Но он не мог этого избежать. Уже самый испуг заключал в себе чарующую силу, притягивал, как змеиный глаз. Головокружение опьяняет. Кто испытал его, карабкаясь по кручам, должен подняться до самой вершины. Исследователь материка богов не мог остановиться, не добравшись до истоков таинственного Нила.

К тому же, как я уже говорил, безобразный бог подкарауливал его. В нем была и отталкивающая, и притягательная сила. Не Рамакришна пошел к нему, но посланный Тоттапури явился за возлюбившим Кали.

Он только проходил мимо. Никогда он не должен был задерживаться на одном месте больше чем на три дня. Он увидел Рамакришну, невидимый им. Молодой жрец сидел на ступеньках храма, погружившись взором в блаженное созерцание жившего внутри его видения. Взгляд его поразил Тоттапури.

– Сын мой, – сказал он ему, – я вижу, что ты уже далеко продвинулся по пути истины. Если хочешь, я могу помочь тебе достигнуть следующего этапа. Я научу тебя Веданте.

Рамакришна с наивной простотой, заставившей улыбнуться сурового аскета, ответил, что ему сначала надо спросить разрешения у Матери (Кали). Разрешение было получено. Тогда он кротко и с полным доверием отдался во власть божественного руководителя.

Прежде всего ему предстояло подвергнуться испытанию посвящения. Первым условием был отказ от всех привилегий, от всех знаков отличия: от шнурка брахмана, от звания жреца – это ничего не значило, – но он должен был отказаться от всех надежд, привязанностей, иллюзий, которыми он жил: от личного бога, от всех плодов его любви и его жертвы, здесь, на земле, и вообще где бы то ни было, отныне и во веки веков... Ему пришлось, совершенно нагому, исполнить над собой символический обряд погребения. Он предал земле последние останки своего «я» – свое сердце... Лишь тогда он мог облачиться в одежду саньясина цвета охры, эмблему нового пути. И Тоттапури начал разъяснять ему сущность основных истин Веданты и Адвайты Брахмана, единого и неделимого, и погружений в поисках своего «я», чтобы осуществить слияние с Брахманом и прочно в нем утвердиться путем самадхи (экстаза). Не следует думать, что легко было ему, даже пройдя все этапы экстаза, найти ключ от узкой двери, ведущей к последнему из этих этапов. Его рассказ об этом должен быть воспроизведен. Он не только принадлежит к священным текстам Индии, но вместе с тем представляет ценный материал для изучающих жизнь духа на Западе.

«...Нагой человек (Тоттапури) приказал мне отвлечь мой ум от предметов и погрузиться в лоно Атмана. Но, несмотря на все мои усилия, я не мог миновать царство имен и форм и привести свой дух в состояние „безусловности“. Мне не стоило никакого труда отвлечь свой ум от всех предметов, за исключением одного: это был слишком близкий мне образ моей лучезарной возлюбленной Матери, средоточие чистого познания, являвшийся мне как живая реальность. Он преграждал мне дорогу к потустороннему. Я многократно делал попытки сосредоточить свой ум на поучениях Адвайты, но каждый раз передо мной вставал образ Матери. В отчаянии я сказал Тоттапури: „Это невозможно. Мне не удастся поднять свой дух до состояния „безусловности“, чтобы оказаться с глазу на глаз с Атманом“. Он строго возразил мне: „Как, ты не можешь? Ты должен“. Оглядевшись вокруг себя, он нашел кусок стекла, взял его, вонзил кончик мне в переносицу и сказал: „Сосредоточь свой ум на этом острие“. Я напряг все свои мыслительные способности, и лишь только передо мной возник прелестный образ божественной Матери, я воспользовался способностью размышления и, действуя как мечом, рассек этот образ надвое. Тогда исчезло последнее препятствие, и мой ум тотчас же вознесся за пределы „условных“ вещей. Я растворился в самадхи».

Ему понадобились напряжение всех сил и бесконечное страдание, чтобы взломать дверь, ведущую в царство недостижимого. Но, едва войдя, он одним прыжком достиг последнего его этапа – Нирвикальпа самадхи, в котором исчезают и субъект, и объект.

«Вселенная померкла. Исчезло само пространство. Вначале мысли тени колыхались на темных волнах сознания. Только слабое сознание моего „я“ повторялось с монотонным однообразием... Вскоре и это прекратилось. Осталось одно лишь Существование. Душа потонула в своем „я“. Всякая двойственность исчезла. Пространство конечное и пространство

бесконечное слились в одно. За пределами слова, за пределами мысли я достиг Брахмана». Он в один день осуществил то, для чего Тотапури понадобилось сорок лет. Аскет, пораженный результатом своего опыта, изумленно взирал на это тело, застывшее, как труп, и пролежавшее три дня, излучая божественную ясность духа, достигшего предела познания. Тотапури должен был пробыть на месте лишь три дня. Однако он остался одиннадцать месяцев, чтобы вести беседы с учеником, превзошедшим своего учителя.

* * *

Положение изменилось. Молодой птенец спустился с небесных высот; он заглянул за первую гряду холмов. В его расширенных зрачках запечатлелись более широкие просторы, чем в узких острых зрачках старого «нагна». Теперь настала очередь орлу поучать змею. Не обошлось без сопротивления.

Вот перед нами стоят лицом к лицу оба духовидца. Рамакришна: маленький черноволосый человек, с небольшой бородой и сияющими глазами, удлинёнными, темными, слегка косыми, которые никогда не бывают совсем открыты, но от этого еще лучше видят, вовне и внутри, с белыми зубами, полуоткрытым ртом и чарующей улыбкой, приветливой и лукавой. Среднего роста, очень худощавый и удивительно хрупкий, с темпераментом в высшей степени нервным, сверхчувствительным к малейшему дуновению радости или боли, душевной и физической, – живое отражение всего, что проходит перед зеркалом его двойного, внутреннего и внешнего, взора. Он наделен редкостным даром воплощения, позволяющим ему проникать в каждое существо мгновенно, не теряя при этом своей «feste Burg», неподвижной точки в центре бесконечного движения.

Его слегка заикающаяся речь на простом бенгальском языке производит обаятельное впечатление своим чистым музыкальным тембром, богатством прочувствованных и продуманных образов, неисчерпаемым запасом метафор и фигур, необычайно острой наблюдательностью, веселым и тонким юмором, всеобъемлющей благожелательностью и неиссякаемым потоком мудрости.

Рядом с этой Гангой, с ее глубинами и отблесками, ее водными равнинами и течениями, волнами и извилинами, с миллионами существ, которых она носит и кормит, возвышается Гибралтар – большой, могучий, опаленный ветрами, несокрушимый, непоколебимый утес с львиным профилем. У него железное сложение. Ум тоже. Он не знаком ни с болезнями, ни вообще со страданием. Они вызывают в нем лишь презрительную усмешку. Это могучий вождь людей. До того как начать бродячую жизнь, он был главой монастыря в Пенджабе и властвовал над семьями монахов. Он прекрасно владел методами суровой дисциплины, которые лепят, как мягкую глину, тело и дух человека. Ему не приходило в голову, что есть вещи, которые могут сломить непреклонную волю, будь то страсть, случай, мучения плоти или магическая сила божественной иллюзии, производящая бури в человеческой жизни... Ибо для него Майя была просто ничто, пустота, ложь, которую достаточно было раскрыть, чтобы избавиться от нее навсегда. Для Рамакришны же Майя тоже была богом, так как бог есть все, – она была лицом Брахмана. Достигнув вершины, после бурного восхождения, Рамакришна не забыл ничего – ни смертельной тоски, ни порывов, ни случайностей головокружительного подъема: малейшие картины пути стояли перед его глазами; и он отмечал все это, следуя историческому порядку, в свое время, в своем месте, рисуя чудесную панораму вершин. А что же мог запечатлеть в своей памяти «нагой человек»? Его память была так же обнажена, как сам он, лишена эмоций и любви. «Мозг из порфира», как говорил некий итальянец о величайшем умбрийском художнике. Надо было, чтобы эту мраморную доску исцарапали когти плодотворной боли. Так и случилось. Великий интеллектуал не понимал, что любовь может быть путем, ведущим к богу. Он отвергал опыт Рамакришны. Он презирал громкие молитвы, внешние проявления благочестия, музыку, пение, религиозные танцы. Когда Рамакришна на исходе дня затягивал свою мелопею, монотонно выкликая имена господ и хлопая в ладоши, он с язвительной усмешкой спрашивал:

– Ты это что, лепешки готовишь?

Но уже помимо воли он поддавался чарам; некоторые напевы товарища трогали его, вызвали на глазах слезы, которые он старательно скрывал.

Климат Бенгалии, вкрадчивый, нервирующий, действовал и на уроженца Пенджаба, который

не хотел с этим считаться. Его чуть ослабленная воля утратила контроль над движениями, чувствами. Самый твердый рассудок подвержен противоречиям, которых он сам не замечает. У этого противника была своя слабость: он почитал огонь божественным символом, и возле него всегда горела жаровня. Однажды один из слуг подошел, чтобы взять из нее уголек. Тоттапури был возмущен таким непочтением; Рамакришна засмеялся, как он один умел, своим детским радостным смехом.

– Вот видите, – воскликнул он, – видите на себе действие неотразимой Майи!

Тоттапури растерялся. Значит, и он, он тоже, неведомо для самого себя, подпал под иго иллюзии?.. К тому же и болезнь не замедлила указать ему границы возможностей горделивого разума. Я уже говорил, что еще ни разу в жизни он с ней не встречался. После нескольких месяцев жизни в Бенгалии у него начались приступы дизентерии. Ему следовало уехать. Но это значило бы бежать от болезни и страданий. Он заупрямился: «Я не уступлю телу». Болезнь усиливалась, и разуму не удавалось больше отвлечься от нее.

Тоттапури пришлось подвергнуться лечению, но без пользы. Боли росли с каждым днем, как тень, постепенно поглощающая дневной свет. Они сделались столь невыносимыми, что аскет потерял возможность сосредоточивать свои мысли на Брахмане. Преисполнившись гневом против своего тленного тела, он пошел к Ганге с намерением освободиться от него. Но тут его остановила невидимая рука. Уже войдя в реку, он вдруг лишился воли, утратил желание топиться... Он вернулся, поверженный во прах. Он испытал на себе могущество Майи. Она была здесь, повсюду, в жизни, в смерти, в страдании, везде она – божественная Мать. Всю ночь провел он один, в мыслях о ней. А к утру он стал новым человеком. Он признал перед Рамакришной, что Брахман и Шакти, или Мать – одно и то же. И божественная Мать, смягчившись, избавила его от болезни. Он простился со своим учеником, ставшим его учителем, и ушел просветленный

Впоследствии Рамакришна в следующих словах резюмировал двойной опыт, проделанный после него «нагим человеком»:

– Когда я мыслю верховное существо бездеятельным, несозидающим, несохраняющим, неразрушающим, я называю его Брахманом или Пурушей, богом безличным. Когда я мыслю его деятельным, созидающим, сохраняющим, разрушающим, я называю его Шакти, или Майя, или Пракрита. – личным богом. Но в сущности, никакой разницы между ними не существует. Безличное и личное – это одно и то же. Как молоко и его белизна. Алмаз и его блеск. Змея и ее пресмыкание. Нельзя мыслить одно без другого. Божественная Мать и Брахман – одно

IV

ТОЖДЕСТВО С АБСОЛЮТОМ

Эта великая идея не была новой. Она давно уже питала мысль Индии. На протяжении веков ее лепили, разминали, раскатывали вальком ведантической философии. Она была объектом бесконечных споров между двумя большими школами последователей Веданты – школой Шанкары, чистой школой Адвайта, и так называемой школой Рамануджи, или Вишишта двайта (видоизмененный монизм). Первая, абсолютно недualiстическая, признает Вселенную нереальной, считая единственно реальным лишь Абсолют; вторая, относительно недualiстическая, тоже считает Брахмана единственной реальностью, но признает мир видимостей, индивидуальную душу видоизменением этой реальности, не иллюзорным, а вытекающим из таких атрибутов Брахмана, как Мысль, Энергия, сеятельница живого многообразия.

Обе школы терпимо относились друг к другу, причем более крайняя с некоторой презрительной снисходительностью рассматривала другую как компромисс, как нечто переходное, вызванное к жизни человеческой слабостью, как костыль, могущий помочь ей в ее колеблющемся восхождении. Критическим пунктом оставалось определение иллюзии, мира «феноменов», сущности Майи. Какова она, относительна или абсолютна? Сам Шанкара не давал ей точного определения. Он говорил только, что она есть, и целью философии Адвайты является ее полное уничтожение, в то время как адвайтисты умеренные («отклонившиеся»), как, например, Рамануджа, старались некоторым образом использовать ее в целях усовершенствования индивидуальной души.

Какое место, в сущности, занимал между этими двумя школами Рамакришна?

Гибкость, пластичность его натуры склоняют его, пожалуй, к примирительной позиции Рамануджи. С другой стороны, страстность его веры заставляет его принять самую крайнюю концепцию Абсолюта. Благодаря своей гениальной интуиции он находит самые меткие выражения, самые остроумные притчи, чтобы пояснить, что невозможно не только выразить понятие Абсолюта, но даже приблизиться к пониманию его. Он дает нам почти физическое ощущение этого «оторванного от всего» существа, этого солнца, о котором Шанкара говорил (отвечая на возражение, что чистый познающий Абсолют невозможен без объектов его познания), что «солнце сияло бы, даже если бы оно ничего не озаряло». Но насколько ярче выражения, употребляемые Рамакришной, обладающим слишком острым зрением, чтобы не описывать, даже когда он их отрицает, эти озаряемые объекты! О своем Солнце он говорит, что оно одинаково изливает свет на добро и зло, что оно подобно свету лампы, при котором один может читать Священное Писание, а другой – подделывать чужую подпись. Что оно как гора из сахара, которую муравьи хвалятся унести, в то время как они отгрызли от нее всего несколько крошек и уже насытились. Что оно как море, к краю которого наклонилась кукла из соли с намерением измерить его глубину, как только она опустит в него ногу, она уже пропала, растаяла, исчезла. «Существо, оторванное от всего» – значит, мы его не можем удержать, оно ускользает от нас, но это ведь не значит, что сами мы не существуем. Если оно освещает наши усилия, наше неведение, нашу мудрость, наши добрые дела и преступления; если мы грызем его кору; если существует между нами некая точка соприкосновения, когда оно берет нас в свой огромный рот и проглатывает, – то где же до этого момента движется соляная кукла, ползают муравьи? А тот, кто трудится под лампой, – подделыватель или святой отшельник, – где же помещается скамья, на которой он сидит, книга, которую он читает, и самый свет его глаз?..

Рамакришна нам говорит, что даже священные книги все более или менее загрязнены, как отбросы пищи, ибо написанное в них прошло сквозь человеческие уста. Но сама грязь – а она предполагает чистоту Брахмана, – реальна ли она? Где эти губы, где зубы, разжевавшие несколько крупинок божественной пищи?

Должно же отдельное где то существовать, раз оно «оторвано» от нераздельного и раз «скреп», то есть «соединение Отдельного с Нераздельным», и есть в конечном счете, как говорит Рамакришна, истинный предмет учения Веданты.

И действительно, Рамакришна признает два различных способа, два плана видения: видение под знаком Майи, придающее реальность миру отделенному, и сверхвидение при совершенном созерцании (самадхи), которое при одном приближении к Абсолюту заставляет мгновенно рассеяться ирреальный мир всех отдельных «я».

Но, уточняет Рамакришна, абсурдно утверждать, что мир нереален, поскольку мы составляем часть его и, сохраняя наше «я», выносим непоколебимое убеждение (хотя бы и затемненное при нашем тусклом свете) в его реальности. Даже святой, пробуждающийся от самадхи (экстаза) к обыденной жизни, принужден снова вернуться к оболочке своего «отдельного я», правда смягченного и очищенного. Он снова отброшен в мир относительного. Поскольку его «я» для него относительно реально, мир для него тоже реален, а абсолютное, наоборот, для него относительно нереально. Он воспринимает Майю как реальность; но благодаря его очищенному «я» он видит теперь в мире феноменов совокупность проявлений Абсолюта для наших чувств. И перед ним встает истинный лик Майи: она в одно и то же время истина и ложь, знание и неведение, Видья и Авидья, то, что ведет к богу, и то, что не ведет к нему. Значит, она есть.

Его утверждение приобретает значение свидетельского показания, он – апостол Фома, видевший и осозавший, когда он говорит о «Виджняни», о сверх видящих (к которым он сам принадлежит), получивших привилегию в этой жизни «осуществить» бога личного и безличного.

Они видели бога и внутри, и вне. Он явился им. Бог личный сказал им: «Я есмь Абсолют. Я положил начало „отдельному“. Они проникли в самую сущность божественной Энергии, в сияние Абсолюта, в самый принцип деления Атмана и Вселенной – на то, что есть в боге абсолютном и что есть в Майе. Нет, Майя, Шакти, Пракроти, Природа не есть иллюзия. Она, в глазах просветленного „я“, есть проявление высшего Атмана, великого сеятеля человеческих душ и Вселенной».

Отныне все становится ясным. И духовидец, вернувшийся из огненной бездны Брахмана, находит на берегу, к своей великой радости, божественную Мать, свою возлюбленную. И он смотрит на нее теперь новыми глазами, так как ему открыт ее глубокий смысл, ее тождество с Абсолютом. Она есть Абсолют, входящий в соприкосновение с людьми, безличное, которое становится человеком – становится женщиной. Она – начало всех воплощений. Божественная посредница между бесконечным и конечным.

И Рамакришна возносит хвалу Святой Матери:

«Да, моя Пресвятая Мать не что иное, как Абсолют. Она одновременно едина и множественна и выше единства и множественности. Моя Пресвятая Мать говорит: Я – Мать Вселенной, я – Брахман Веданты и Атман Упанишад... Это я – Брахман, положивший начало отдельному. Добрые и дурные дела мне послушны. Существует, конечно, закон кармы. Но я – его законодатель. От меня зависит создание законов и их изменение. Я повелеваю кармой, хорошим и дурным... Придите ко мне. Путем любви (бхакти), или познания (джняна), или путем действия (карма), ведущим к богу. И я поведу вас сквозь этот мир, океан всех тварей... И я дам вам также познание Абсолюта, если вы пожелаете... Вы не можете освободиться от своего „я“ и от меня. Даже те, кто в экстазе постиг абсолютное, возвращаются ко мне по моему желанию...»

«Моя Пресвятая Мать есть первоначальная божественная Энергия – она вездесуща. Она одновременно и внутри, и вне явлений. Она породила мир. И мир носит ее в своем сердце. Она – паук, и мир – паутина, сплетенная ею. Паук извлекает паутину из своей сущности, а затем обвивает себя ею. Моя Мать одновременно и содержимое, и содержащее. Она – скорлупа. Она – и ядро...»

Этот пламенный символ веры своими элементами восходит к старинным источникам Индии – ни Рамакришна, ни его последователи никогда не притязали на новизну мыслей. Не в этом заключается гений учителя: он воскрешает мысли божества, скованные летаргией, и дает им воплощение; он пробуждает источники «спящего царства» и окрашивает их своей горячей, своей магической индивидуальностью. Этот символ веры, эта страстная песнь любви принадлежит ему по тону, по размеру, по ритму и мелодике, как песня страстной любви. Прислушайтесь внимательно. Какая в этом гимне широта! Какая безграничность и вместе с тем какой гармонический порядок! Он не стеснен никакими рамками размера, но в своей свободе достигает высшей гармонии, порядка, красоты. Поклонение Абсолюту уживается с горячей любовью к Майе. Удержим в памяти этот крик любви. Мы сможем оценить его величие позже, услышав Вивекананду. Этот великий борец будет биться в сетях Майи, стараясь их разорвать; он с ней постоянно воюет. Это состояние Рамакришне незнакомо. Он ни с кем не ведет войны. Он нежно любит своего противника. И никто не может устоять против его очарования. Враг его любит. Майя обвивает его руками. Они сближают уста. Армида находит своего Рено. Цирцея, обольщающая человеческое стадо, для него становится Ариадной, ведущей Тезея по извилинам лабиринта. Всемогущая иллюзия, застилающая пеленой взор сокола, делает глаза Рамакришны более зоркими. От ее толчка он высоко взлетает и парит в воздушных пространствах. Майя – это Мать, которая является детям под разными оболочками прекрасного и в разных божественных воплощениях. «Своей любовью, огнем своей души (бхакти) она так хорошо растворяет оболочку отдельных „я“, что от них остается одна длина без объема, одна линия, точка, которая вот вот готова исчезнуть под ее усердными пальцами, рассеяться в океане Брахмана».

Да будут же благословенны пальцы и вода океана! Благословенны лицо и покрывало. Все есть бог. Бог во всем. Он в тени и в свете. Гюго сказал, увлекшись английскими моралистами XVII века: «Солнце есть уже тень бога». Рамакришна же сказал бы, что «тень есть уже Его свет».

Что придает его мысли аромат жизни – это свойство каждого истинного мыслителя Индии верить лишь в то, что он сам претворил, прочувствовал всем своим существом. Выражение «постигнуть мысль» приобретает здесь свое полное материализованное значение. Верить – значит объять и от объятия сохранить плод, который созреет...

Если уже Рамакришна познает объятия такой истины, она не останется в нем в виде мысли, она претворится в жизнь, даст жизненные ростки и, оплодотворенная его credo, превратится в

цветущий и плодоносный сад претворений, не абстрактных и далеких, а точных, конкретных, обычных в повседневной жизни, способных утолить голод людей. Вкусив однажды от этого божественного тела, составляющего самую субстанцию Вселенной, он теперь находит его – неизменно – за всеми столами всех религий. И он делится пищей бессмертия на вечере не двенадцати апостолов, а всех алчущих душ – всей Вселенной.

* * *

После отъезда Тотапури (к концу 1865 года) Рамакришна оставался еще более полугода в заколдованном огненном кругу. Он продолжал, напрягая все свои силы, стремиться к тождеству с Абсолютом. В течение шести месяцев, по его утверждению, он находился в каталептическом состоянии экстаза, в каком пребывали, судя по описаниям, древние факиры: тело, покинутое духом, было, точно заброшенный дом, предоставлено разрушительным силам. Если бы не племянник, бодрствовавший над этим телом без хозяина и насильно кормивший его, Рамакришна бы умер. Дальше некуда идти по пути экстатического слияния с «Не имеющим образа»; это действительно высшая точка того длинного пути «йогического» аскетизма, который уже не в первый раз смущает, вернее, раздражает моего французского читателя, привыкшего ходить по твердой земле и уже давно позабывшего о толчках внутреннего огня. Пусть он согласится следовать за мной еще некоторое время. Мы спускаемся по склону вулкана – вулкана человеческого.

Впоследствии Рамакришна сам признал, что он искушал бога и что он чудом вернулся обратно. Он ни за что не предложил бы ни одному из учеников проделать подобный опыт; он запретил его даже Виве кананде, как своего рода блаженство, не позволенное благородным душам, долг которых – жертвовать своим счастьем для блага других. Когда молодой Нарендра настойчиво, страстно умолял его открыть ему Нирвикальпа самадхи, страшную дверь, ведущую в бездну Абсолюта, Рамакришна отказал ему с великим гневом – он, который никогда не сердился и не позволял себе резкого слова по адресу своего любимого сына. – Стыдись! – воскликнул он. – Я думал, что ты будешь огромным баньяном, который может укрыть тысячи страждущих душ... А вместо того ты ищешь собственного блага, ты эгоист. Брось эти пустяки, дитя мое! Как можешь ты удовлетвориться таким узким (буквально: имеющим одну сторону) идеалом. Надо иметь много сторон. Радуйся господу во всех его формах (это значит: «в сознании и в действии»). Переведи самое высшее Познание в самое высшее Служение людям.

И Нарендра исходит слезами, униженный, принужденный отказаться от своего желания. Но он признал справедливой волю учителя; и, нося в своем сердце тоску по божественной бездне, он всю жизнь посвятит служению людям, скромный, твердый и самоотверженный.

Надо полагать, что Рамакришна в описываемый нами период еще не окончил своих «Годов обучения» (Lehrjahre). Жизненный опыт он изучает не как мы (лишь частично), пользуясь общими знаниями, но на свой собственный страх и риск.

Если он уцелел после описанного выше опыта, то это не его заслуга и не его воля. Мать, как он утверждает, вернула его к долгу человека при помощи телесного страдания. Жестокая дизентерия, терзавшая его шесть месяцев, постепенно вырвала его из Нирвикальпы. Наряду с физической, и душевная боль привязывала его к земле. Один знавший его монах говорит, что в первые дни после пробуждения от экстаза, увидев двух злобно ссорившихся лодочников, Рамакришна закричал от боли. Он сливался со всеми мирскими страданиями, даже нечистыми, даже смертоносными.

Его душа была изъедена болью. Но он знал теперь, что все различия, которые заставляют людей сталкиваться, – все они дети одной Матери, что Всемогущее разделение есть самое лицо бога. Что надо любить бога во всем разнообразии созданных им людей, часто противоречащих и враждебных друг другу, во всех формах мысли, которые управляют их существованиями и часто губят их, – и, прежде всего, что надо любить людей во всех их богах.

Внезапно он понял, что все религии различными путями ведут к одному и тому же богу. И он тотчас же решил исследовать все эти пути. Для него «понять» значило «быть и действовать».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ

Первый исследованный им путь был путь ислама. Он вступил на него, едва успев оправиться после болезни (конец 1866 г.).

Храм, в котором он служил, часто видел в своих стенах мусульманских факиров. Хозяйка Дакшинешвара, Рани Расмани, эта разбогатевшая простолюдинка с широкой душой, преисполненной горячей веры, пожелала, чтобы при храме было помещение для случайных гостей других верований. Рамакришна заметил однажды среди молящихся скромного мусульманина, Говинда Рая, поглощенного своей молитвой, и сквозь оболочку распростертого тела увидел, что этот человек путем ислама тоже познал бога. Он попросил мусульманина посвятить его в свою веру. Жрец Кали на много дней отрекся, совершенно забыл своих богов. Он перестал им поклоняться, перестал даже думать о них: он жил вне храма, повторял имя Аллаха, одевался на манер магометанина, готов был даже (о святотатство!) вкусить запрещенную пищу, мясо священного животного, коровы. Его хозяин и покровитель Матхур бабу в ужасе умолял его отказаться от этого шага и потихоньку поручил одному брахману приготавливать ему под руководством мусульманина пищу, чтобы предохранить его от скверны. Эта способность целиком отдавать себя чужому строю идей имела результатом, как всякое духовное движение этого страстного художника, материализацию идеи: ему явился сияющий образ человека, со строгим ликом, с длинной бородой (должно быть, таким он представлял себе пророка?), который приблизился к нему и влился в него. Рамакришна осуществил мусульманского бога «Брахмана с атрибутами». От него он далее перешел к «Брахману без атрибутов»; река ислама привела его к Океану. Впоследствии толкователи его учения объясняли этот опыт, последовавший непосредственно за его великим слиянием с Абсолютом, в том смысле, очень важном для Индии, что мусульмане и индусы, эти братья противники, смогут объединиться только на почве Адвайты, бога без образа, в честь которого «Ramakrishna Mission» позднее построила в глубине Гималаев святилище, краеугольный камень огромного и сложного здания всех религий. Семь лет спустя – я располагаю факты в таком порядке для удобства изложения – подобного же рода опыт помог Рамакришне «реализовать» христианское учение. Приблизительно в ноябре 1874 года некто Малик, индус из Калькутты, владевший садом в Дакшинешваре, прочитал ему Библию. Рамакришна впервые встретился с Христом. Вскоре после того божественное слово претворилось в плоть. Жизнь Христа тайно проникла в него. Однажды, сидя в маленькой гостиной своего приятеля, богатого индуса, он увидел на стене изображение Мадонны с младенцем. Фигуры ожили. Развернулась обычная сцена в неизменном порядке: святые видения приблизились, влились в него. И все его существо прониклось ими. На этот раз наводнение было гораздо сильнее, чем наводнение ислама. Оно затопило всю его душу. Никакая плотина не могла удержать его. Все индуистские идеи были унесены. Рамакришна в ужасе бился в бушующих волнах, он кричал: «О Мать! Что ты делаешь? Помоги мне!»

Напрасно. Бурный прилив затопил все. Душа индуса изменилась. В ней не было места ни для чего, кроме Христа. В течение многих дней ею владела только христианская мысль, только христианская любовь. О том, чтобы пойти в храм, не было и речи... Однажды днем в рожице Дакшинешвара он увидел человека с большими прекрасными глазами, с ясным взглядом и светлым лицом; он был очарован, не знал, кто бы это мог быть. Незнакомец приблизился. В душе Рамакришны запел голос: «Вот Христос, проливший кровь своего сердца для искупления людей, вот тот, кто испил море страданий из любви к людям. Это он, Учитель йогинов, вечный союзник бога. Это Иисус, воплощенная любовь».

Сын человеческий поцеловал индийского духовидца, сына Матери, и растворился в нем. И Рамакришна погрузился в экстаз. Еще раз осуществилось слияние с Брахманом. Потом постепенно он вернулся в нормальное состояние. С того времени он сохранял веру в божественность Иисуса Христа, считая его воплощением Господа.

Но не единственным: Будда, Кришна были для него тоже воплощениями бога.

Я уже вижу, как наши абсолютные христиане, стражи тела Господня, хмурят брови и надменно изрекают: «Что он знает о нашем боге? Видение? Излучение? Это слишком легко. Он ничего не знает об учении».

Он мало знал, это верно. Он был бхакт, верующий через любовь. Он не притязал на науку

джнянинов, людей, верующих через познание. Но разве каждая из двух стрел, когда лук натянут твердой рукой, не попадает в одну и ту же цель? И для того, кто идет до конца, разве не сливаются в одну две разные дороги? Великий ученик Рамакришны, интеллектуал Вивекананда, говорил о нем: «Он был бхакт вовне и джнянин внутри».

При известной степени интенсивности великая любовь понимает, а великое понимание проникает в тайники сердца.

И уж во всяком случае не христианам отвергать могущество любви, превратившей скромных галилейских рыбаков в любимых учеников их Бога и в основателей Его Церкви. И кому было дано первому увидеть воскресение, как не раскаявшейся грешнице, не имевшей других прав на это, кроме слез любви, которыми она омыла ноги Христа, вытирая их своими волосами.

Наконец, знание человека не измеряется количеством прочитанных им книг. В стране Рамакришны, как и в древние времена, лучшее, что есть в культуре, передается устно.

Благодаря беседам с тысячами садху, монахов, паломников, пандитов, со всякими людьми, интересующимися религиозными вопросами, Рамакришна в течение своей жизни приобрел глубокое энциклопедическое знание религий и религиозных философий, постоянно углубляемое его размышлениями.

Однажды ученики, удивленные его познаниями, спросили его:

– Как вы могли изучить всю науку прошлого?

Рамакришна ответил:

– Я не читал, я слушал ученых, я сплел из их знаний венки вокруг моего сердца и положил его к ногам Матери.

Он говорил своим ученикам:

– Я исповедовал все религии: индуизм, ислам, христианство и следовал по пути различных сект индуизма. И я нашел, что все они различными дорогами приближаются к одному и тому же богу... И вам следует приобщиться ко всем этим верованиям и пройти по этим путям. Я вижу, что все люди враждуют во имя религии: индусы, магометане, брахманисты, вишнуиты и т. д. И они не понимают, что тот, кого зовут Кришна, зовется также Шива, или Первоначальная Энергия, или Иисус, или Аллах. Единый Рама, обладающий тысячью имен.

«К резервуару ведут несколько лестниц (гхатов). С одной лестницы черпают кувшинами воду индусы и называют ее джал; с другой черпают воду мусульмане кожаными мехами и называют ее пани; с третьей – христиане, которые называют ее уотер. Станем ли мы утверждать, что эта вода есть не джал, а пани или уотер? Это просто смешно... Сущность одна, она только носит разные имена. И все ищут одну и ту же Сущность, меняются только климат, темперамент и имя... Пусть каждый следует своей дорогой. Если он искренне, страстно желает познать бога, пусть не тревожится. Он достигнет его...»

* * *

Период, следующий за 1867 годом, не добавляет ничего существенного к внутренней сокровищнице Рамакришны; в этот период он занят усвоением добытого. Его откровения приходят в контакт с внешним миром; его духовные победы сталкиваются с другого рода победами, одержанными в иных областях. Чувствуя благодаря этому истинную цену ниспосланного ему дара, он проникается сознанием своей миссии среди людей, своего действенного долга.

Он, как ассизский «Poverello», с которым у него так много общих моральных и физических черт, был нежным братом всего, что живет и умирает. Слишком лакомым казалось ему молоко человеческой привязанности для того, чтобы он мог довольствоваться ни с кем не разделенным счастьем. На пороге глубочайших своих экстазов он умолял влекшую его к себе мать:

– О Мать, оставь меня в общении с людьми. Не делай из меня сурового аскета.

И Мать, выбрасывая его со дна Океана на берег жизни, говорила ему (он слышал в полусознании ее голос):

– Оставайся на пороге относительного познания из любви к человечеству.

Итак, он вернулся к людям. Прежде всего он омылся влагой горячей и простой человеческой жизни. В мае 1867 года, еще ослабленный предшествующими кризисами, он поехал на шесть семь месяцев отдохнуть на родину, в местечко Камарпукур, где он не был целых восемь лет.

Там он отдался с детской радостью бесхитростной дружбе простых поселян, которые счастливы были видеть маленького Гададхара, чья необычайная слава дошла до них и внушала им некоторое беспокойство. И эти простые крестьяне в своей наивности были ближе к его чаяниям и стремлениям, чем благочестивые ученые в городах и храмах.

Он впервые за время своего пребывания на родине узнал свою жену ребенка.

Шарададеви было теперь четырнадцать лет. Она жила у своих родителей, но явилась в Камарпукур, когда узнала о его приезде. Юная супруга, с чистой душой, с развитым не по возрасту умом, почти сейчас же поняла призвание своего мужа и лежащий на ней долг набожной привязанности и бескорыстной нежности. Она признала в нем руководителя и отдала себя на служение ему.

Некоторые упрекали Рамакришну, и порой в довольно грубой форме, за то, что он принес ее в жертву. По ней этого не было видно; всю жизнь она изливала на всех окружающих сияние своего внутреннего мира и ясности. Но вот что никем не упоминалось и открылось только благодаря Вивекананде: Рамакришна, отличавшийся высоким сознанием своей ответственности, предложил жене принести ей в жертву, если бы она этого потребовала, самое для него дорогое – свое призвание.

– Я научился, – сказал он ей, – видеть в каждой женщине мою божественную Мать: это единственное чувство, которое я могу к вам питать. Но если вы желаете вовлечь меня в этот мир (мир иллюзии), я к вашим услугам, так как я вступил с вами в брак.

В этом есть нечто совершенно новое, непривычное для индийского мышления, ибо согласно индуистской традиции всякий вступивший на религиозное поприще этим самым освобождается от всех иных обязанностей.

Рамакришна, более человечный, признает за женою прочные права на себя.

Она была достаточно великодушна, чтобы отказаться от них, и, наоборот, всячески поощряла мужа идти по избранному им пути. Но, утверждает Вивекананда, «только получив согласие своей жены», он счел себя вправе жить так, как ему хотелось. И Рамакришна, тронутый ее невинностью и самоотвержением, свято исполнял по отношению к ней долг старшего брата. В те месяцы, когда они были вместе, он терпеливо обучал ее обязанностям усердной супруги и хорошей хозяйки. У него был практический ум, странно сочетавшийся с его мистической натурой. Сын крестьянина, он прошел хорошую школу. Ни одна подробность, касающаяся домашней жизни и сельского хозяйства, не была ему чужда. Все знавшие его отмечали порядок и чистоту, царившие в его доме. В этом отношении бедный божий человек мог бы служить примером для многих своих учеников из интеллигенции и высшей буржуазии.

Возвратившись в Дакшинешвар в конце 1867 года, он в следующие за этим годы предпринял ряд паломничеств вместе со своим покровителем, впоследствии хозяином храма, Матхуром бабу. В первые месяцы 1868 года он увидел город Шивы – Бенарес, и священное слияние Ганги и Джамны в Аллахабаде, и Вриндаван, этот благоухающий букет легенд, эту песнь песней, жемчужину из пасторального Романсеро Кришны. Легко вообразить себе его восторг, его опьянение. При переправе через Гангу открывшийся его взгляду Бенарес, этот «золотой город», показался ему не городом, построенным из камней, но, подобно небесному Иерусалиму, «сгустком божественного духа». На полях сожжения покойников, в священном городе, он увидел божественную Мать и Шиву, его белое тело, его спутанные волосы – Шиву улыбающегося, всегда готового прийти на помощь, склоненного над погребальными кострами, у изголовья его детей. Встретив на исходе дня у берегов Джамны стадо с пастухами, он пришел в неопишное волнение и кинулся вперед с криком: «Кришна! Где Кришна?» Но если он не увидел бога, то он увидел во время этих путешествий нечто другое, имеющее для нас, людей Запада, большее значение и более глубокий смысл.

Он познакомился с человеческой нуждой. В экстатическом полусне, в котором он жил до этого времени, в золоченой скорлупе святилища, пышные волосы Кали скрывали ее от его взоров. Прибыв в Деогар со своим богатым спутником, он увидел, что тамошние жители – санталы – почти голы, измучены, умирают от истощения. Он остановил всех сопровождавших его и просил объяснить ему, что это значит. Ужасный голод свирепствовал в стране. Тогда он сказал Матхуру бабу, что надо накормить этих несчастных, вымыть их и одеть. Матхур бабу возразил, что его богатств не хватит для облегчения всех нуждающихся мира. Тогда Рамакришна заплакал, сел среди этих голодающих и заявил, что он не двинется с места и

разделит их участь. Крезу пришлось исполнить желание своего друга жреца.

Во время другого путешествия, летом 1870 года, Матхур имел неосторожность привезти его в одно из своих имений во время сбора податей. Два года подряд был неурожай, и арендаторы испытывали крайнюю нужду. Рамакришна велел Матхуру вернуть людям подати, оказать им помощь и устроить для них роскошный пир. Матхур бабу ахнул. Но Рамакришна был непоколебим.

– Ты только управитель Матери, – сказал он богатому помещику. – Они арендаторы Матери. Потрать ее деньги. Они страдают, а ты не хочешь им помочь. Это необходимо сделать. Матхуру бабу пришлось уступить.

Воспоминание об этих встречах, должно быть, навсегда осталось в памяти Рамакришны. Свами Шивананда, руководящий в настоящее время школой Рамакришны (Ramakrishna Math and Mission), который был одним из первых его апостолов и непосредственным его учеником, передал мне следующую сцену, свидетелем которой он был.

Однажды в Дакшинешваре, находясь в надсознательном состоянии, Рамакришна громко произнес:

– Джива есть Шива (живое существо есть бог). Кто решится говорить о сострадании к нему? Не надо сострадания, надо только служить, служить человеку, видя в нем бога.

Вивекананда присутствовал при этом. Слыша эти полные глубокого смысла слова, он сказал Шивананде:

– Я слышал сегодня великие слова... Я возведу их живую правду всему миру.

И Свами Шивананда прибавил:

– Кто захочет искать источник добрых дел, творимых с того времени Миссией Рамакришны (Ramakrishna Mission) в Индии, найдет его именно в этих словах.

В это же время ряд смертей оставляет в сердце Рамакришны след жестокой и вместе с тем благодетельной боли.

Этот растворившийся в боге человек, для которого утрата жизни была лишь возвращением к бесконечному блаженству, человек, который при вести о кончине своего молодого племянника и друга радостно смеется и воспевает его освобождение. – на следующий же день после его смерти внезапно чувствует приступ невыразимой муки. Его сердце готово разорваться, дыхание останавливается, он думает: «О боже, боже. Если мне так тяжело, что же должны испытывать те, кто теряет своих любимых, своих детей?»

И Мать вдохнула в него силу и умение утешать бальзамом своей веры скорбь, причиненную смертью.

«Те, кто его не знал, – писал мне Свами Шивананда, – не могут себе представить, как много сил и времени этот отрешившийся от земных дел человек отдавал людям, выслушивая их мирские печали и облегчая их. Много примеров этого мы могли бы привести, и еще, быть может, живы некоторые из отцов семейств, с благоговением помнящие его безграничное милосердие и горячие попытки облегчить страдания людей. Однажды (в 1883 г.) пришел к нему богатый и важный старик Мани Маллик, только что потерявший сына и совершенно убитый горем. Рамакришна так проникся его печалью, что казалось, будто он оплакивает своего собственного ребенка и скорбь его превосходит скорбь Маллика. Так прошло некоторое время. И вдруг Рамакришна запел...»

Не элегию и не похоронный напев. Он пел героический гимн, песнь победы души над смертью.

«К оружию! К оружию! Человек, смерть вторглась в твой дом и овладела твоим очагом.

Садись же на колесницу веры, возьми колчан, полный мудрости. Крепко натяни лук любви и пускай, пускай божественную стрелу, святое имя Матери».

«И я не забуду, – заключает свой рассказ Шивананда, – какое облегчение эта песнь принесла отцу. Она вернула ему мужество, успокоила, принесла ему мир».

Передавая эту сцену, я вспоминаю случай с нашим Бетховеном, когда он приходит, садится, не говоря ни слова, за рояль и музыкой утешает мать в трауре.

Это божественное общение с человеком, живым, любящим, страдающим, нашло выражение в символе, полном высокого благочестия и чистой страсти.

Когда в 1872 году его жена Шарададеви в первый раз приехала к нему в Дакшинешвар, Рамакришна, преисполненный нежности к ней и глубокого, почти религиозного уважения,

свободного от желания, от малейшего налета чувственности, признал в ней божество и оказал ей подобающие почести. В одну майскую ночь, сделав все требуемые культом приготовления, он усадил Шарададеви на трон Кали и совершил ритуальный обряд – Шороши Пуджа. – поклонение женщине. Оба они впали в экстатическое полусознательное (или сверхсознательное) состояние. Придя в себя, он приветствовал в лице своей подруги святыню Мать, которая, по его убеждению, воплотилась в этот живой символ непорочной человечности

Так постепенно все возвышеннее становилось его понимание бога – от идеи бога, который пребывает во всех и всех поглощает, как единое расплавленное солнце, до горячего ощущения всех, пребывающих в боге, бесчисленного множества маленьких солнц, в каждом из которых живет и действует бог. Конечно, это та же идея, но перевернутая, взятая не только сверху вниз, но и снизу вверх и во всех направлениях, точно двойной непрерывный поток, связывающий высшее существо со всеми вообще существами и делающий человека священным.

За два года до смерти (5 апреля 1884 года) он сказал:

– Теперь я сознаю перемену, происшедшую во мне. Давно уже Вайшнавачаран сказал мне, что, когда я увижу в человеке бога, я достигну совершенного познания. Теперь я вижу, что при всем многообразии форм в них движется божественное начало. И благочестивый человек, и лицемер, и преступник есть проявление того же божества. Поэтому я говорю: Нараяна в благочестивом человеке, Нараяна – в лицемере, Нараяна – в преступнике и сластолюбце. Мне пришлось еще раз опередить события, для того чтобы мой читатель не потерял направления потока, – чтобы он заранее знал, куда течет и увлекает его извилия, то как будто теряющаяся, то словно текущая вспять, полноводная река.

Итак, я снова возвращаюсь к тому периоду, около 1874 года, когда, закончив цикл своих религиозных опытов, он, по его выражению, обрел три чудесных плода познания:

«Сострадание, Благочестие. и Самоотречение»

В то же время он отдавал себе отчет на основании общения с выдающимися людьми Бенгалии в недостаточности их мудрости, в огромной пустоте, томящей алчущую душу Индии – Индии, которая ждет его.

Он никогда не уставал при малейшей возможности учиться у религиозных или ученых людей, богатых и бедных, странствующих пилигримов и столпов науки и общества. Чувство самолюбия было чуждо ему, – наоборот, он был склонен думать, что все эти «искатели истины» обладают познаниями, которых он лишен, и он жадно подбирал крохи, упавшие с их стола. Поэтому он обращался к ним, где бы они ни находились, не заботясь о том, как он будет принят.

Но его никогда не оставлял свойственный ему дух критики; его удивительная, заостренная наблюдательность, его наивное лукавство, вспыхивающее под полуопущенными веками, в экстатически расширенных зрачках, находили себе богатую пищу во время его посещений знаменитых представителей современной религиозной мысли.

Здесь я считаю нужным дать европейскому читателю хотя бы краткие сведения о великом движении, волновавшем Индию на протяжении шестидесяти лет. Кто знает о мощном Пробуждении, столетнюю годовщину которого Индия праздновала как раз в нынешнем (1928) году? Я говорю об одной из самых его знаменательных дат: об основании Брахма Самаджа. Не только Индия, но все человечество должно было бы чтить вместе с ней память гениального инициатора, который имел мужество создать, вопреки всем препятствиям, Церковь Единого Человечества, священный храм для всех народов Востока и Запада. Я имею в виду Рам Мохан Роя.

VI

СТРОИТЕЛИ «ЕДИНСТВА»: РАМ МОХАН РОЙ, ДЕБЕНДРАНАТХ ТАГОР, КЕШАБ ЧАНДРА СЕН, ДАЙЯНАНДА

Рам Мохан Рой, этот необыкновенный человек, положивший начало новой эре в духовной истории Старого материка, был первым представителем в Индии идеи общности человека. В течение неполных шестидесяти лет своей жизни (1774–1833) он охватил своим познанием все: от гималайской мифологии древней Азии до научных дисциплин современной Европы.

Происходя из знатной бенгальской, семьи, имевшей наследственный титул Рой, воспитанный при дворе Великого Могола, где официальным языком был еще персидский, ребенок в школах Патны настолько овладел арабским языком, что читал на нем Аристотеля и Евклида. По рождению правоверный брахман воспитанный на мусульманской культуре, он узнал творения индуистского богословия, только ознакомившись с санскритским языком в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, в Бенаресе. Его биографы индусы уверяют, что это было для него как бы вторым рождением. Нет необходимости, однако, искать в Веданте источник монотеистической веры, которую с детства могло внушить еще общение с исламом. Равным образом идеи и практика индуистского мистицизма только укрепили в нем неизгладимое влияние суфизма, жарким дыханием которого с юных лет было проникнуто все его существо.

Его воинствующий дух, нетерпеливый, как молодой боевой конь, вовлекает его в яростную борьбу, которая закончится только вместе с его жизнью. Шестнадцати лет он выпустил книгу на персидском языке с арабским предисловием, направленную против идолопоклонства. Это было нападение на индуистскую религию, и отец его, почувствовав себя оскорбленным, выгнал его из дому.

Четыре года он странствовал по внутренней Индии и Тибету, изучал буддизм, не любя его и рискуя жизнью, так как восстановил против себя фанатиков ламаистов. Когда блудному сыну исполнилось двадцать лет, отец призвал его к себе, и он вернулся домой. Тут его женили, чтобы привязать к семье; но такую птицу не засадишь в клетку.

Двадцати четырех лет он начал изучать английский язык и изучил также еврейский, греческий и латинский. Он ближе подошел к европейцам, ознакомился с их законами и способами управления и вдруг, отбросив всякое предубеждение против англичан, начал действовать заодно с ними, ради высших интересов своего народа. Он завоевал их доверие и вступил с ними в союз. Он убедился, что бороться за социальное возрождение Индии можно, лишь опираясь на Европу.

Снова ведет он яростную борьбу с предрассудками, с идолопоклонством и главным образом с варварскими обычаями, вроде сати (сожжение вдовы после смерти мужа). Поднялась буря. В 1799 г. брахманы заставили его семью окончательно изгнать его, а несколько лет спустя и самые близкие ему люди, мать и жена, отказались жить с ним. Он провел десять тяжелых лет, всеми покинутый, кроме двух или трех шотландских друзей; он занимал должность сборщика податей и постепенно возвысился до положения начальника налогового округа.

Потом умер его отец, произошло примирение с семьей, он стал наследником значительного состояния; султан Дели даровал ему титул раджи; он сделался обладателем роскошных садов и дворцов в Калькутте. Став блестящим вельможей, он устраивал великолепные приемы в восточном вкусе, с музыкантами и танцовщицами.

И однако этот принц из «Тысячи и одной ночи» (чей образ с прекрасным, тонким лицом с большими черными глазами, с головой, увенчанной плоским, как венчик, тюрбаном, и мужественной фигурой, облаченной поверх коричневой францисканской одежды шалью, сохранен для нас Бристольским музеем) продолжал с тем же жаром изучать священные индуистские книги и бороться за восстановление чистых идей Вед. Он перевел их, снабдив комментариями, на бенгальский и английский языки.

Но этим он не ограничился. Наряду с Упанишадами и Сутрами он основательно изучил христианский Ветхий и Новый Заветы. Говорят, он был первым индусом из высшего класса, заинтересовавшимся учением Христа. В 1820 году он опубликовал на основании знакомства с Евангелием «Книгу об учении Иисуса, проводник к миру и счастью». Около 1826 года он одно время входил в «Общество унитаристов», основанное одним из его европейских друзей, протестантским пастором Адамом, который втайне мечтал обратить Роя в христианскую веру, надеясь, что он станет ее апостолом в Индии. Но Роя были одинаково чужды как ортодоксальное христианство, так и ортодоксальный индуизм, хотя он ставил себе в заслугу раскрытие его истинного смысла. Он оставался независимым теистом и прежде всего морализирующим рационалистом; единственное, что он воспринял от христианства, — это его этику. Он одинаково отбрасывал как божественность Христа, так и воплощения индусов и нападал на Троицу и на троебожие не менее, чем на политеизм. Он был пламенным унитарием, приверженцем единства. И поэтому он вызвал против себя сплоченное единство

врагов – брахманов и миссионеров.

Но не таков он был, чтобы этим смутиться. Раз все церкви оказались для него закрытыми, он создал новую церковь, для себя и для всех свободно верующих всего мира. Начал он с основания в 1815 году Атмия Сабха (Общества друзей) для почитания единого и невидимого бога. В 1827 году он выпустил брошюру о Гаятри, которая считается первой по времени формулировкой индуистского теизма. В 1828 году избранные друзья его – среди них оба Тагора, – собравшись в его доме, основали вместе с ним ассоциацию унитариев, которой суждена была в Индии под именем Брахма Самадж (Ади Брахма Самадж – «Дом божий») блистательная судьба.

Дом божий был посвящен культуре «единого, не имеющего себе подобного, вечного существа, недостижимого, непоколебимого, создателя и хранителя Вселенной». Ему должно поклоняться, не прибегая «ни к имени, ни к обозначению, ни к наименованию, даваемому человеком или группой людей отдельному существу». Церковь была открыта для всех. Рам Мохан Рой хотел бы, чтобы его Брахма Самадж был универсальным домом молитвы, доступным для всех людей, без различия расы, касты, национальности и религии. В дарственной грамоте он добавляет, что «ни одна религия не должна подвергаться оскорблению или унижению. Культ должен способствовать созерцанию верховного существа, милосердию, состраданию, добродетели и укреплять связь между всеми людьми всех верований».

Итак, Рой хотел создать универсальную религию, и его приверженцы и друзья охотно давали ей название «универсализм». Но я нахожу, что слово это здесь неприменимо в его полном и настоящем смысле, так как Рой исключал всякую форму политеизма, от низшей до самой высокой. Если же смотреть без иллюзий на религиозную действительность нашего времени, то надо признать, что политеизм – включая в это понятие и самые высокие и утонченные его формы, как триединство, христианское троебожие, – владычествует по меньшей мере над двумя третями человечества. Рой называл себя более правильно индусом унитарием. Он не боялся многое заимствовать от двух великих унитарных религий – ислама и христианства. Но он всегда энергично защищался – это признают все его ученики – против обвинения в эклектизме. Его учение, говорят они, основано на оригинальном синтетическом анализе, восходящем к самым истокам религиозного опыта. Оно не совпадает ни с монизмом Веданты, ни с унитаризмом христианства.

Теизм Роя пытается связать в их крайних точках Абсолютное начало Веданты с идеями европейских энциклопедистов XVIII века, «бога без образа» и Разум.

Эта мысль трудно поддается определению. Еще труднее было ее осуществить после него. Она требует редкого соединения критического познания с верой, доходящей до мистических озарений, всегда, однако, контролируемых и управляемых разумом. Царственно одаренный как в физическом, так и в духовном смысле, Рой способен был достигнуть вершин созерцания, не теряя при этом ни на минуту равновесия в своей повседневной жизни и не прерывая своей деятельности. Он был защищен от всяких эмоциональных излишеств, во власти которых находились Бенгальские бхакты, с презрением им отвергаемые. Надо прийти к Ауробиндо Гхошу, чтобы встретить еще один пример подобного аристократического господства над многообразными и высочайшими силами человеческого духа. Такое свойство трудно передать другим. И оно действительно не было передано. Как ни благородны, как ни чисты были преемники Рам Мохан Роя, они бессознательно исказили его учение.

Но как бы ни понимали устав Брахма Самаджа – эту великую божественную хартию, – он положил начало новой эре в Индии и во всей Азии. Целый век был отмечен его величием. Рой на практике дополнил его своей мужественной борьбой за социальные реформы, в которой он опирался на власть англичан, в то время проявлявших больше либерализма и ума, чем в наши дни. Ему был чужд узкий местный патриотизм. Стремление к свободе и прогрессу материальному и духовному преобладало в нем над всеми другими соображениями. Не желая изгнания Англии из Индии, он, напротив, хотел, чтобы она глубже укоренилась там, внесла свою кровь, свое золото, свою мысль, вместо того чтобы, подобно вампиру, высасывать из страны все соки, довести ее до истощения. Он даже предлагал своему народу принять в качестве общего языка английский, европеизировать Индию, чтобы затем добиться независимости и дать просвещение всей Азии.

Всякая борьба за свободу народов находила горячий отклик на страницах его журналов,

происходила ли она в Ирландии или в раздавленном реакцией Неаполе, было ли то конституционное движение в Испании или июльские дни 1830 года во Франции. Этот лояльный сторонник сотрудничества с Англией умел говорить с ней смелым языком и не скрывал, что он пойдет на открытый разрыв, если возлагаемые на нее надежды в деле развития его народа будут обмануты.

В конце 1830 года император Дели отправил его послом в Англию, где Рой хотел присутствовать на прениях в Палате общин по поводу возобновления договора с Ост Индской компанией. Он прибыл туда в 1831 году, встретил горячий прием в Ливерпуле, Манчестере, Лондоне, при дворе, завязал дружеские отношения со многими выдающимися людьми, между прочим с Бентамом, и после короткого пребывания во Франции умер от злокачественной лихорадки. Его эпитафия гласит:

«Постоянно и искренно верующий в единство божества, он посвятил всю свою жизнь до конца культу единого божественного духа». На нашем, европейском языке мы сказали бы (смысл тот же): единству людей.

Эта гигантская личность, имя которой, к стыду нашему, не вошло в Пантеон Европы и не стало тем, чем оно является для Азии, глубоко погрузила свой плуг в почву Индии.

Шестьдесят лет его упорного труда преобразовали ее. Крупный писатель на санскритском, бенгальском, арабском, персидском и английском языках, отец современной бенгальской прозы, автор знаменитых гимнов, поэм, речей, философских и политических трактатов, полемических сочинений по религиозным вопросам, он щедро сеял вокруг семени своей мысли и пламенной веры. И собирал с Бенгальской земли обильную жатву – дел и людей. Он породил Тагоров – этим все сказано.

* * *

Дед великого поэта – Дварканатх Тагор, друг Рам Мохан Роя, стал после его смерти лучшей опорой Брахма Самаджа. А отец Рабиндраната – Дебендранатх Тагор, следующий преемник Роя (после правления Рамачандры Видья Багиш), – был истинным организатором Брахма Самаджа. Этот благородный образ, образ святого (Махарши), как его прозвал народ и каким он остался в истории, стоит того, чтобы его здесь обрисовать.

Он отличался красотой тела и души, возвышенным умом, моральной чистотой, внутренним аристократизмом, который он оставил в наследие своему роду, сам унаследовав от предков глубокое и горячее поэтическое чувство.

Уроженец Калькутты, старший сын богатой семьи, воспитанный в ортодоксальных традициях, он в юности отдавался светским соблазнам и удовольствиям, от которых в восемнадцать лет его оторвала смерть, унесшая свою жертву из их дома. Он прошел через длительный моральный кризис, прежде чем достигнуть религиозного мира. Характерно, что его порывы постоянно вызываются поэтическими случайностями – то ветер в лунную ночь на берегу Ганги доносит к нему имя Хари (Вишну), повторяемое кем то у изголовья умирающей, то лодочник во время бури говорит ему: «Не бойся, вперед!» – или опять ветер приносит к его ногам вырванный из санскритской книги листок с написанными на нем словами (из Упанишад), которые кажутся ему голосом бога: «Оставь все, чтобы следовать за Ним. Насладись этим невыразимым сокровищем...»

В 1839 году он с братьями и несколькими друзьями основывает Общество для распространения истин, им познанных. Три года спустя он присоединяется к Брахма Самаджу и становится его духовным руководителем. Его руками было построено здание веры и ритуала. Он организовал регулярное богослужение, основал школу богословия для воспитания священнослужителей, проповедовал сам и написал в 1848 году (на санскритском языке) «Брахма Дхарма», теистское руководство в области религии и морали для укрепления верующих. Сам он считал его плодом «вдохновения свыше». Источником его, в отличие от источников Рам Мохан Роя, более обширных и разнообразных, были почти исключительно Упанишады, но толкуемые свободно.

Позже Дебендранатх провозгласил четыре догмата веры Брахма Самаджа:

1. Вначале было Ничто. Существовал лишь Единый, Всевышний. Он создал всю Вселенную.
2. Он один есть Бог Истины, бесконечная Мудрость, Добро и Могущество, вечный и всепроникающий, единый, не имеющий подобного.

3. В служении ему, в поклонении заключается наше спасение в этом и в другом мире.

4. Служение состоит в том, чтобы его любить и делать то, что он любит.

Итак, это вера в единого бога, который создал Вселенную из ничего; этот бог по своему существу добр, всемогущ и праведен; абсолютное поклонение ему необходимо для спасения человека в другом мире.

Я не берусь судить, насколько Дебендранатх был прав, считая эту концепцию чисто индуистской. Но интересно отметить, что семья Тагоров принадлежала к общине брахманов, называемой Пирали, или Главными священнослужителями, и члены ее занимали этот пост при мусульманском владычестве.

В некотором смысле они даже считались стоящими вне каст, из-за их сношений с магометанами. Быть может, этому отдаленному влиянию они обязаны своим упорным тяготением к теизму. Все Тагоры, от Дварканатха до Рабиндраната, были непримиримыми врагами идолопоклонства.

Как показывает К. Т. Поль, Дебендранатху пришлось вести отчаянную борьбу, с одной стороны – против ортодоксального индуизма, а с другой стороны – против христианской пропаганды, стремившейся его вытеснить. Необходимость защищаться заставила его окружить свою цитадель поясом твердых и прямых, как колья, принципов. Между Брахма Самаджем и двумя крайними течениями индуистской мысли – политеизмом, который строго осуждал Дебендранатх, и абсолютным монизмом Шанкары – была создана пропасть: Град Брахмо был крепостью великого религиозного дуализма – единого, но для всех разного бога и противостоящего ему человеческого Разума, получившего право и возможность толковать Писание. Я уже говорил, что этот Разум имел у Дебендранатха тенденцию слиться (и все больше, в конце концов, сливался) с религиозным наитием. Из своего полугодового отшельничества в Гималаях, возле холмов Симлы, около 1860 года, он вернулся с большим запасом рожденных в одиночестве мыслей. Он поведал о них в своих импровизированных проповедях, волновавших его калькуттских слушателей. Он обогатил Брахма Самадж новой литургией, навеянной Упанишадами и проникнутой чистым и пламенным спиритуализмом. Вскоре же после своего возвращения с Гималаев в 1862 году он взял себе в помощники молодого человека двадцати трех лет, который, превзойдя его, положил начало расколу, целому ряду расколов в Брахма Самадже: то был Кешаб Чандра Сен.

Человек этот, проживший краткую, смутную, беспокойную и вдохновенную жизнь (1838–1884), был наиболее яркой личностью, наложившей свою печать на Брахма Самадж во второй половине XIX века. Он влил в него столько богатого и нового, что подверг опасности и само его существование.

Кешаб был представителем другого класса и другого поколения, более проникнутого влиянием Запада. Не принадлежа к крупной аристократии подобно Рюю и Дебендранатху, он был представителем либеральной просвещенной буржуазии, находившейся в идейном контакте с Европой. По профессии он был врач. Дед его, человек выдающийся, занимал положение туземного секретаря Азиатского общества и руководил печатанием изданий на языке хиндустани. Рано оставшись сиротой, Кешаб воспитывался в английской школе и, в противоположность своим двум предшественникам, совершенно не знал санскритского языка; поэтому он скоро потерял интерес к народной индуистской религии. Его растрогало учение Христа, и он ввел его в Брахма Самадж и в сердца избранных людей Индии. Когда он умер, газета «Индиан Крисчен герольд» писала: «Христианская церковь скорбит о смерти величайшего из своих союзников. Христиане смотрят на него как на посланного Богом, чтобы пробудить в Индии христианский дух. Он изгнал из Индии отвращение к Христу».

Это последнее утверждение неправильно. Мы увидим, до какой степени сам Кешаб страдал, сделавшись поборником учения Христа. Настоящий смысл его жизни был неправильно истолкован большинством говоривших о нем, даже внутри самого Брахма Самаджа, смущенного тем, что его вождь впал в ересь, и пытавшегося замаскировать это. Даже самому ему этот смысл открывался лишь постепенно. Только из документов, появившихся спустя 20 лет после его смерти, мы узнаем, что он с юных лет был преследуем тремя образами, посещавшими его: образом Иоанна Крестителя, Христа и святого Павла. Одно очень ценное письмо конфиденциального характера, адресованное его близкому ученику Пратапчандре Мазумдару, письмо, которое брахманы нехристиане обходят молчанием, раскрывает нам его

тактику: выждать время, чтобы передать людям полностью его веру в Христа. Эта двойственная жизнь, которую Кешаб принужден был вести в течение долгих лет и которой способствовала противоречивая его натура, сотканная из разнообразных элементов Востока и Запада, не сливавшихся, а наслаивавшихся друг на друга, делает очень трудной задачу беспристрастного историка; индуистские же биографы, почти все приверженцы какой-нибудь партии, мало способствуют ее разрешению. Сначала, в первое время после вступления юного Кешаба в Брахма Самадж, куда его ввел товарищ по колледжу, один из сыновей Дебендранатха Тагора, он был окружен там всеобщей любовью. Ласкаемый Дебендранатхом, он был также любимцем молодых брахмасамаджистов, чувствовавших себя более близкими к нему, чем к благородному Дебендранатху, которого невольно отдаляло от них его происхождение и чисто олимпийский идеализм. У Кешаба было развито общественное чувство, которое он хотел передать Индии. Сам крайний индивидуалист по натуре, он, вероятно, именно поэтому рано понял, что страдания его родины частью проистекают из этого сверхиндивидуализма, которому на смену должен прийти другой социальный строй мысли. «Пусть все души будут едины в обществе и осуществят единение с народом в видимо существующей общине». Это мировоззрение, приближающее аристократический унитаризм Роя к массам Индии, делало молодого Кешаба близким самым пламенным упованиям нового поколения. Как позже Вивекананда, многим ему обязанный, хотя, быть может, и не сознававший этого, – ибо идеи являются продуктом эпохи и рождаются одновременно в разных умах, – Кешаб считал религию необходимой для возрождения народа; как видно из одного обращения, составленного в Бомбее (1868 г.), он хотел положить ее в основу социальных преобразований. Так религиозная реформа Брахма Самаджа начала претворяться в жизнь. Деятельная, но нетвердая рука Кешаба кинула горсть семян, которую Вивекананда, подхватив, стал широким жестом бросать в почву Индии, пробужденной его громовым голосом.

Но Кешаб пришел раньше времени, и некоторые его реформы оскорбляют проникнутый духом традиций Брахма Самадж. Говорили, что причиной раздора между ним и Дебендранатхом был вопрос о междукастовом браке. Я глубоко уверен, что были и другие разногласия, более серьезные. Взаимная любовь набросила покрывало на причины разрыва этих двух мужей, но то, что произошло сейчас же вслед за ним, дает возможность догадаться о них. Как бы ни был ум Дебендранатха доступен великой надежде достигнуть через Брахма Самадж единения всего человечества, он все же оставался глубоко привязан к традициям Индии и ее священным книгам. Он не мог не замечать постепенного развития склонности к христианству, происходившего в душе его любимого ученика, и, как бы это ни было для него горестно, он не мог больше работать вместе с помощником, который заимствовал свои наставления из Нового Завета.

В 1866 году произошел неизбежный разрыв. Брахма Самадж раскололся. Дебендранатх сохранил за собой руководство Ади Брахмо (первое Брахмо), а Кешаб основал Всеиндийский Брахма Самадж.

Это было тяжелым испытанием для обоих, особенно для Кешаба, отделение которого вызвало против него глухое недовольство. На первых порах он этого не предвидел. Сильный своей популярностью и горячей приверженностью близких друзей, он публично высказал свои взгляды три месяца спустя после разрыва, в громкой речи об Иисусе Христе, Европе и Азии. В ней он проповедует учение Христа – но Христа азиатского, плохо понятого Европой, – и говорит о «величии, на которое способна азиатская натура». Его христианство имеет характер преимущественно этический; Кешаба притягивает моральная сторона учения Христа, и прежде всего два основных ее стержня: всепрощение и самопожертвование. Только через них и через него (Христа) «Европа и Азия сумеют вновь обрести гармонию и единство».

Его рвение неопита дошло до того, что он просил друзей называть его Иисусдас, то есть «слуга Иисуса», и в тесном кружке отмечал Рождество Христово постом.

Но его лекция вызвала возмущение, и Кешаб не успокоил умов своей второй речью о «великих людях» (1866 год), которая, если можно так выразиться, ставила Христа на его место среди других божьих посланцев, несущих каждый какую-нибудь особую весть: следовало, значит, принять их всех, не отдавая предпочтения ни одному из них. Открывая свою церковь людям всех стран и времен, он впервые ввел в сборник благочестивых

постановлений Брахма Самаджа извлечения из Библии, Корана и Зенд Авесты. Но, вместо того чтобы успокоиться, волнение, напротив, только усилилось.

Кешаб был не такой человек, чтобы оставаться к этому равнодушным. Это трепетное, плохо защищенное сердце страдало более, чем всякое другое, от нелюбви. Всеми непонятый, покинутый союзниками, страдающий от материальных лишений и сверх того терзаемый внутренним смятением – или (как знать!) сомнением в своей миссии, «горьким сознанием своей слабости, греховности, раскаяния», отличавшим его от большинства религиозных мыслителей Индии, – он пережил в 1867 году тяжелый душевный кризис. Он остался один со своими страданиями, без помощи, один со своим богом. Бог заговорил с ним. Религиозный опыт, пройденный им в тот период, потрясающие переживания, одинокие богослужения, которые он ежедневно совершал в своем доме, произвели полный переворот не в его идеях, а в их выражении. Этот человек, этот вождь, которого до тех пор все знали как религиозного интеллигента, морализирующего, чуждого сентиментальным излияниям (в действительности только отгонявшего их), вдруг отдается лавине чувств: любви и скорби. Он принимает их с восторгом.

Началась новая зра для Брахма Самаджа. В нем утвердился мистицизм великого бхакта Чайтаньи и Санкиртаны. С утра до вечера – молитвы и пение, звуки музыкальных инструментов вишнуитов, божьи празднества; Кешаб ведет службу с лицом, залитым слезами, – он, который, говорят, раньше никогда не плакал.

Волна эмоций все росла. Искренность Кешаба, его широкий, всеобъемлющий ум и забота об общем благе вернули ему симпатии как избранных кругов Индии, так и англичан и вице короля. Поездка, совершенная им в Англию в 1890 году, была сплошным триумфом; его встречали с не меньшим энтузиазмом, чем Кошута. За шесть месяцев, проведенных им в Англии, он выступал в семидесяти собраниях перед сорока тысячами слушателей, очарованных его простой речью на чистом английском языке и его мелодичным голосом. Его сравнивали с Гладстоном. Его чествовали как духовного союзника Запада, как апостола Христа на Востоке. С одной и с другой стороны искренно создавались иллюзии, которые последующие годы рассеяли в прах, к разочарованию наивных англичан, ибо Кешаб оставался индусом до мозга костей и, не давая завербовать себя европейскому христианству, рассчитывал скорее приспособить его для себя. Индия и Брахма Самадж использовали доброе расположение правительства. Преобразованный Брахма Самадж дал многочисленные ответвления в Симле, Бомбее, Лагере, Лакнау, Мунгере и т. д. Предпринятая Кешабом в 1873 году с целью укрепления единства братьев и сестер новой веры поездка по Индии была как бы предвосхищением в сокращенном виде великого путешествия, совершенного 20 лет спустя Вивеканандой в образе странствующего саньясина. Она открыла перед Кешабом новые горизонты. Он считал, что им найден был ключ к народному политеизму, не принимавшему идеи Брахма Самаджа, и возможность объединения с ним на почве чистого теизма. Но в союз этот, осуществлявшийся в то же самое время по собственному почину Рамакришной, Кешаб вносил дух интеллектуального компромисса. Он пытался убедить себя – убедить политеистов ему не удалось, – что их боги, в сущности, были лишь атрибутами единого бога.

«Язычество индусов, – писал он в „Сэндэй Миррор“, – есть не что иное, как культ материализованных атрибутов бога. Если отбросить материальную форму, останется красивая аллегория. При исследовании темных областей индийской мифологии мы обнаружили, что каждый почитаемый индусами идол представляет божественный атрибут, носящий особое имя. Мы желали бы, чтобы единый бог был почитаем как обладатель всех трехсот тридцати миллионов атрибутов. Верить в одно неделимое божество целиком, не думая о бесконечно разнообразных его аспектах, – это значит верить в абстрактного бога, на практике это привело бы нас к рационализму и неверию. Если мы хотим поклоняться ему во всех его проявлениях, мы назовем их именами различных божеств...»

Это было великое движение религиозной мысли, направленное к охвату большой массы человечества. Но порыв остался незавершенным. Кешаб хотел сохранить за теизмом всю его реальную силу, оказывая политеизму лишь чисто внешние почести. И вместе с тем он боялся абсолютного монизма, от которого Брахмо всегда энергично защищался. Религиозная мысль заняла промежуточное положение, как бы взобравшись на стену, разделявшую два поля, две

крайние веры. Положение доминирующее, но не обеспечивающее стойкого равновесия и не дающее возможности занять твердую позицию. Кешаб, однако, взобрался туда и считал, что призван богом диктовать оттуда людям новый обретенный им закон, то, что он называл «Новое избавление». Мысль об этом овладела им с 1876 года, с того года, как завязались его отношения с Рамакришной.

Как это случается со многими людьми, имеющими склонность быть законодателями, ему с большим трудом удавалось внести ясность и порядок в свои собственные мысли. Он хотел бы охватить все разом: Христа и Брахмана, Евангелие и Йогу, все существующие религии – и разум. Рамакришна пришел к этому просто, не умом, а сердцем, он не стремился облечь свое открытие в систему доктрин и правил; он удовлетворялся тем, что намечал путь, показывал пример, давал толчок. Кешаб пользуется одновременно методами европейского интеллигента, ведущего семинарий по истории религии, и методами духовидцев Индии и Америки, отправляющих в слезах службу бхакти и прибегающих к Revival, всенародному покаянию. Он предоставил каждому из своих любимых учеников – считаясь, как талантливый педагог, с особенностями их темперамента – какуюнибудь религию для изучения. и какойнибудь метод йоги для практики. Он колебался между двумя образцами, одинаково ему дорогими: между примером живого Рамакришны, у которого учился мудрости, рожденной в экстазе, и между светом христианской веры, преподносимым ему английским монахом, впоследствии обратившимся в католичество, Люком Ривингтоном. Еще труднее ему было выбрать между жизнью в боге и жизнью мирской: он чистосердечно полагал, что одна не мешает другой.

Но этим он вредил себе и косвенно также Брахма Самаджу в общественном мнении. Тем более что при своей «кристальной искренности» он не принимал никаких предосторожностей для того, чтобы замаскировать многообразие своей полной противоречий натуры.

Результат был тот, что в 1878 году произошел новый раскол в Брахма Самадже, и Кешаб подвергся яростным нападкам своих же сторонников, обвинявших его в измене своим принципам. Он был покинут большинством своих друзей. Это должно было сильнее связать его с теми немногими, которые остались ему верны: с Рамакришной и Люком Ривингтоном. Новое испытание приоткрыло дверь для ряда выступлений в духе христианства, все определеннее и все глубже уходящих в дебри мистицизма. Таков был ряд его докладов: «Пророк ли я, вдохновленный свыше» (январь 1879 года); «О трех видениях моего детства: Иоанне Крестителе, Христе и св. Павле»; «Индия вопрошает: кто есть Христос?» (Пасха 1879 года), где он объявляет Индии о приходе... «супруга моего Христа, кроткого Христа, рожденного богом в человеке»; «Проявляет ли себя бог как единый сущий?» (1879), в котором Сын показан сидящим рядом с Отцом.

И это не мешает ему в то же время обратиться к людям с высот Гималаев со своим знаменитым «Посланием к братьям индусам» в 1880 году, к юбилею Брахма Самаджа, в котором он тоном первосвященника объявляет о благой вести, посланной ему богом, – о новом избавлении.

Перед нами точно страница из Библии.

«Слушай, Индостан, господь бог твой един...» – так начинается «Послание к братьям индусам».

«Великий дух Иеговы, чей голос в грозе и буре прогремел: „Я есмь“ – и о котором возвестили небо и земля...»

«Я пишу это послание, дорогие и возлюбленные братья, в духе и по примеру св. Павла, как бы я мало ни был достоин его великого Учителя...»

«Павел писал, веруя в Христа. Как теист, я пишу вам это скромное послание у ног не одного пророка, а всех пророков...»

Ибо он считал себя завершителем дела Христа – предтечи:

«Новое избавление – это сбывшееся пророчество Христа... Всемогущий говорит теперь с нами, как он некогда говорил с другими народами».

В эту минуту он считал себя стоящим на одной ступени с духом божьим:

«Дух божий и мое „я“ сплетены вместе. Если вы видели меня, значит, вы его видели».

Что же говорит он, Всемогущий, чьим рупором стал Кешаб? Какую новую любовь, новую надежду, новую радость несет он? («Как сладостно это новое Евангелие...»)

Вот что возвещает Иегова, ставший «богом Индии», новому Моисею:

«Бесконечный дух, которого не видел ни один глаз, не слышало ни одно ухо, – вот ваш бог, и другого бога у вас нет. Вы, индусы, вознесли двух ложных богов, противников всевышнего: божество, вылепленное рукой невежд, и божество, созданное суетной мыслью разумных умов, – оба они враждебны нашему господу. И вы откажетесь от них обоих. Не поклоняйтесь ни мертвой материи, ни мертвому человеку, ни мертвой абстракции. А поклоняйтесь живому духу, видящему без глаз... Общение души с богом и с душами исчезнувших святых станет вашим единственным истинным небом, и другого неба у вас не будет... В высокой экзальтации души ищите радость и святость неба... Ваше небо недалеко, оно внутри вас... Вы будете чтить и любить всех старейшин человеческой семьи: пророков, святых, мучеников, мудрецов, апостолов, миссионеров, филантропов всех времен и всех стран, без кастовых предрассудков. Пусть святые Индии не монополизируют вашу любовь и почитание... Отдайте всем пророкам должную дань уважения и привязанности. Каждый добрый и возвышенный человек есть олицетворение одного из элементов божественной правды и добра.

Склоняйтесь скромно к ногам каждого, кто послан к вам небом... Пусть его плоть будет вашей плотью, его кровь – вашей кровью. Живите в них, и пусть они живут в вас вечно».

Что может быть благороднее этих строк? Это высшее выражение универсального теизма. Как близко оно к свободному теизму Европы, не признающему никакой богооткровенной религии. Оно раскрывает свои объятия всем очистившимся умам всего мира: в прошлом, в настоящем и в будущем; ибо Евангелие Кешаба не выдает себя за последнее слово откровения. Книга Индии не закончена, новые главы будут к ней добавляться каждый год... «Идите все вперед по пути любви и познания бога. Кто знает, что откроет нам Господь через десять лет, кто, кроме него самого».

Но как примирить этот свободный и широкий теизм, такой уверенный в себе и ясный, – с коленопреклоненным признанием Христа в следующем году?

«Должен вам сказать, что я связан с Евангелием Христа и занимаю в нем значительное место. Я блудный сын, о котором говорил Христос, и я пытаюсь вернуться к моему Отцу, испытывая чувство раскаяния. Скажу больше: для удовлетворения и в назидание моим противникам... Я Иуда, я тот несчастный, кто предал своего Учителя... настоящий Иуда, согрешивший против истины. И Иисус живет в моем сердце».

Легко вообразить себе ошеломляющее впечатление, произведенное этой публичной исповедью на членов Брахма Самаджа, которые пошли за своим вождем, поверив его слову. В действительности Кешаб еще пытается сопротивляться. Он проповедует Христа, но не признает себя христианином. Он удивительным образом старается сочетать Христа с Сократом и Чайтаньей, связывая каждого из них с какой-нибудь частью своей души или тела. И тут же он осуществляет в своем Самадже некоторые священные обряды христианства, приспособив их к обычаям Индии. Это – святое причастие с рисом и водой, вместо хлеба и вина, 6 марта 1881 года. А три месяца спустя – крещение, которому Кешаб сам подвергается, – для примера другим, во славу Отца, Сына и Св. Духа.

Наконец в 1882 году он делает решительный шаг. Кешаб не только признает и принимает, но с восторгом празднует Христианскую Троицу – из всех христианских таинств самое неприемлемое для Азии, предмет отвращения или осмеяния.

Он объявляет ее краеугольным камнем всей христианской метафизики, высшим объяснением Вселенной... «Это – сокровище, в котором скрыто все накопленное богатство теологии, философии и поэзии всего человечества... Высшее выражение религиозного сознания во всем мире...» Он дает, мне кажется, чрезвычайно точное с ортодоксальной точки зрения определение Трех лиц. Какая же малость отделяет его от христианства? Эта малость – целый мир. Это его собственное откровение, индуистское «избавление». Он не в силах от него отказаться. Он принимает Христа, но Христос должен принять Индию и теизм Кешаба...

«Прочь, язычество! Проповедники языческого культа, прочь!» (Это обращение относится к язычникам Запада.) Христос – вечный Логос. Подобно замершему Логосу, Христос потенциально жил в лоне Отца задолго до того, как он явился в наш мир. Он существовал до своей эры, в Греции и Риме, в Египте, Индии, в поэтах Риг Веды, в Конфуции и Шакья Муни... Индуистскому апостолу Нового Избавления и было предназначено выявить его настоящее, универсальное значение. Ибо после Сына – Дух. «Церковь Нового Избавления – это церковь

Святого Духа, основанная Духом для завершения Ветхого и Нового Заветов».

Итак, теизм, возвещенный с Гималайских гор, остался невредим, несмотря на яростные удары, сотрясавшие сверху донизу его стены. Могучим напряжением мысли Кешабу удалось ввести в него Христа, и от имени Христа он говорит о своем собственном Новом Избавлении, признающем своей задачей – открыть истинное значение Христа христианам Запада. Такова ясно выраженная цель последнего «обращения» Кешаба перед его смертью. «Обращение Азии к Европе» (1883 год): «Европа, фанатичная и чувственная, вложи в ножны меч твоей ограниченной веры. Откажись от нее и вступи в истинную Всемирную Католическую Церковь, основанную истинным Христом, Сыном Божиим...»

Христианская Европа поняла лишь половину слов Христа. Она поняла, что Христос и Бог – одно и то же, но не поняла, что Христос и человечество тоже составляют единое целое. Это великое таинство открыло миру Новое Избавление: не только примирение человека с Богом, но и примирение человека с человеком... Азия говорит Европе: «Сестра! Будем едины во Христе... Все, что есть доброго, правдивого и прекрасного, – кротость индуистской Азии, правдивость мусульман, милосердие буддистов, все, что свято, – от Христа...»

И новый Папа нового азиатского Рима поет гимн в честь примирения. Именно Папа. Ибо это Единство всех примиренных людей должно обязательно согласоваться с доктриной, и для ее защиты он уже держит наготове небесные громы. Насчет принципа единобожия – единственности Бога – он не допускает сомнений.

«Едина наука. Едина церковь». Его ученик П. Мазумдар приводит повторенные им вслед за Христом с удвоенной силой слова проклятия:

«Есть один путь; нет задней двери, ведущей в небо. А кто выходит не через дверь, тот вор и разбойник».

Это прямая противоположность кроткой смеющейся мудрости Рамакришны.

Вкоренившаяся потребность в унитарной дисциплине, которая плохо вяжется с религиозным универсализмом или же бессознательно смешивает его с духовным империализмом, приводит Кешаба к созданию, в самом конце жизни, Кодекса новой самхиты (2 сентября 1883 года), где он провозглашает так называемый «Новый закон ариев в Индии, закон божественной морали, приспособленный к требованиям и особенностям преобразенных индусов реформатов и основанный на их национальных традициях и свойствах».

Национальный унитаризм. Один единственный бог, одно единственное писание, одно крещение, один единственный брак. Целый кодекс предписаний – для семьи, для дома, для дел, занятий, развлечений, благотворительности, человеческих отношений и т. д. и т. д. Но его законодательство абстрактно, оно создано для Индии, которой еще не существует. Да и будет ли она когда нибудь существовать?

Уверен ли он сам в осуществлении своей идеи? Все это здание волевого ума построено на шатких основах, на характере, мятущемся между Западом и Востоком. Пришла болезнь и источила цемент. Кому достанется душа? Христу или Кали? У его смертного ложа сходятся Рамакришна, старый примирившийся с ним учитель Дебендранатх и епископ Калькуттский. 1 января 1884 года он в последний раз выходит на освящение нового святилища «божественной Матери», а умирает он 8 января, провожаемый словами гимна о страданиях Христа в Гефсиманском саду, который один из учеников поет ему по его просьбе.

Как разобратся народу с простой душой в этих бесконечных колебаниях мысли? Для нас, склоненных над его внутренней жизнью и видящих, какими творческими муками она сопровождалась, колебания эти делают Кешаба еще более близким и трогательным. Никто не сумел глубже понять скрытую трагедию этого существа, истощившегося в поисках неуловимого бога, который разрушает теперь его тело, чем Рамакришна с его проникновенной добротой. Но имеет ли право прирожденный вождь, даже пряча свои муки, предаваться до своего последнего часа этим колебаниям? После него они передались Брахма Самаджу; обогатив его ум, они вместе с тем надолго, если не навсегда, пошатнули его авторитет перед Индией. Мы можем спросить, как Макс Мюллер, не явится ли христианство логическим завершением этого теизма. Это ясно почувствовали вскоре же после смерти Кешаба и друзья и враги его.

Его похороны объединили в общей скорби официальных представителей избранных людей Англии и индусов – приверженцев Запада. Он был связующим звеном между Европой и

Индией, и сломанное звено не удалось спаять. Ни один из моральных и религиозных вождей Индии, сменивших его, не принял так искренно, всем своим разумом и сердцем, западные идеи и западного бога. И Макс Мюллер с полным правом мог писать: «Индия в его лице потеряла величайшего из своих сыновей». Но индуистская пресса, единодушно восхвалявшая его гений, признавала, что «число его последователей не соответствует его значению».

Он был слишком далек от глубоких пластов души своего народа. Он любил ее. Он хотел одним взмахом поднять ее до чистых высот своего разума, вскормленного идеализмом Европы и ее Христом. И в социальном отношении никто до него, за исключением Роя, не содействовал в такой степени прогрессу Индии. Но против него была нарастающая волна пробудившегося и лихорадящего национального сознания. Против него были еще триста миллионов богов Индии и триста миллионов людей, в которых боги воплощались, – эти необъятные джунгли человеческих мечтаний, в которых он заблудился, потеряв от общения с Западом чутье и умение разбираться в следах. Он предлагал этим миллионам раствориться в его индуистском Христе. Но его призыв остался без ответа. Они даже не услышали его. Еще при жизни Кешаба против его Брахма Самаджа и против всяких попыток европеизировать религиозную мысль Индии поднялся другой, чисто индуистский Самадж и во главе его такая выдающаяся личность, как Дайянанда Сарасвати, (1824–1883). Сарасвати – одна из тех львиных натур, которые Европа игнорирует, когда судит об Индии, но с которыми ей придется столкнуться позже и, вероятно, с большим для себя ущербом. Один из тех деятельных мыслителей, которые, подобно жившему позже Вивекананде обладают искусством повелевать людьми.

В то время как все религиозные вожди, о которых мы говорили (и те, о которых еще будем говорить), родились в Бенгалии, Дайянанда был родом из другой области, где полвека спустя появился на свет Ганди, – с северо западного побережья Аравийского моря. Он родился в области Гуджарат, в Морви (княжество Катхиавар), и происходит из богатой семьи брахманов высшего ранга, сведущих в ведической науке не меньше, чем в мирских делах – финансах и политике. Отец его был членом правительства этого маленького туземного княжества. Непреклонный фанатик, не отступающий от буквы закона, он отличался суровым и властным характером, который передал своему сыну ко вреду для себя.

Воспитанный в самых строгих правилах брахманизма, получивший с восьми лет священный шнур и принужденный исполнять под строжайшим контролем семьи все вытекающие из этой привилегии моральные обязательства, мальчик, который, казалось бы, должен был стать столпом правоверного индуизма, оказался, наоборот, Самсоном, опрокинувшим столбы храма; яркий пример (один из сотни) того, как тщетны усилия людей, воображающих, что можно путем определенного воспитания формировать новые поколения и управлять будущим. Это самое верное средство вызвать бунт.

О бунте Дайянанды стоит рассказать. Ему было четырнадцать лет, когда отец повел его в храм по случаю большого праздника Шивы. После строгого поста предстояло провести ночь в бдении и молитве. Все правоверные уснули; мальчик один боролся со сном. И вдруг он увидел мышь, которая грызла приношения, бегая по телу бога. Этого было достаточно – кто не знает, с какой силой вспыхивают моральные революции в сердце ребенка... Его вера в идола одним ударом была разрушена. Он ушел из храма, вернулся домой ночью один и с тех пор отказывался соблюдать обряды.

Это было начало глубокого конфликта между отцом и сыном. Оба они, как натуры цельные и не знающие колебаний, не допускали никаких взаимных уступок. Девятнадцати лет Дайянанда ушел из дому, чтобы избежать брака, к которому его принуждали. Его поймали, заперли. Он снова убежал, и уже навсегда (1845 год). Ни разу с тех пор он не видел отца.

В течение пятнадцати лет этот сын богатого брахмана, лишенный всего и живущий только подаянием, в одежде садху цвета охры, странствовал по всем дорогам Индии. Это было как бы первое издание жизни Вивекананды, его юношеских странствий по всему Индостану. Как он, Дайянанда, разыскивал повсюду ученых, аскетов, изучая то философию, то науку Вед или теорию и практику йоги. Как и Вивекананда, он побывал почти во всех святилищах Индии, принимая участие во всех религиозных диспутах. Подобно Вивекананде, он мужественно переносил все тяготы, превратности и опасности пути. Это близкое соприкосновение с телом

родины продолжалось в семь раз дольше, чем великий искус Вивекананды. Но в отличие от него Дайянанда все время оставался чужд человеческим массам, мимо которых он проходил, потому что все это время он говорил только по санскритски. Он был таким, каким остался бы Вивекананда, если бы он не встретился с Рамакришной и если бы его аристократическая гордость не была сломлена снисходительной добротой и тонким пониманием человечнейшего из всех гуру. Дайянанда не видел, не хотел видеть вокруг ничего, кроме суеверия и невежества, душевной трусости, унижительных предрассудков и миллионов богов идолов, к которым он питал отвращение. Наконец он встретил в Матхуре старого гуру, еще более, чем он сам, неумолимого в своем осуждении слабостей и в своей ненависти к предрассудкам. Это был слепой саньясин – слепой с самого детства и совершенно одинокий с одиннадцати лет, – ученый человек, ужасный человек, Свами Вирджананда Сарасвати. Дайянанда подчинился его «дисциплине», которая была не только умственной, но, выражаясь языком наших аскетов XVII века, оставляла также следы на его коже в виде глубоких шрамов. Неукротимый бунтарь покорился. Больше двух с половиной лет он служил своему гуру, и надо признать, что вся его последующая деятельность была лишь исполнением воли непреклонного слепца, у которого он заимствовал имя, предав забвению имя своих родных. Перед тем как расстаться, Вирджананда взял с него слово, что он посвятит свою жизнь очищению засоренной пуранической веры, восстановлению правильных религиозных методов древних, добуддийских времен и распространению истины.

Вскоре после того Дайянанда начал проповедовать в Северной Индии. Но не как те святые божьи люди, которые открывают небеса всем желающим их слушать. Он был подобен героям Илиады или Гиты.

Атлетического сложения, могучий, как Геркулес, он бросал вызов всем борцам за идеи, отличные от его собственных. Он нападал. И так удачно, что в пять лет взволновал всю Северную Индию. За эти пять лет на него было совершено пять покушений. Его пробовали отравить. Один фанатик во имя Шивы бросил ему в лицо кобру, которую Дайянанда задушил. И все же с ним не могли справиться. Все признавали его бесспорное знание санскритского языка и Вед. Его пламенное красноречие уничтожало противников. О нем говорили, что он подобен «наводнению». Со времени Шанкары еще не было такого проповедника ведизма. Правоверные брахманы, пораженные, пригласили его к себе в Бенарес, индуистский Рим. Дайянанда смело принял приглашение. На состоявшемся (в ноябре 1859 года) грандиозном публичном состязании под председательством магараджи в присутствии тысячной толпы, готовой каждую минуту растоптать его, он много часов спорил один против трехсот пандитов – всей мобилизованной армии ортодоксального индуизма. Он установил, что Веданта в ее теперешнем виде находится в полном противоречии с Ведами. Он брался восстановить истинное Слово, чистый Закон в таком виде, как они существовали две тысячи лет тому назад. Его не захотели слушать, проводили свистом и криками. Его отлучили от церкви. Вокруг него образовалась пустота. Но слава о поединке, подобном битвам Махабхараты, разнеслась по всей стране. По всей Индии трубным звуком прокатилось его имя.

В Калькутте, где он прожил с 15 декабря 1872 года до 15 апреля 1873 года, произошла его встреча с Рамакришной. Ему оказали дружеский прием в Брахма Самадже. Кешаб и его приверженцы охотно закрыли бы глаза на различия, существовавшие между ними; они видели в нем сильного союзника для крестового похода против предрассудков ортодоксальной церкви и против миллионов богов. Но не таков был Дайянанда, чтобы войти в соглашение с религиозными философами, пропитанными идеями Запада. Его национальный индуистский теизм, основанный на стальной вере, выкованной из чистого металла Вед, не желал иметь ничего общего с их, проникнутым современным духом сомнения, теизмом, не признававшим непогрешимости Вед и догмата переселения душ. Он порвал с ними. Но из этой встречи он извлек для себя пользу. Он обязан был им такой, казалось бы, простой мыслью, не приходившей ему раньше в голову, что его пропаганда может иметь действительный успех при условии, что она будет вестись на понятном народу языке. Он отправился в Бомбей, где вскоре его школа, подобно Брахма Самаджу, но значительно превосходя его в смысле организационном, пустила глубокие корни в социальную жизнь Индии.

10 апреля 1875 года Дайянанда основал там свой первый Арья Самадж – ассоциацию ариев

Индии, чистых индусов, потомков древнего народа завоевателей Инда и Ганги. И действительно, именно в этих областях Арья Самадж укоренился сильнее всего. С 1877 года, когда окончательно были разработаны в Лагере его принципы, и до 1883 года Дайянанда покрыл густой сетью своих самаджей всю Северную Индию, Раджпутану, Гуджарат, объединенные провинции Агры и Уда и главным образом Пенджаб, оставшийся его излюбленной областью. Почти вся Индия была им задета. Единственным районом, оставшимся вне его влияния, был Мадрасский район.

Он пал в расцвете сил жертвой убийства. Наложница махараджи, отстраненная суровым пророком, отравила его. Он умер в Аджмире 30 октября 1883 года.

Но дело его безостановочно развивалось. С сорока тысяч в 1881 году число членов его общества возросло до ста тысяч в 1901 году и четырехсот шестидесяти восьми тысяч в 1921 году.

Самые значительные личности Индии – люди действия, политики, махараджи – примкнули к этому движению. Его яркий, широкий успех, по сравнению со скромным распространением Брахма Самаджа Кешаба, показывает, насколько мощное слово Дайянанды отражало мысль страны и первые порывы ее национализма, которому оно способствовало.

Быть может, нелишним будет напомнить Европе некоторые причины, вызвавшие это национальное пробуждение, взрыв которого мы теперь наблюдаем.

Влияние Запада получило чрезмерное развитие и проявляло себя не с лучшей стороны. В смысле интеллектуальном это было довольно поверхностное умственное движение, которое избавляло от всякого самостоятельного мышления, подтачивало молодые умы, внушая им презрительное отношение к духу их народа. Жизненный инстинкт, однако, возмутился против этого. Поколение Дайянанды, как и он беспокойное, страдающее и мятущееся, видело, как в жилы Индии вливается европейский поверхностный рационализм, вызывающий, иронический, ничего не знающий о глубинах индийского духа, – и христианство, проникающее в семьи и часто оправдывающее слова Христа: «и войдя, вселял рознь между отцом и сыном».

В мою задачу не входит умалять значение христианства. Католик по рождению, хотя и освободившийся от всех определенных форм Церкви или религии, но все же познавший вкус Христовой крови и всегда ценивший сокровища, скрытые в книгах и жизни великих христиан, я не помышляю о том, чтобы поставить эту веру ниже какой бы то ни было другой. Для религии, поднявшихся на высочайшие вершины человеческого духа – *asumen mentis*, – уже не существует степеней. Но не всегда религии действуют на чужие, зарубежные народы тем лучшим, что в них есть. Слишком часто примешивая к своим победам на земле вопросы человеческого самолюбия, они не очень заботятся о выборе средств, ведущих к победе, была бы только достигнута цель. Скажу больше: даже в своих высших формах религия редко овладевает духом чужого народа через свою сущность – через эти высочайшие вершины, о которых говорилось выше. Она завоевывает его другими проявлениями, без сомнения, тоже очень значительными, но второстепенными. Кто склонялся над чудесной христианской метафизикой и измерял ее глубины, знает, какие она являет необъятные просторы для парения человеческого духа, а ее божественный космос существа и присущей ему Любви не менее велик и возвышен, чем Бесконечности Вед. Правда, Кешаб проник в него, но Кешаб – исключение среди своего народа, христианство же очень редко показывает себя индусам с этой стороны, а чаще со стороны этики практического действия, любви в действии (если можно так выразиться), которая, конечно, имеет огромное, но не первостепенное значение. Достоинно внимания, что среди наиболее известных обращенных в христианство лиц фигурируют на первом плане люди действия, люди героических боев и только в незначительном количестве – склонные к умственному созерцанию личности.

Если с этим утверждением можно еще спорить, то безусловно установленным надо считать тот факт, что ко времени умственного формирования Дайянанды религиозная мысль Индии была в упадке и религиозная мысль Европы готова была погасить ее слабое пламя, не надеясь, однако, разжечь на его месте свой огонь.

Брахма Самадж был этим обеспокоен. Но сам он испытывал на себе влияние западного христианства. Исходной точкой учения Рам Мохан Роя был протестантский унитаризм.

Дебендранатх, защищаясь от него сам, не имел, однако, силы защитить от него Самадж, – иначе он не уступил бы места Кешабу, более чем на три четверти поддавшемуся этому

влиянию. В 1880 году один критик Кешаба мог с полным основанием сказать: «Те, кто верил в него, перестали быть теистами, так как он все больше и больше склонялся к христианству». И как ни ясна была антихристианская позиция третьего Брахма Самаджа (Садхаран брахмо), отделившегося от Кешаба, какое доверие могло питать общественное мнение Индии к церкви, дважды на протяжении полустолетия взорванной расколом и стоящей под угрозой – мы это видели – быть окончательно поглощенной в следующее полустолетие христианством?

Что же удивительного в том восторженном приеме, который был оказан неистовому чемпиону Вед, ведисту крупного размаха, проникнутому священным писанием древней Индии, ее героическим духом и бросившему – один против всех – вызов захватчикам Индии!

Дайянанда объявил войну христианству. Он рассекал его своим тяжелым массивным мечом, не заботясь о правильности и не соблюдая меры в бою. Он подвергал его злобной критике, несправедливой, оскорбительной, впиваясь в своей слепой и глухой ненависти в каждый стих Библии, не давая себе труда проникнуть в ее религиозный или даже буквальный смысл (он читал ее в переводе на язык хинди, и притом очень торопливо). Эти бичующие комментарии, похожие на комментарии Вольтера в «Философском словаре» и ставшие – увы – арсеналом, которым с тех пор пользуется злобствующий антихристианизм некоторых современных индусов, во всяком случае, по правильному замечанию Глазенапа, представляют большой интерес для европейского христианства, если оно хочет знать, каким его рисуют себе его азиатские противники.

Не с большим почтением относился Дайянанда к Корану и к Пуранам. Он попирал ногами тело правоверного брахманизма. Он был безжалостен к тем из своих соплеменников, которые в настоящем или в прошлом способствовали тысячелетнему упадку Индии, когда то владычице мира. Он не щадил ничего, что, по его мнению, искажало или профанировало истинную ведическую религию. Он был Лютером, порвавшим с Римской церковью, совратившейся с пути и разложившейся. Его первой заботой было дать своему народу возможность впервые пить непосредственно из чистого источника священных книг. Он перевел Веды и толкования к ним на народный язык. Великая дата для Индии: брахман не только разрешает каждому смертному знакомство с Ведами, изучение которых было запрещено правоверным брахманизмом, но и вменяет их чтение и распространение в обязанность каждому арье.

Конечно, его перевод был скорее свободной интерпретацией, и можно много спорить о точности. его передачи смысла Вед, о непреложности догм и принципов, которую он будто бы там увидел; об абсолютной непогрешимости этой, по его мнению, единственной предчеловеческой, сверхчеловеческой книги, непосредственно исходящей от божества; о безапелляционности его отрицаний и неумолимости приговоров и, наконец, о его действенном теизме, воинственном Credo и его национальном боге Лишенный сердечной теплоты и ясного спокойствия разума, озаряющих все народы земли и их богов, лишенный горячей поэзии, излучаемой существом, подобным Рамакришне, или высокого лиризма Вивекананды, Дайянанда перелил в обессиленное тело Индии свою чудовищную энергию, уверенность, свою львиную кровь. Каждое его слово звучало героически. Народу, привыкшему в своей вековой пассивности склоняться перед судьбой, он напомнил, что душа свободна и воля творит судьбу. Показывая пример, он прокладывал путь, расчищая ударами топора дорогу, заросшую привилегиями и предрассудками. Если метафизика его была суха и неясна, если его теология грешила узостью и, на мой взгляд, реакционностью, то его социальная практическая деятельность отличалась бесстрашной дерзостью. В области фактов он оставил далеко позади себя не только Брахма Самадж, но и «Ramakrishna Mission», не решающуюся даже в наше время на столь радикальные шаги.

Созданный им Арья Самадж считает основным своим принципом равноправие всех людей, всех народов, равенство полов. Он отвергает кастовые различия, признавая лишь различие людей по профессиям или гильдиям, которые соответствуют дополнительным, проявляющимся в общественной жизни свойствам людей; религия тут ни при чем; дело идет о пользе государства, распределителя обязанностей; от него зависит, если он считает это полезным для общества, перевод из одной касты в другую в целях поощрения или наказания. Во всяком случае, Дайянанда требует, чтобы каждому человеку дана была возможность приобрести полную сумму познаний и подняться, насколько он может, по социальной

лестнице. Но особенно восстает он против возмутительного факта существования класса париев; никто еще с такой яростью не боролся за их поправленные права. В Арья Самадж они принимаются на равных правах с другими. Ибо Арья не составляют каст. «Арья – это люди, обладающие высокими принципами; а дасью – это все, живущие в злобе и грехе». Не менее великодушен и смел Дайянанда в своей борьбе за права женщины, находившейся в то время в жалком положении. Он восстает против притеснений, которым она подвергается, напоминая, что в героические времена женщина занимала в обществе и семье по меньшей мере равное с мужчиной положение. Дайянанда, не колеблясь, требует в семье равенства прав и обязанностей для мужчины и женщины, одинакового образования, в семье – права высшего контроля женщин над домашними делами, включая сюда и денежные средства. И хотя он считает брак нерасторжимым, но безусловно признает за вдовами право вступать в новый брак и даже допускает возможность временного союза как для мужчины, так и для женщины с целью иметь детей, если брак их не дал.

И наконец, Арья Самадж, восьмым принципом которого было «распространять знание и рассеивать невежество», сыграл крупную роль в деле просвещения Индии. Особенно много школ для детей обоего пола было основано в Пенджабе и Соединенных провинциях, где их трудовые ячейки группируются вокруг двух образцовых учреждений – Дайянанда Англо Вединк в Лахоре и Гурукула в Кангри, – двух бастионов национального индуистского воспитания, стремящихся возродить энергию народа, пользуясь при этом научными и техническими достижениями Запада.

Прибавим еще филантропические учреждения, сиротские дома, мастерские для мальчиков и девочек, убежища для вдов и широкую деятельность по оказанию социальной помощи при эпидемиях, голоде и т. д., где Арья Самадж встретил соперника в лице позднее образовавшейся «Ramakrishna Mission».

Из всего изложенного видно, каким могучим рычагом, поднимающим народы, был этот суровый саньясин с сердцем вождя. Он был действенной силой народного движения, душой немедленного решительного действия в час пробуждения национального сознания Индии. Но его Арья Самадж подготовил – желал он этого или нет – восстание в Бенгалии в 1905 году; там мы с ним встретимся. Это был самый оживленный участок националистической перестройки и организации. В нем чувствуется постоянная готовность взяться за оружие. Но то, что составляло его силу, является вместе с тем его слабостью. Смысл его существования – действие, и цель его – нация. Когда действие совершено и нация создана, цель кажется достигнутой, быть может, для народа без широких горизонтов. Но не для Индии.

VII

ВСТРЕЧА РАМАКРИШНЫ С ВЕЛИКИМИ ПАСТЫРЯМИ ИНДИИ

Таковы были великие пастыри народа, царственные пастыри Индии, в тот час, когда из за гор появилась, освобожденная из своих покровов, звезда Рамакришны.

Он, конечно, не мог знать первого их предтечу, Рам Мохан Роя. Но с тремя остальными он был лично знаком. Он пришел к ним, гонимый жаждой бога, никогда не перестававшей его томить. Он постоянно задавал себе вопрос: «Нет ли еще других, найденных ими, источников Его, из которых я еще не пил?» Но его опытный глаз оценивал их сразу, и, склонившись, чтобы отвесть от них с жадным благочестием, он поднимался с тихой лукавой усмешкой: «Его источник лучше...»

Он был не из тех, кого можно ослепить роскошью, славой или красноречием. Его прищуренные глаза не смыкались, пока им не засияет желанный свет – мерцание божьего ока. Они проникали сквозь стены души, как сквозь стекло, и любознательно шарили в сердце. То, что они там невзначай находили, порой вызывало у нескромного их обладателя приступ беззвучной и незлобивой веселости.

Его собственный рассказ о визите, нанесенном им величавому Дебендранатху Тагору, – это очаровательная комическая сценка, в которой сквозит оппозиционный дух и непочтительная почтительность «братца» к великому первосвященнику, к «царю Джанаке».

– Считаете ли вы совершенно невозможным, – спросил его как то один из собеседников, – примирить светскую жизнь с богом? Что вы думаете о Махарши Дебендранатхе Тагоре? Рамакришна тихо повторил:

– Дебендранатх Тагор... Дебендранатх... Дебендра... – и несколько раз поклонился, потом сказал: – Знаете что... Жил однажды человек, который любил очень торжественно справлять праздник Дурга Пуджа. С утра до вечера в его доме резали и приносили в жертву коз. Но через несколько лет торжество утратило свой блеск. Кто то спросил этого человека: «Отчего так померк ваш праздник?» «Оттого, – ответил он, – что я потерял свои зубы». Итак, совершенно естественно, – заканчивает непочтительный рассказчик, – что в таком преклонном возрасте Дебендранатх предается размышлениям. Но, – продолжает он после короткой паузы, еще раз поклонившись, – это, безусловно, значительный человек.

И он рассказывает о своем посещении:

– Когда я его увидел, он мне вначале показался немного гордым... Это ведь так естественно. Он имел все земные блага: знатность, почет, богатство... И вдруг я впал в такое состояние, когда я могу видеть человека насквозь: тогда самые богатые люди, самые ученые кажутся мне ничтожными, как солома, если я не нахожу в них бога... Смех душил меня... Я увидел, что этот человек одновременно пользуется мирскими благами и ведет религиозную жизнь; у него было много детей, и все молодых, несмотря на то что он был джнянин. Он не был ни в чем обойден жизнью. Я сказал ему: «Вы царь Джанака наших дней». Он упивался жизнью и достигал в то же время высочайших «осуществлений». «Вы пребываете в мире, но дух ваш поднялся до высот божества. Скажите мне чтонибудь о нем».

Дебендранатх говорит ему на память несколько прекрасных страниц Вед. И между ними завязывается беседа в дружески любезном тоне. Дебендранатх поражен огнем, сверкающим в глазах посетителя. Он приглашает Рамакришну прийти на праздник, на следующий день, но просит его «прикрыть немного свое тело», потому что наш странник не позаботился принарядиться. Рамакришна отвечает с обычным лукавым добродушием, что на это нечего рассчитывать. Он таков, как он есть, и таким он придет. Они расстанутся добрыми друзьями. Но на следующий день ранним утром Рамакришна получает от вельможи записку, очень вежливую, с просьбой не беспокоить себя посещением.

И между ними все кончено. Легким, почти ласкающим ударом бархатной лапки аристократ отстранен: пусть его остается в своем раю идеализма.

Дайянанду он распознал еще быстрее и еще легче покончил с ним. Надо сказать, что ко времени их встречи (начало 1873 года) Аръя Самадж еще не был основан и преобразователь был еще на середине своего пути. Рамакришна подверг его осмотру, признал за ним некоторую силу, понимая под этим способность «настоящего общения с божеством». Но мятущийся и беспокойный нрав, воинственный атлетизм чемпиона Вед, его яростное старание всегда быть правым и свою правду навязывать другим, по мнению Рамакришны, только вредили его делу. Он наблюдал, как Дайянанда день и ночь спорит о Божественном Писании, как он толкует вкривь и вкось его смысл, силясь во что бы то ни стало создать новую секту. Всякая забота о личном, мирском успехе в глазах Рамакришны только мешала любви к богу. И он отвернулся от Дайянанды.

Отношения его с Кешаб Чандер Сенем носили совсем иной характер: тесной, дружеской и длительной привязанности.

Прежде чем рассказать о них, я должен выразить сожаление о том, что ученики обоих учителей, говоря об этих отношениях, были столь мало объективны. Каждый из двух лагерей стремился «своего божьего человека» поставить выше чужого. Ученики Рамакришны еще отзываются о Кешабе с дружеским уважением: они благодарны ему за признание им Па рамахансы. Зато некоторые ученики Кешаба не могут простить Рамакришне влияния, которое он имел, или им казалось, что имел, на их учителя, и, чтобы доказать, что этого не было, они стараются вырыть между этими двумя людьми непроходимые пропасти мысли; они презрительно недооценивают настоящее значение Рамакришны и свою досаду вымещают на том, кому его Евангелие обязано своим распространением и победой, – на Вивекананде.

Я отлично понял после чтения многих прекрасных страниц Кешаба, в которых предвосхищены идеи и действия Вивекананды, что Брахма Самаджу тяжело переносить молчаливое забвение, которое он видит со стороны Ramakrishna Mission. По мере сил я постараюсь исправить эту несправедливость, которая мне кажется ненамеренной. Но нельзя оказать худшей услуги памяти Кешаба, чем наделить его, как делают некоторые члены Брахмо, своей узостью, замалчивая, с другой стороны, бескорыстную любовь, которую Кешаб дарил

Рамакришне. Во всей жизни Кешаба, столь достойной уважения и любви, нам всего дороже именно то уважение и любовь, с которыми этот великий человек, в расцвете умственных сил и на вершине славы, неизменно, с начала до конца, относился к «бедняку» из Дакшинешвара, тогда еще мало известному и непризнанному. Чем больше стараются члены Брахмо, задетые в своей гордыне близостью «божьего безумца» к лучшему из интеллигентов, извлечь из книг Кешаба самые беспощадные осуждения беспорядочного экстаза, приписываемого Рамакришне, тем удивительнее то исключение, какое он допускал в отношении Рамакришны. Если верно, что Кешаб, в отличие от большинства других религиозных вождей Индии, никогда не имел гуру, посредника между ним и божеством, – если нельзя, следовательно, причислять его, как это делают рамакришнаисты, к ученикам Рамакришны, то, во всяком случае, его великодушный ум готов был преклониться перед всем великим, а любовь его к истине была так чиста, что исключала всякую примесь тщеславия. Этот учитель всегда был готов учиться. Он говорил о себе: «Я прирожденный ученик. Все предметы – мои учителя, все животные – мои учителя. Я учусь у всех». Как же он мог не учиться у «человека бога»?

В начале 1875 года он со своими учениками жил на вилле вблизи Дакшинешвара.

Рамакришна пришел к нему и сказал:

– Я слышал, что вам явилось видение бога. Я бы хотел знать, каково оно было.

Вслед за тем он запел знаменитый гимн Кали и во время пения впал в экстаз. Для индуса, даже просвещенного, это самое обычное явление, и Кешаб, недоверчиво относившийся к таким болезненным проявлениям благочестия, не обратил бы на него никакого внимания, если бы Рамакришна, возвращенный из самадхи к действительности своим племянником, не разразился потоком чудеснейших слов о боге и бесконечном.

И даже эти вдохновенные слова были проникнуты иронией и здравым смыслом. Они поразили Кешаба. Он поручил своим ученикам понаблюдать за Рамакришной. Скоро он уже не сомневался, что имеет дело с исключительной личностью. И в свою очередь он пошел к нему. Они стали друзьями. Кешаб приглашал его на торжества Брахма Самаджа или заходил за ним в храм, чтобы отправиться вместе гулять по берегу Ганги. И так как его великодушное сердце чувствовало потребность делиться с другими радостью своих открытий, он повсюду рассказывал о Рамакришне, в своих речах и на страницах газет и журналов, на английском и на местных языках. Завоеванной им известностью он пользовался для прославления Рамакришны. Благодаря ему Рамакришна, до этого времени популярный, за немногими исключениями, только в народных массах, постепенно приобретал известность в кругах буржуазной интеллигенции Бенгалии и других областей.

Трогательна скромность, с какой знаменитый вождь Брахма Самаджа, благородный Кешаб, богатый знаниями и авторитетом, преклонялся пред этим неизвестным, неискушенным в книжной мудрости, не знавшим санскритского языка, едва умевшим читать и писать человеком, поражающим его своей необычайной проницательностью. Он садился у его ног, как ученик.

И тем не менее я далек от мысли, что Кешаб когда либо был учеником Рамакришны, как утверждают некоторые слишком рьяные рамакришнаисты. Не стану я также утверждать, что Кешаб обязан ему хотя бы одной из своих основных идей. Все его основные идеи уже созрели до того, как он встретил Рамакришну. Мы видели, что уже в 1862 году у него возникла идея о гармонии религий и об их общем источнике. В 1863 году он говорил:

– Все истины принадлежат всем, так как все они от бога. Нет истин европейских и азиатских, ваших или моих.

В 1869 году на лекции о будущей церкви он говорил о громадной симфонии, созданной совокупностью религий, из которых каждая сохраняет свой особенный характер, тембр своего инструмента, регистр голоса, и все они сольются в одном хоре, славящем бога отца и людей братьев. Так же неправильно было бы утверждение, что Кешаб благодаря Рамакришне пришел к концепции Матери. Она существовала в Индии во все времена, как на Западе концепция Отца. Рамакришна не создал ее. Гимны Рампрада, которыми он был полон, воспевали ее на все лады. Брахма Самадж принял идею материнства бога со времени Дебендранатха. И ученики Кешаба, изучая его труды, то и дело встречаются с обращениями к Матери.

Не подлежит сомнению, что обе великие идеи: о божественной Матери и о братстве

верующих, независимо от их обрядовых жестов и способов выражения, – что эти идеи, как таковые, жили в мыслях Кешаба и были согреты его верой... Но совсем иное дело было встретить их живыми, ожившими в Рамакришне. «Бедняк» не заботился о теории: он был; он сам был общением между богом и верующими, он был Матерью и Возлюбленной; он видел ее; сквозь него могли ее видеть и другие: он осязал ее. Эта гениальная душа умела дать почувствовать нам, кто приближался к ней, горячее дыхание богини и материнское объятие ее прекрасных рук... Какое блаженство! И как должен был наслаждаться им Кешаб, который тоже был бхакт, верующий через любовь.

«Детская душа Рамакришны, простая, нежная и прелестная, украсила йогу Кешаба, его незапятнанную идею религии», – пишет один из его биографов, Чи ранджиб Шарма.

А вот слова одного из миссионеров церкви Кешаба, бабу Гириш Чандра Сена:

– От Рамакришны Кешаб заимствовал идею с детской простотой называть бога сладостным именем Мать...

Я подчеркиваю только эти три слова, так как уже показал, что Кешаб до встречи с Рамакришной называл бога Матерью. Рамакришна принес ему другое: новый расцвет любви, непосредственную веру – душу ребенка. И результатом этого было отнюдь не зарождение мысли о Новом Избавлении, которую Кешаб начинает излагать как раз в тот год (1875), когда скрестились пути его и Рамакришны, – а неудержимый взрыв веры и радости, заставивший его поведать миру свое открытие.

Рамакришна был для последователей Брахма Самаджа чудесным возбуждающим средством, тем огненным языком, который, по преданию, пляшет в Троицын день над головой апостолов, озаряет и жжет их. Он был для них искренним другом и свидетелем, судившим их. Он не жалея дарил им свою любовь и свою язвительную критику.

После первых посещений Брахма Самаджа его внимательный и насмешливый глаз уловил несколько условный характер благочестия этих превосходных людей. Он сам с большим юмором рассказывает:

– Учитель сказал им: «Войдем в общение с Ним». И я подумал: «Сейчас они погрузятся во внутренний мир и углубятся в него надолго». Но едва прошло несколько минут, как они снова открыли глаза. Я удивился. Как можно найти Его после столь краткого размышления? Когда все было окончено и мы остались одни, я сказал Кешабу: «Я смотрел на ваших братьев, когда они размышляли с закрытыми глазами. Знаете, что они мне напомнили? Иногда в Дакшинешваре я наблюдаю за компанией обезьян, неподвижно сидящих под деревом. Воплощенная невинность... Они размышляют о фруктах, кореньях и других вкусных вещах, которые собираются стащить через несколько минут... Общение с богом, в которое сегодня вступили ваши ученики, Кешаб, было немногим более серьезно...»

В одном из ритуальных гимнов Брахмо был следующий стих: «Думайте о нем и любите его во все мгновения дня».

Рамакришна остановил поющего и сказал:

– Измените этот стих и скажите: «Молитесь и любите его только два раза в день». Говорите то, что есть в действительности. Зачем рассказывать Предвечному всякие небылицы...

Брахма Самадж Кешаба пылал восторгом веры, но в этом восторге было что то нарочито сдержанное, абстрактное, торжественное, что то неуловимо англиканское. Чувствовалось, что они постоянно опасались обвинений в идолопоклонстве. Рамакришна любил поддразнить их, играя именно на этой струне, но без особого жара. Однажды, когда Кешаб при нем перечислял в молитве все совершенства господина, он спросил:

– Для чего вы занимаетесь этой статистикой? Разве сын говорит своему отцу: «О мой отец! вы имеете столько то домов, столько то садов, столько лошадей и т. д.». Вполне естественно, что отец предоставляет в распоряжение сына все свое добро. Если вы будете думать о нем и его дарах как о чем то необычайном, вы никогда не будете близки с ним, вы не сможете приблизиться к нему... Не думайте о нем так, будто он где то далеко от вас, а воспринимайте его как существо близкое к вам. Тогда он откроется вам. Разве вы не видите, что его атрибуты, которыми вы восторгаетесь, делают вас идолопоклонниками?

Кешаб протестует, он задет за живое: он возмущенно кричит, что, напротив, он борется с идолопоклонством, что бог, чтимый им, есть бог без образа. Рамакришна отвечает спокойно: – Бог существует и в образе, и без образа. Изображения и другие символы так же ценны, как

ваши атрибуты. А эти атрибуты, не отличающиеся от идолопоклонства, те же образы, только жесткие и застывшие.

А в другой раз он говорит:

– Вы хотите быть узким и пристрастным... А я, я горю желанием любить господу всеми возможными способами. И однако жажда моей души никогда не бывает утолена. Я бы хотел ему поклоняться, поднося ему цветы и плоды, повторять его святое имя в одиночестве, думать о нем, петь ему гимны, плясать, радуясь моему господу. Те, кто думает, что бог не имеет образа, могут постигнуть его не хуже, чем те, которые представляют себе его имеющим образ. Единственное, что необходимо, – это вера в полное отрешение от себя.

Здесь я передаю лишь обесцвеченные слова. Не в моей власти придать им жизненную реальность, излучение личности, голоса, глаз, пленительную улыбку (никто из видевших ее не мог устоять перед ней), живую правду, исходившую из этого существа, у которого слова были не как у нас, простых смертных, широкой и разукрашенной одеждой, больше скрывающей, чем выявляющей неуловимую внутреннюю жизнь. Он делал эту внутреннюю жизнь осязаемой. И бога, который для большинства людей (я говорю – религиозных людей) есть рамка мысли, за которой скрывается недоступное взгляду полотно, «невидимый шедевр», – этого бога можно было видеть, глядя на человека. Вы видели, как человек, разговаривая с вами, погружался в него, словно пловец, который нырнул и через минуту снова появился весь мокрый, пропитанный запахом водорослей и соленым вкусом океана. Кто мог укрыться от излучавшихся из него волн божественности? Научный ум Запада подверг бы их химическому анализу, но, каковы бы ни были эти элементы, их синтетическая реальность не подлежала сомнению. Наиболее недоверчивые люди могли коснуться пловца, вынырнувшего из бездны мечты, и уловить в его зрачках отблеск подводной флоры. Кешаб и некоторые его ученики, вероятно, были опьянены этим отблеском.

Необходимо прочесть некоторые необычайные диалоги этого Платона Индии, происходившие на лодке Кешаба, плывшей по Ганге. Рассказчик, ставший «евангелистом» Рамакришны, сам удивляется возможности встречи между двумя столь различными умами. Что общего могло быть между человеком богом и человеком общества, интеллигентом, англоманом Кешабом, разум которого восстает против богов... Все ученики Кешаба толпятся вокруг обоих мудрецов в каюте яхты, как мухи у отверстия иллюминатора. Но едва с губ Рамакришны начинает течь мед его речей, как «мухи» уже тонут в блаженстве.

«Уже больше сорока пяти лет прошло с тех пор, но все, что говорил Парамаханса, запечатлелось в моей памяти несмываемыми знаками. Мне не приходилось слышать никого, кто бы так говорил... Во время беседы он все ближе придвигался к Кешабу, так что к концу ее, сам того не замечая, он почти лежал на его коленях. А тот сохранял полную неподвижность, не делая попытки от него отодвинуться...»

Рамакришна с любовным вниманием вглядывается в лица окружающих и дает каждому из них характеристику. Все их черты, глаза прежде всего, но также лоб, нос, зубы, губы, уши говорят языком, к которому он имеет ключ. Он говорит с легким и приятным заиканием. Речь заходит о Ниракара Брахмане (боге без образа).

«Повторяя слово „Ниракара“, он спокойно погрузился в самадхи (экстаз), как пловец, скользнувший в глубину моря... Мы жадно наблюдали за ним... его тело вытянулось и слегка окоченело. Не было заметно ни малейшего напряжения нервов или мускулов. Ни малейшего движения. Обе его руки покоились на коленях, пальцы слегка переплелись. Поза сидящего тела была свободна, но совершенно неподвижна. Немного приподнятое вверх лицо спокойно. Глаза почти, но не совсем, закрыты; глазное яблоко не вывернуто и не скошено, только неподвижно. Из за полуоткрытых в блаженной улыбке губ сверкали ослепительно белые зубы. Никакой портрет не мог бы передать невыразимую прелесть этой чудесной улыбки».

Его возвращают на землю пением гимна. «...Он открывает глаза, смотрит вокруг с удивлением. Музыка замолкает. Парамаханса, глядя на нас, спрашивает: „Кто эти люди?“ Потом он несколько раз сильно хлопает себя по голове, восклицая: „Спускайся, спускайся...“ Придя окончательно в сознание, он начинает петь приятным голосом гимн богине Кали...» Он поет о тождестве божественной Матери с Абсолютом, поет об игре с воздушным змеем из человеческих душ, который Мать запускает, держа его на веревке иллюзии.

«...Мир – это игрушка Матери. Она для забавы позволяет одному двум змеям из тысячи

сорваться с веревки иллюзии. Это ее игра. Она говорит избранной ею душе, лукаво подмигивая ей: „Ступай в мир и живи там, пока не получишь от меня дальнейших распоряжений“».

И, подражая ей, он обращается к ученикам Кешаба со снисходительной иронией, вызывающей дружный хохот:

– Вы живете в мире? Ну и оставайтесь там. Вам не предназначено покинуть его. Будьте тем, что вы есть: чистым золотом, смешанным с лигатурой, сахаром, смешанным с патокой... Мы играем в игру, в которой надо получить семнадцать очков, чтобы выиграть. Я получил больше – и проиграл. Вы ловкие люди, недобрали очков и можете продолжать игру... В сущности, совсем не важно, живете ли вы в миру или в семье, лишь бы не терять общения с богом... Именно во время этих бесед, чудесно сочетающих наблюдательность и экстаз, насмешливый здравый смысл и высочайшие идеи, Парамаханса говорит свои чудесные притчи, о которых я уже упоминал, – о божественном резервуаре с несколькими «гхатами» (лестницами) и о Кали пауке. Он обладает слишком тонким чутьем реальности, слишком ясно читает в душах людей, чтобы рассчитывать довести их до такой же степени свободы духа, какой он сам достиг; он рассчитывает свою мудрость по их силам; он не требует большего, чем эти силы могут дать, но дать уже надо все, без остатка.

Прежде всего он открывает перед Кешабом и его учениками с широтой взгляда и терпимостью, допускающей законность различных точек зрения (казавшихся им до этих пор непримиримыми), – прежде всего он открывает перед ними сущность жизни, дух живого творчества. Этим интеллигентам, окостеневшим в рамках своего разума – своих разумов, – он развязывает члены, делает их свободными и гибкими.

Он отрывает их от абстрактных споров... «Живите, любите и творите...» Их застывшая кровь снова начинает циркулировать...

– Творить – значит быть подобным богу, – говорит он Кешабу, который в это время расточался в бесконечных и бесплодных спорах. – Когда вы полны сокровенной сущностью жизни, каждое ваше слово правдиво. Поэты во все времена восхваляли правду и добродетель. Сделались ли их читатели от этого добродетельными и правдивыми? Но когда среди нас встречается человек, отрешившийся от своего «я», то его действия становятся дыханием добродетели: то, что он делает для других, украшает их самые будничные мечты, то, чего он коснется, делается правдивым и чистым: он становится отцом действительности. То, что он создает, не исчезнет никогда. Вот этого я жду от вас. Заставьте умолкнуть псов злобы. Пусть слон Всевышнего протрубит благословение всему, что существует. Вы обладаете этой могущественной силой. Хотите вы применить ее? Или же предпочитаете растратить эту краткую жизнь на вражду с людьми...

И Кешаб послушался совета. Он снова пустил корни в горячую землю, согретую жизнью чувства, жизнью крови, – землю, омываемую божественными соками Верховного Существа. Рамакришна заставил его почувствовать, что этих соков не лишена ни одна частица, ни один самый скромный росток человеческой мысли. Он снова сочувственно раскрыл свою душу иным формам веры, даже некоторым обрядно стям, которые он до того отклонял. Он открыто взывал к Шиве, Шакти, Сарасеати, Лакшми, Хари, отождествляя их с добродетелями божества. В течение двух лет он погружался в каждую из великих религий, в каждое героическое воплощение духа – Иисуса, Будду, Чайтанью, из которых каждый пред– ставляет какую нибудь грань великого Зеркала: он силится по очереди впитать их в себя, чтобы через их синтез достигнуть высшего идеала. В особенности им владеет во время последней болезни излюбленная Рамакришной форма бхакти: страстная любовь к Матери. Ученики Кешаба рассказывают Рамакришне, приходящему навестить его в последние дни его жизни: «С ним произошла большая перемена. Мы часто застаем его разговаривающим, как вы, с божественной Матерью, слушающим ее, проливающим слезы...» И Рамакришна, взволнованный, восхищенный этой вестью, впадает в экстаз. В этом длинном рассказе об их последнем свидании самое трогательное – это появление умирающего, сотрясаемого смертельным кашлем Кешаба, который приходит, держась за стены, хватаясь за мебель, чтобы упасть к ногам Рамакришны.

А тот, еще наполовину погруженный в экстаз, говорит сам с собой. И Кешаб молчит, впивая в себя таинственные слова, будто исходящие от самой Матери. Они объясняют ему с жестоким

и утешительным спокойствием глубокий смысл его страданий и надвигающейся смерти. Как хорошо Рамакришна понимает смятение этой жизни, полной беспокойной веры и любви. – Вы больны, – говорит он ему тихо, – и это полно значения. В беспрестанных поисках бога порывы благочестия не раз пронизывали ваше тело. Болезнь ваша есть след этих потрясений. Трудно составить себе понятие о производимом ими в организме разрушении в тот момент, когда они происходят. По Ганге плывет лодка, и никто этого не замечает. Но несколько времени спустя сильная волна (ею поднятая) ударяет о берег и уносит часть его. Когда божественный огонь коснется хрупкого жилища, тела, он сожжет сначала страсти, потом ложное «я» и, наконец, уничтожит все без остатка... Вы еще не достигли конца... Почему вы позволили поместить свое имя в списки больницы господина? Вас теперь не выпустят, прежде чем не проставят против вашего имени запись: исцелился... Затем он для сравнения вызывает в памяти Кешаба трогательный образ божественного садовника, который разрыхляет почву у корней драгоценного розового куста, для того чтобы они могли пить ночную росу...

– Болезнь намеренно подкапывает корни вашего существования.

И Кешаб молча слушает и улыбается. Эта улыбка Рамакришны освещает траурный сумрак дома и страдания больного, как таинственный луч света на темных полотнах Рембрандта. Рамакришна переходит к торжественному тону, только когда Кешаб, утомленный, покидает его: он предписывает умирающему не жить во внутренних комнатах вместе с женщинами и детьми, но оставаться наедине с богом.

И последние слова Кешаба в предсмертных муках были: Мать... Мать...

Нетрудно понять, что этот великий идеалист, верующий в бога Разума, Добра, Справедливости и Истины, оказался в трагические дни далеким от Всевышнего, ушедшего от него слишком высоко, и что он почувствовал необходимость приблизиться, прикоснуться к нему пылью ног Рамакришны, почувствовал, что видеть и слышать его через Рамакришну было бы освежающей отрадой в его лихорадке. Такие переживания имеют вечное значение. И этого именно не могут простить Рамакришне некоторые гордые ученики Кешаба.

Хотелось бы, чтобы и последователи Рамакришны не выставляли этого напоказ. Пусть они берут пример со своего кроткого учителя. Как только окончилось последнее их свидание и Кешаб удалился, Рамакришна сейчас же начал со свойственной ему скромностью говорить о величии Кешаба, заслужившего уважение как образованной верхушки общества, так и простых верующих, как он сам. Он всегда с глубоким уважением отзывается о Брахма Самадже, лучшие представители которого платили ему тем же и сумели использовать его пребывание среди них. Их ум и сердце стали от этого шире. Рамакришна больше, чем кто бы то ни было, сделал для возвращения в лоно народной веры оторвавшейся от народа верхушки, которая, плохо усвоив полунауку Запада, едва не сбилась с пути.

Достаточно одного примера: его великий ученик Вивекананда вышел из рядов Брахма Самаджа, из рядов яростных борцов во имя Западного Разума против индуистских традиций, которые он впоследствии научился уважать и защищать. От этого индуистского пробуждения западная мысль ничего не потеряла. Но мысль Востока утвердила свою независимость. Отныне между Западом и Индией, как между равными единицами, становится возможен союз, а не порабощение и не убийство одной культуры другою.

VIII

ПРИЗЫВ К УЧЕНИКАМ

Совершенно ясно, как много выиграла Индия от встречи Рамакришны с Брахма Самаджем. Несомненно, выиграл и сам Рамакришна, хотя это и менее очевидно.

В первый раз он оказался в личном и длительном контакте с культурной буржуазией своей страны и благодаря ей, носительнице прогресса, – с идеями Запада. Он почти совершенно не был знаком с этим направлением мысли.

Он не был человеком, который, подобно упрямому, ограниченному ханже, спешит захлопнуть ставни своей кельи. Напротив, он открыл их настежь. Он был слишком человечен, ненасытно любознателен, жаден к плодам древа жизни, чтобы их не попробовать. Он изучил своим проникательным взглядом, проникавшим, как лиана, через все щели дома, различные покои того же хозяина и все его духовные выявления. Чтобы понять их, он сам становился ими. Он

постигал вместе с их чувствами их границы и предоставлял каждому существу иметь свое собственное представление о высшем начале и о личном долге. Он бы никогда не подумал навязать представление или поступок, который противоречил бы самому существу человека, он, для кого религиозное отрешение было и осталось навсегда первым и последним словом правды, открыл, что большинству оно было чуждо. И он не удивился этому и не опечалился. Эти различия, воздвигнутые стараниями людей как заборы, казались ему кустами, которые цвели на одном поле и придавали ему разнообразие. Он понимал всех, он любил всех. Он видел пути и намеченную цель каждого человека; он видел их яснее, чем они сами; и он им их указывал. Говоря с людьми – свидетели восхищались этим, – он тотчас же начинал пользоваться оборотами и мыслями, свойственными им. Это не было проявлением его неустойчивости. Его ум твердо держал руль барки. И если он вел каждого к иному месту на берегу, это был всегда берег божий. Он помогал им, незаметно для них самих, пристать к берегу своими собственными средствами. Так как всякое существо было, в его глазах, от бога, он считал своим долгом развивать каждого согласно с его собственным призванием, помогая ему достигнуть наибольшей цельности.

Случай ему раскрыл, что он обладает даром духовного руководства, которого он до сих пор не искал. Одно западное изречение, взятое итальянским Ренессансом как девиз, гласит: «Кто хочет, тот может». Бахвальство молодости! Она еще не знает жизни... Человек правдивый, отвечающий за свои слова, для которого они должны претвориться в действие, переворачивает девиз и читает: «Кто может, тот хочет».

Рамакришна сразу почувствовал и доставшиеся ему силы, и призыв мира к их применению. Влияние, которое он оказывал на избранные умы Индии, показало ему слабости, нужды этих интеллигентов, их неудовлетворенные стремления, недостаточность ответов их науки и необходимость его вмешательства. И Брахма Самадж открыл ему значение организации, красоту духовного объединения, воспитывающего молодые души вокруг старшего брата, который подносит их вместе с собой, как корзину цветов любви, Возлюбленной Матери. Немедленным результатом было то, что его миссия, до тех дней неопределенная, стала ясной, она сосредоточилась в пылающем ядре сознательной мысли, где концентрировалось решение. Затем она перешла к действию.

Прежде всего надо ясно видеть себя и своего бога. Он понял, что этот бог, который был в нем, не удовлетворялся, как у других садхака, личным спасением. Он требовал от него любви и служения людям. Его духовная борьба, его экстазы, его познания бога ничего не давали ему самому...

Sicvos, pop vobis .

Они предназначались для подготовки путей человеческого развития, для новой эры духовного богопознания. Другие люди имеют право стремиться к освобождению и могут на него надеяться, он – нет. Он не мог на это рассчитывать. Он должен был всегда, из века в век, стремиться на помощь людям, пока они будут в опасности.

Вот тот пароль и то слово спасения, которое он должен принести людям сегодняшнего дня.

1) Все религии истинны, если они взяты в своей основе и порождены искренним чувством верующих. Открытие этой универсальной Истины, до которой Рамакришна дошел здравым смыслом и интуицией, было основной целью его появления на земле.

2) Три больших течения метафизической мысли: дуализм, монизм «измененный» (или смягченный) и монизм абсолютный – три этапа на пути, который ведет к высшей истине. Они не противоречат друг другу; они присоединяются один к другому и дополняют друг друга. Каждый – это перспектива, открывающаяся с точки зрения разума определенной группе людей. Массам людей, которые подчиняются чувствам, полезны дуалистические формы религии с обрядностями, музыкой, изображениями и символами. Чистый разум может дойти до «смягченного» монизма; он знает, что есть что то вовне; но ему не дано «почувствовать» это находящееся вовне. Иное же течение мысли – Адвайта, Абсолют, бесформенный, непередаваемый, к которому учение йогов является преддверием, переходящий границы логических средств слова и разума. Это последнее слово богопознания. Это есть тождество с единой Действительностью.

3) Этой лестнице мысли соответствует, конечно, и лестница обязанностей. Обыкновенный человек живет в обществе и должен исполнять там свои обязанности с сердечным рвением,

не оказывая себе предпочтения (или, по крайней мере, стремясь к этому), как хорошая служанка, которая заботится о доме, но хорошо знает, что дом не ее. При помощи чистоты и любви идешь к освобождению от желаний, но шаг за шагом, с терпением и скромностью... – Совершайте только поступки, находящиеся в границах ваших мыслей и целомудренных снов. Не старайтесь обольщать себя гигантскими делами, берите на себя обязанности такие же малые, как и ваша преданность богу. Затем, по мере того как будут расти ваше самоотречение и ваша чистота (а дела души растут быстро), они проложат себе дорогу через материальный мир и будут озарять своей добродетелью других людей, подобно тому как Ганга, проложившая себе русло между твердыми скалами Гималаев, орошает своей благодатью тысячи километров.

«...Итак, не спешите и идите каждый своим шагом! Будьте уверены, что достигнете цели! Не бегите! И тем более не останавливайтесь!.. „Религия – это дорога, ведущая к богу. Дорога – это не дом...“ – „А будет ли она длинной?“ – „Смотря по обстоятельствам. Она одинакова для всех. Но одни уже раньше начали свой путь, и цель приближается“...»

«Горшечник сушит свои горшки на солнце. Некоторые из них уже обожжены. Другие еще нет. Стадо проходит и топчет их ногами... (Это смерть.) Горшечник подбирает их. До тех пор пока вы не обожжены, горшечник может опять положить вас на гончарный круг и не дать вам исчезнуть. Но как только солнце божье закончило обжиг, горшечник бросает обломки, ибо в плане Майн вы больше не нужны. Все же он сохраняет некоторые из тех, обжиг которых закончен, чтобы они служили образцом для человечества».

Рамакришна – один из них. И он должен искать тех, кто находится на предпоследнем этапе, чтобы основать с ними – таково его прямое назначение и желание Матери – новый орден людей, объединившихся друг с другом и приносящих миру слово правды, которое содержит в себе все остальные слова, и слово это – «Всеобщий». Союз и единство всех проявлений бога, всех порывов любви и значения, всех видов человечности. До этого дня каждый стремился постигнуть лишь один образ Высшего Существа. Нужно постигнуть их все. Это долг настоящего, и человек, достигший этого, сливаясь воедино со всеми и каждым из живущих братьев, сливаясь с ними глазами, чувствами, разумом и сердцем, становится кормчим и проводником, в которых нуждается новый век.

* * *

Как только явилось ему это видение, он загорелся желанием воплотить его в жизнь. И как птицелов, он бросил в воздух свой призыв крылатым умам, чтобы собрать их вокруг своей голубятни. Время пришло. Он не мог больше ждать. Ему нужно было собрать вокруг себя своих птенцов. Днем и ночью им владела мысль о любимых товарищах. Он зывал в душе... «Не было границ моему жгучему желанию. Днем мне еще как то удавалось сдерживать его. Я не мог слушать то, что говорилось вокруг меня, они заполняли мой ум. Я видел их. Я заранее обдумывал, что скажу каждому из них... Но к концу дня мысль о них преследовала меня... Еще один день прошел! А их нет!.. Колокола звонили. Раковины звучали. Наступала ночь, я поднимался на крышу и с тоскою в сердце кричал: „Идите ко мне, мои мальчики! Где вы? Я не могу жить без вас...“ Больше матери, больше друга, больше возлюбленного я любил их, желал их, умирая от их отсутствия».

Этот мощный вопль души поднимался ночью, как священная змея, и очаровывал небесных птиц. Не понимая, чье веление, чья сила притягивает их, они чувствовали, что их тянет невидимая нить, и, образуя круг, приближались со всех сторон, и скоро пришли один за другим.

Первыми учениками, явившимися в 1879 году, были два двоюродных брата – интеллигентные калькуттские буржуа: один – врач Калькуттского медицинского факультета, убежденный материалист и атеист, Рамчандра Датт; другой – женатый, глава семейства, Маномохан Митра. Их внимание было привлечено несколькими строками газеты, издаваемой Брахмо, в которых упоминалось о Рамакришне. Они пришли и были пленены. Они не отказались от мирской жизни, и Рамакришна не старался оторвать их от нее, но необыкновенный человек завоевал, очаровал их своей личностью. Это они привели к нему двух его выдающихся учеников: того, кто стал первым настоятелем ордена Рамакришны под именем Брахмананды (Ракхал Чандра Гхош); и того, чей гений засиял над Индией и над всем миром под именем

Вивекананды (Нарендранатх Датта).

Прежде чем говорить особо о последователях Рамакришны, приведем здесь возможно полный перечень наиболее известных лиц, которые за время с 1879 го по 1888 год были его учениками, с указанием их происхождения и профессии.

1879 год: 1) и 2) – врач Рамчандра Датт и его двоюродный брат Маномохан Митра;

3) Лату, слуга Рамчандры, простолюдин из Бихара, известный впоследствии под монашеским именем Адбхутананды;

4) Сурендранатх Митра, богатый служащий одной английской коммерческой фирмы, домовладелец, член Брахма Самаджа.

1881 год: 5) Ракхал Чандра Гхош, сын заминдара (землевладельца), впоследствии первый настоятель ордена, носивший прозвище Брахмананда;

6) Гопал старший, бумаготорговец (впоследствии Адвайтананда);

7) Нарендранатх Датт, молодой интеллигент из касты кшатриев (впоследствии Вивекананда).

1882 год: 8) Махендранатх Гупта, директор высшей школы Vidyasagar Highschool в Шамбазаре, Калькутта, написавший впоследствии под псевдонимом M. The Gospel of Sri Ramakrishna (Евангелие Рамакришны) и, если не ошибаюсь, до сих пор заведующий большой школой, основанной им самим: The Morton Institution;

9) Таракнатх Гхошал, сын юриста, член Брахма Самаджа, теперешний настоятель ордена, носящий имя Шивананда;

10) Иогендранатх Чоудхури, брахман из Дакши нешвара, член аристократической семьи (впоследствии Иогананда).

1883 год: И) Шашибхушан (впоследствии Рама кришнананда);

12) Шаратчандра Чакраварти (впоследствии Шарадананда), бывший более четверти века секретарем Ramakrishna Mission, крупный биограф Рамакришны; как и предыдущий, он был брахманом из Калькутты и членом Брахма Самаджа;

13) Калипрасад Чандра, сын учителя английского языка (впоследствии Абхедананда);

14) Харинатх Чаттопадхьяя, брахман (впоследствии Туриянанда);

15) Харипрасанна Чаттерджи, студент (Виджня нананда).

1884 год: 16) Гангадхар Гхатак, молодой 14 летний студент (впоследствии Акхандананда);

17) Гириш Чандра Гхош, великий актер и драматург, основатель Бенгальского нового театра, директор Star Theatre в Калькутте.

1886 год: 18) Субодх Гхош, студент 17 лет, сын основателя храма Кали в Калькутте (впоследствии Субодхананда);

19) Пурначандра Гхош, один из шести ближайших учеников Рамакришны, пришедший к нему в 13 лет.

Я не смог точно установить, когда явились к Рамакришне следующие лица:

20) богатый, зрелый, очень благочестивый человек Баларам Бос, много пожертвовавший на создание ордена;

21) молодой спирит медиум Нитья Ниранджан Сен, которого Рамакришна силой оторвал от оккультных верований (впоследствии Ниранджананда);

22) Девендра Мазумдар, зрелый человек, женатый, служащий заминдара, брат бенгальского поэта Сурендранатха;

23) Бабурам Гхош, студент 20 лет (впоследствии Премананда);

24) Тулси Чаран Датт, студент 18 лет (впоследствии Нирманананда);

25) Дурга Чаран Наг, главный ученик Рамакришны, живший в миру, стал настоящим святым из «Золотой легенды»... и т. д.

Как видно, за исключением бедного слуги Лату, большинство молодых и уже зрелых учеников Рамакришны принадлежали к людям свободных профессий, к брахманской аристократии или к богатой бенгальской буржуазии; некоторые из них сформировались под влиянием Брахма Самаджа. Здесь я говорю только о тех из них, которые тесно связались с Рамакришной и стали слугами его мысли.

Толпа людей всех классов, всех каст осаждала его теперь своими вечно бурными волнами; они приходили, смешавшись вместе, – махараджи и нищие, журналисты и пандиты, артисты и святоши, брахманы, христиане и магометане, люди веры и деловые, энергичные люди, старики, женщины и дети. Они приходили часто издалека, чтобы задать ему несколько

вопросов. Рамакришне нет больше отдыха ни днем ни ночью. Он отвечал всем, двадцать часов в сутки, несмотря на то что его слабое здоровье окончательно разрушалось; он не отказывал никому, он дарил всем свое сочувствие, своеобразный свет и силы своей души, запуская когти в сердце посетителей, даже когда он молчал, и оставлявшей их надолго преображенными. Он относился с уважением ко всем искренно верующим и охотно заставлял спорить в своем присутствии людей разных религий, чтобы создать между ними гармонию. Но примирение религий было для него лишь одним из факторов великой гармонии. Он хотел бесконечно большего: он хотел, чтобы человек весь целиком понял, почувствовал и полюбил человека в целом, чтобы он слился с существом всего человечества. Так как божественное начало присуще всякому существу, всякая жизнь стала для него – должна была стать для всех – религией. И чем сильнее мы любим человека – человека самого несходного с нами, – тем ближе мы к богу. Нет необходимости искать его в храмах, призывать его для чудес и откровений. Он здесь, повсюду и ежечасно, мы видим его, касаемся его, он наш брат, наш враг, он – это мы. И так как этот Вездесущий исходил из всего существа Рамакришны, так как его солнце спокойно разливалось на эту окружавшую его толпу, толпа чувствовала себя, сама того не понимая, поднятой и воскрешенной.

Он говорил своим ученикам:

– Мы должны строить на других основах, чем созидатели религии. Мы должны жить интенсивной внутренней жизнью, чтобы она сама стала Существом. Существо даст начало неисчислимым светочам правды... Реки низвергаются оттого, что породившая их гора остается неподвижной... Воздвигнем же посередине человечества гору господню! Не важно, где и когда. Когда она будет воздвигнута, от нее потекут реки света и сочувствия на всех людей во все времена.

Итак, вопрос был не в создании, не в изложении нового верования.

«Мать! – слышал Премананда, как он молился, – не приноси мне почестей, приводя ко мне верующих! Не излагай моими устами нового верования!»

И он предостерегал своих учеников против всякого рамакришнаизма.

Прежде всего не надо преград!

«Река не нуждается в преградах! Если ее заградить, вода становится застойной и ядовитой». Нужно не запиравать, а открывать, открываться самому и открывать других, чтобы воссоздать вместе всемогущее единство. Это должно быть прямым назначением избранных учеников: их общим усилием «воссоздать Существо, которое будет питать мужчин и женщин грядущих веков».

Это активная роль, требующая больших дарований, полноценности ума и сердца. И не надо дорожить собою, надо отдать себя целиком.

Вот почему, призывая все существа без единого исключения к божественной общности, он весьма строг в выборе своих учеников: ибо они будут дорогой, по которой пройдут ноги человечества.

Он не выбирает их, – по его словам, их выбирает Мать, но Мать – не есть ли это наше глубочайшее «я», которое мы несем в себе? И это «я» приобретает у таких людей, как Рамакришна, исключительную способность сохранять на открытом просторе жизни, омываемой рекой человеческих масс, самую интенсивную сосредоточенность уединения, это «я» обладает щупальцами, безошибочно осязающими невидимое в людях. При самом поверхностном соприкосновении оно обнажает дно – силы и слабости, добродетели и пороки, скрытые даже от самого наблюдаемого, – то, что есть, то, что будет. Обыкновенные люди склонны отрицать возможность интуитивного прозрения, простирающегося из настоящего в будущее. Но это выходит за пределы законов природы не больше и не меньше, чем дрожание волшебной палочки «искателя воды» на земной коре, покрывающей водное пространство. Рамакришна был такой волшебной палочкой в руках Матери. Рассказывают об удивительных проявлениях его повышенной физической и духовной чувствительности. Подобно тому как в конце его жизни, вследствие отвращения к богатству, прикосновение к золоту вызывало у него ожог, простая близость несчастного человека вызывала у него, как утверждают, физическое страдание, точно от укуса кобры.

Он тотчас же читал в душах тех, кто к нему приближался, и принимал их в ряды своих учеников лишь после тщательного изучения.

В едва сформировавшемся юноше, затуманенном сомнениями, он открывал прямое назначение, для которого тот был создан, а иногда и великие судьбы, о которых сам этот человек подозревал менее, чем кто либо другой. Возможно, что он способствовал их зарождению, возвещая о них. Это был великий ваятель душ, под огненными пальцами которого расплавлились, подобно воску, не только мягкие и нежные Иогананда и Брахмананда, но и отлитый из бронзы Вивекананда. Любопытно то, что самые страстные независимые натуры, подобно Вивекананде, твердо решившие противостоять ему, были обречены рано или поздно подчиниться его духовному выбору. Более того, они с такой же страстью покорялись ему, с какой когда то старались сопротивляться. Он умел видеть, захватить и сохранить умы, предназначенные к служению его миссии. И кажется, что никогда его взгляд парящей птицы – Парамахансы – не ошибался.

IX УЧИТЕЛЬ И ЕГО ДЕТИ

В этой свите людей с высокой душой, которой он себя окружает, нужно различать две категории: члены особого монашеского ордена, мужчины и женщины, которые остаются в миру, служа богу, и синклит апостолов.

Поговорим сначала о первых: ибо ученики или слушатели второго или третьего круга покажут нам, насколько велика терпимость Рамакришны и насколько его религия постоянно считается как для других, так и для него самого с основными обязанностями человека.

Он не требует от праведников, чтобы они по доброй воле покинули все и следовали за ним.

Он не разрешает себе сказать тем, кто связан мирскими нитями, людям женатым, отцам семейства: «Откажитесь от всего, чтобы достигнуть спасения!»

Наоборот, он запрещает жертвовать законными правами кого бы то ни было, «потому что вы хотите стать святым, мой сын». Личное спасение – это эгоизм в слишком многих случаях. И тогда это худшая смерть души.

«...Существует долг по отношению к богам. Существует долг по отношению к родным.

Существует долг по отношению к жене. Никакая работа не может быть хорошо сделана, если ты не выполнил долг по отношению к родным... Хариш отказался от своей жены и живет здесь; но, если бы его жена не была всем удовлетворена и всем обеспечена, я считал бы его преступником... Некоторые люди беспрестанно цитируют Писание, но их поведение противоречит ему. Рамапрасид говорит, что Ману приказал служить садху. И вот его старая мать умирает с голоду и должна просить милостыню на самое необходимое!.. Это возмущает меня. Даже недостойная мать никогда не должна быть отвергнута... Никакое проявление благочестия никому не принесет пользы, если его родные тоже не удовлетворены... »

«...Брат С. пришел сюда на несколько дней. Он оставил жену и детей на попечение зятя. Я побранил его. Разве это не преступно – уходить из своего дома, когда у тебя столько малолетних детей? Разве чужие должны их кормить и возиться с ними? Это позор... Я сказал ему, чтобы он искал работы...»

«...Вы должны воспитывать ваших детей, содержать вашу жену и обеспечить ей необходимое после вашей смерти. Если вы этого не сделаете, значит, у вас нет сердца, а человек, лишенный сострадания, недостоин имени человека...»

«...Я учу людей выполнять их мирские обязанности с таким же рвением, с каким они думают о боге. Я не прошу их отказаться от всего... – Он продолжал, улыбаясь: – На днях Кешаб, читая лекцию, сказал: „О боже, даруй нам возможность погрузиться в реку благочестия и достигнуть океана Сатчитананды (вечное бытие, познание, блаженство)!..“ Женщины были здесь же, они сидели за ширмами. Я сказал Кешабу, указывая на них: „Как можете вы погрузиться все сразу? Какова тогда будет их участь?.. Поэтому выходите из воды время от времени, погружайтесь и выходите попеременно!..“ Кешаб и другие рассмеялись».

«...Ваш долг женатого человека – жить с вашей женою, как брат с сестрой, после рождения одного или двух детей и молить господу дать вам обоим силы вести безупречную жизнь в духовности и благочестии, властвуя над собой...»

«...Конечно, для того, кто уже достиг божественного блаженства, мир непереносим. Вести религиозную жизнь в миру то же, что оставаться в комнате со слабым лучом света. Те, кто привык жить на вольном воздухе, не могут больше жить в тюрьме... Но если вы в доме, у вас

есть обязанности, которые вы должны там выполнять. Учитесь, выполняя их, всегда наслаждаться этим лучом света! Не теряйте ни частички его никогда!..

Когда вы работаете, пусть одна рука держит работу, а другой касайтесь ног господина! Когда ваша работа будет закончена, возьмите эти ноги обеими руками и положите на ваше сердце!..

Что бы вы выиграли, отказавшись от мира? Семейная жизнь для вас крепость... К тому же тот, кто достиг познания, свободен повсюду. Только глупец, говорящий „я закован“, в конце концов становится закованным... Дух – это все. Если он свободен, то вы свободны... В миру или в лесу, я не связан. Я сын бога, царя царей. Кто же наложит на меня цепи?..»

Он предлагает всем средства освободиться, напиться из внутреннего источника, участвовать в радости всеобщего бытия, – которое заключено в каждом и которое является богом, – не идя против самой Природы, не уродуя, не насилуя ее и в особенности не причиняя вреда даже одному волосу тех, кто от них зависит. Далекий от того, чтобы запрещать законные привязанности, он пользуется ими, чтобы просветить людей. Они являются тем спокойным каналом с прекрасными отблесками, который приводит чистых и простодушных к богу. Вот прекрасный пример.

Дочь одного из его учеников (брахмасамаджиста Манилала Малика) была рассеянна. Она с горечью говорила Рамакришне, что ей не удастся сосредоточиться во время молитвы.

Рамакришна спросил ее:

– Что вы любите больше всего в жизни? Она ответила:

– Маленького ребенка моего брата.

– Хорошо, – сказал ей любящий учитель, – сосредоточьтесь на нем ваши мысли!

Она так и сделала, и увидела образ маленького мальчика, дитя Кришну...

Как дорог мне этот цветок нежности, какой в этом глубокий смысл! В каждом из нас, если даже его сердце наполнено тьмой, есть божественная искра, которая проявляется в самом скромном порыве истинной любви. Нет человека, совершенно лишённого хоть маленького светильника; его света достаточно, чтобы озарить путь. Все дороги хороши, даже плохие, и все личные судьбы хороши, если каждый будет следовать своей с настоящей искренностью. Остальное – от бога. Имейте доверие и идите вперед!

Насколько материнский глаз Рамакришны, как и глаз самой Матери, умел со снисходительностью проникнуть, понять и направить смятенные сердца самых потерянных из его детей, показывает достойная францисканской легенды история его отношений с актером Гириш Чандрой Гхошем.

Великий актер и драматург был пьяницей и гулякой, восставшим против бога, несмотря на то что из под его гениального пера временами выходили прекрасные религиозные произведения. Но в его глазах это была лишь игра.

Он не видел того, что с первого взгляда постиг Рамакришна, – что он сам был игроком бога.

Он услышал о Парамахансе. Ему хотелось посмотреть на него, как на какогонибудь диковинного зверя на ярмарке. Он был пьян: при первой встрече он оскорбил его.

Рамакришна спокойно и насмешливо сказал ему:

– По крайней мере пейте во славу бога! Может быть, он тоже пьет...

Пьяница, разинув рот, воскликнул:

– Откуда вы это знаете?

– Если бы он не пил, как бы он мог создать этот сумбурный мир?

Гириш был потрясен. Когда он ушел, Рамакришна тихо сказал своим изумленным ученикам:

– Он очень благочестив к господину.

По просьбе Гириша он пошел посмотреть на его игру в театре в Калькутте. Гириш был тщеславен и добивался похвалы. Рамакришна сказал ему:

– Мой сын, ваша болезнь – горбатая душа.

Взбешенный Гириш осыпал его бранью. Рамакришна благословил его и ушел. На следующий день Гириш стал умолять о прощении. Он привязался к Рамакришне, но никак не мог отказаться от пьянства. Рамакришна никогда этого и не требовал. Именно поэтому Гириш сам отказался от вина. Рамакришна внушил ему чувство свободы.

Но этого было недостаточно. Рамакришна говорил ему, что не делать зла – слишком отрицательная добродетель. Нужно приблизиться к богу. А Гириш на это не способен.

Никогда он не мог подчиниться никакой дисциплине. В отчаянии он сказал, что предпочитает

самоубийство размышлениям и молитве...

– Я не прошу у вас многого, – сказал Рамакришна. – Одну молитву перед едой. Одну молитву перед сном. Неужели вы и этого не можете?

– Нет. Я ненавижу рутину. Я не могу молиться, погружаться в раздумье. Я не могу думать о боге даже минуту!

– Хорошо, – сказал Рамакришна. – Если вы хотите видеть господа и если вы, однако, не желаете сделать ни одного шага к нему, то не хотите ли вы доверить это мне? Я буду молиться за вас. Продолжайте вашу жизнь!.. Но внимание! Обещайте мне жить впредь совершенно во власти божьей...

Гириш согласился, не предусмотрев всех последствий. Это означало жить без единого личного желания, во власти внутренних сил, подобно листу, колеблемому ветром, или же котенку, которого мать с таким же успехом может отнести на ложе короля, как и в ящик с нечистотами. Он должен был принять все и ни о чем не спрашивать. Это было нелегко. Гириш старался честно держать свое слово. Но однажды он сказал:

– Да, я хочу сделать это.

– Что вы сказали! – воскликнул строго Рамакришна. – У вас больше нет воли, чтобы сделать или не сделать. вспомните, вы все доверили мне. Вы поступаете согласно тому, что хочет в вас господь. Я молюсь за вас; но мои молитвы ни к чему не приведут, если вы не откажетесь от всякой инициативы.

Гириш покорился.

И результатом этой дисциплины было то, что через некоторое время он осуществил отречение от своего «я» и был принят богом.

Он не отказался, однако, от своей профессии драматурга и актера, и Рамакришна и не желал этого. Но он ее очистил. Он был первым, кто ввел женщин на бенгальскую сцену. И теперь он спасал от нищеты многих несчастных девушек и поднимал их; впоследствии он направлял их в монастырь Рамакришны. Он стал одним из наиболее верующих последователей учителя и самым замечательным его учеником в мире. Несмотря на его откровенность и едкий юмор, он пользовался уважением и почетом среди учеников, живших в обители, и после того, как их учитель умер.

Умирая, он сказал:

– Безумное стремление к материальному – устрашающая завеса. Убери ее с моих глаз, Рамакришна!!

Так умеет Рамакришна среди проходящих избирать того или тех, кого его религиозное чувство – это шестое чувство, являющееся у него всегда первым, – открывает ему как предназначенных к божественному севу. Тех, в ком дремлет бог. Ему достаточно одного взгляда, одного жеста, чтобы разбудить его. Почти все его ученики открывают ему, даже помимо их желания, при первой же встрече, трепет своего «я». Он проникает в них до конца. Остальным людям предоставляется самим искать собственное спасение. Истинные ученики должны руководить ими, они несут ответственность за их души. Вот почему они, как я уже говорил, подлежат испытанию физическому и моральному; и после их принятия за ними устанавливается хотя и отеческий, но всегда бдительный надзор.

Он выбирает предпочтительно юных, иногда очень юных, чуть ли не подростков, неженатых, «еще не захваченных в сети желаний, не посаженных в клетку богатства, свободных от привязанностей...» Если кто либо из них женат, как Брахмананда, он изучает его жену, он удостоверяется, что она не будет мешать молодому супругу в его назначении, что она будет ему помощницей. Вообще учениками этого человека, лишенного образования, были образованные юноши, знающие по крайней мере один иностранный язык, владеющие санскритским. Но это не является необходимым. Пример Лату знаменателен (хотя можно сказать, что это единственное исключение подтверждает правило). Этот смиренный слуга, чужой в Бенгалии, невежественный крестьянин из Бихара, которого один взгляд Рамакришны пробудил к вечной жизни, был одарен, не зная этого, подобно учителю, особым талантом сердечного чувства...

– Многие из вас, чтобы прийти к богу, – говорил своим ученикам Рамакришна, – должны были пересечь нечистые воды знания... но Лату перескочил их, подобно Хануману...

Чему учил он их? Вивекананда хорошо отметил. оригинальность его метода, в особенности

для того времени и для Индии (впоследствии некоторые из его приемов, продиктованные инстинктом, были переняты и рационализированы «новыми школами» в Европе). Слово учителя до сих пор в Индии было законом. Гуру пользовался у челя (ученика) большим почтением, чем даже родители. Рамакришна ничего этого не хочет. Он ставит себя на равную ногу со своими молодыми учениками. Он их товарищ, их брат; они беседуют запросто. Нет никакого превосходства! Советы, которые он им дает, не идут от него. Мать говорит его устами... «При чем же я тут?..» Итак, не является ли слово просто придатком? Оно – не поучение. Настоящее поучение не в том, чтобы внедрить, а только «передать»... Что? Свое существо? Даже не то (или гораздо больше!)... Существо... Скажем: это состояние внутреннего изобилия, очищенного богатства жизненной силы, называемого духовностью И ее передают, «как дарят цветок». Так хороший садовник одаривает нерасцветшие бутоны, вверенные его попечению, только солнцем и, питательной тенью, чтобы они расцвели и распространили свой духовный аромат. Ничего иного. Остальное придет само собой. «Когда лотос распускается, пчелы прилетают, чтобы брать из него мед. Пусть же лотос души расцветает так же естественно!»

Исходя из этого, учитель должен остерегаться помешать этому развитию, ставя себя между солнцем и человеческими ростками. Уважение, любовь к личности другого, страх поработить ее идут у Рамакришны так далеко, что он словно боится быть слишком любимым. Он не хочет, чтобы чувство его учеников к нему сковывало их...

– Пусть пчелы расхищают твое сердце, но берегись сделать хоть одну пленницей красоты твоей души!

Тем более нет вопроса о том, чтобы внушить им свои мысли. Нет установленного credo! Я уже цитировал слова: «Мать! Не излагай моими устами новых верований!»

А тем более ритуалов!

«Бога можно постигнуть не сетью обрядов», а лишь вашей любовью и искренностью.

Не надо праздных дискуссий о метафизике и теологии!

– Я не люблю дискуссий. Бог вне рассуждений. Я вижу, что все существующее есть бог. Тогда зачем рассуждать? Войдите в сад, отведайте священных плодов мангового дерева и уходите! Вы вошли не для того, чтобы сосчитать листья на манговом дереве. Зачем же растрчивать свое время на споры о перевоплощении или изображении бога? Мне совсем не важно, верен ли счет или нет!..

Что же действительно важно? Испытание самого себя. Прежде испытать себя, а потом уже верить в бога. Вера не должна предшествовать, а должна следовать за религиозным испытанием. Если она приходит раньше, она лишена постоянства.

Все же Рамакришна своей верой предрешает, что бог – во всем, что он – все, и, следовательно, тот, кто открывает глаза и смотрит вокруг себя, должен неизбежно встретить его. Это является у него столь глубоким и постоянным ощущением, что он не испытывает никакой потребности его доказывать. Он не думает навязывать его. Он слишком уверен, что каждое здоровое, искреннее существо само дойдет до этого, и только само. Итак, у него нет другой заботы, как сделать своих учеников людьми искренними и здоровыми.

Но что сказать о моральном воздействии этого существа, всецело проникнутого богом?

Слишком очевидно, что его спокойное и постоянное прозрение, слитое с его плотью, как запах ели – с осенним медом, просачивается на языки изголодавшейся молодежи, которая упивается его жестами, его движениями. Он и не подозревает этого. Он оставляет их свободными, как он думает. Он полагает, что бог просто распространяет через него свой запах, как тимьян, по которому пробегает ветер. Тимьян не старается убедить вас. Вдыхайте его аромат полной грудью.

В этом – вся основа учения Рамакришны. Прежде всего имейте и сохраняйте тело, чувство, разум цельными и чистыми, без пятна, без царапины, – все существо молодым, как Адам.

Первое правило этого – воздержание.

Это правило, которое наши западные антиклерикалы делают в простодушном неведении монополией Римской церкви и против которого они неустанно собирают и пускают все те же тупые стрелы, так же старо, как мир, – хотя, если бы оно применялось всем миром, он бы, очевидно, не состарился. Все великие мистики и большая часть крупных идеалистов, самые гениальные созидательные умы постигли ясным сознанием или инстинктом огромную силу

духовной сосредоточенности и накопления созидательной энергии, возникающего благодаря воздержанию от органических и психических затрат, вызываемых половым чувством. Даже такие неверующие люди, предоставленные случайностям ощущений и вспышкам желаний, как Бетховен, Бальзак или Флобер, чувствовали и говорили это...

– А что же мне останется для лучшего (для бога, для животворящего искусства)? – восклицал однажды Бетховен, оттолкнув призыв телесной страсти. Еще с большим основанием люди, преисполненные страстью к богу, не могут допустить дележа! Они хорошо знают, что бог откажется посещать их в доме, заполненном и загрязненном желаниями (потому что не только самое действие является предосудительным, но – еще более! – мысль: половое воздержание ни к чему не приведет, если похоть укрепится в тайниках сердца, это будет бессилием – то есть еще одним поражением, – а не освобождением). Это правило непреложно для каждого индуистского саньясина, и такие несходные между собой духовные наставники, как нежный, ясный, женственный Рамакришна и факел страстей, колеблемый всеми ветрами, – мужественный, пылкий, неистовый Вивекананда, не разрешали здесь никаких компромиссов.

– Чтобы постигнуть бога, нужно осуществлять полное воздержание... Если человек будет совершенно воздержан в течение двенадцати лет, он приобретет сверхчеловеческое могущество. Новый нерв разовьется в нем, называемый «нервом ума». Он сумеет вспоминать все и знать все... Отказ от Камини Канчана (женщины и золота) – самое существенное... Бедность. Целомудрие. Мистическое супружество святого Франциска. Не нужно указаний церквей и священных книг, чтобы родственные умы Востока и Запада пришли к тем же выводам, к тем же результатам. Вообще же человек, посвятивший себя своему внутреннему миру (как бы ни назывался он – Христом, Шивой, или Кришной, или же чистой идеей мыслителя или художника), «должен иметь абсолютную власть над своими чувствами». И этого еще недостаточно. Для тех – а их большинство, – кто должен соприкоснуться с миром и работать в нем, необходимо, чтобы их «власть» распространялась также и на предмет их работы, и на интеллектуальные страсти, являющиеся содержанием ее. Они должны остерегаться стать рабами той деятельности, которой они себя посвятили, как бы возвышенна она ни была.

«Вы не можете обойтись без работы, ибо природа (Пракрити) толкает вас к ней. Это значит, что всякая работа должна быть сделана так, как нужно. Если она будет сделана „без привязанности“, она приведет к богу. Работа, сделанная так, есть средство дойти до цели, и цель эта – бог».

«Без привязанности не значит без добросовестности, без усердия, без любви к хорошей работе. Но без заинтересованности».

«Работать без привязанности – значит работать, не ожидая никакой награды, не боясь никакого наказания в этом мире и в будущем...»

И Рамакришна слишком человечен, чтобы не знать, что такой идеал может быть весьма редко достигнут из-за слабости людской.

«Работать без привязанности весьма трудно, в особенности в наше время. Это выполнимо только для избранных...»

Но долг каждого – по крайней мере стремиться к этому отрешению ревностной молитвой и настоящим милосердием.

Остановимся здесь: слово заставляет задуматься. Почти как общее правило, милосердие и филантропия сделались синонимами. Что же касается последней, Рамакришна проявляет к ней особое недоверие, которое не может поразить наших западных сатириков, наших Диккенсов, Мирбо, вскрывающих со смехом или суровостью лицемерие некоторых «благодеев», но которое может опечалить или задеть многих хороших людей. Несколько раз Рамакришна предостерегал своих учеников от тщеславной филантропии. Его интуиция скрытых движений души слишком часто позволяла ему угадывать в активности и в проявлениях милосердия эгоизм, тщеславие, жажду славы или ту бесплодную суетливость, стремящуюся без истинной любви заполнить жизненную скуку, которая, бросая беднякам грош, делает это, чтобы скорее освободиться от неприятной картины, а не чтобы помочь несчастным. Доброму Маллику, предлагающему основать больницы и благотворительные учреждения, он сказал:

– Да, но с условием, чтобы вы были «отрешены» (то есть совершенно бескорыстны), делая добро.

Мы видим, как он почти вспылал в беседе со светскими людьми, с Банкимчандрой Чатерджи, романистом, или с редактором одной газеты («Hindu Patriot»), которые, не придавая никакого значения глубине души и намерениям и ценя только действия, были по горло заняты общественными делами: дорогами, общественными работами и т. д. Он не допускает, чтобы истинное благо, благо длительное, способно было исходить из порочной души. Пусть прежде всего они очистятся от эгоизма. Потом только они сумеют работать с пользой для мира. Чтобы ответить на мои вопросы и осветить это отношение Рамакришны, самым авторитетным из находящихся в живых учеников или же представляющим его учение – Свами Шивананде и Свами Ашоканан де – пришлось приложить много усилий; и, несмотря на наличие нескольких случайных поступков, свидетельствующих об активной благотворительности Рамакришны (я выше указал их), они не сумели мне доказать, что эта благотворительность делом занимает значительное место в учении Рамакришны. Это было бы важно с точки зрения людей Запада – я говорю о самых честных из них, – ставящих дело выше намерения и благо других выше личного спасения; это было бы важно, если бы мы не помнили, во первых, о том, что Рамакришна отвергает, считая эгоизмом, как личное спасение, так и филантропию вне бескорыстной любви, во вторых, что его назначение – именно зажечь в сердцах истинное милосердие.

«Какая разница между милосердием и самолюбием? Милосердие – это любовь, которая распространяется на всех и которая не ограничивается собой, своей семьей, своей сектой, своей страной. Самолюбие – это привязанность к самому себе, к своей семье, к своей секте, к своей стране. Углубляйте возвышающее нас милосердие, которое приводит к богу».

Истинное милосердие – это для Рамакришны любовь к богу во всех людях, ибо бог воплощен в человеке.

Нельзя по настоящему любить человека и, следовательно, полностью прийти ему на помощь, если не любишь в нем бога. И наоборот, нельзя хорошо познать бога, пока не увидишь его в каждом человеке.

Вот почему настоятель ордена Шивананда, представляющий в настоящее время истинную сущность учения Рамакришны, написал мне следующие строки, духовный смысл которых покажется знакомым читателям Паскаля:

«Вы, вероятно, постигаете разницу между реализацией божества в человеке и сознанием всеобщего страдания в качестве мотива служения людям. Мне кажется, что это не различные состояния духа, это два вида того же состояния; только воспринимая божество нераздельно от человека, мы сможем по настоящему охватить глубину человеческого страдания, ибо только тогда состояние духовного порабощения человека, лишение его совершенства и божественного блаженства становится для нашего сознания почти осязаемой очевидностью. Мучительное чувство контраста между божественным в человеке и присущим ему неведением, вместе с вытекающим отсюда страданием, – вот что побуждает сердце служить человеку. Без этой реализации божественного духа, который есть в себе и в других, истинная симпатия, истинная любовь и истинное служение невозможны. Вот почему Шри Рамакришна хотел, чтобы его ученики достигли реализации своего „я“, прежде чем отдаться с пользой служению человечеству».

Но в ожидании этого человечество страдает, человечество умирает, покинутое. Оставит ли он его без помощи? Нет. Ибо то, чего Рамакришна не делает, не может сделать сам, ограниченный рамками своей кармы и горизонтом своей жизни (жизни, которая готова уже угаснуть), он завещает исполнить своему величайшему ученику, наследнику своего слова – Вивекананде, тому, который в одном видении (я еще буду говорить о нем) предстает ему как божественная эманация, более высокая, чем его собственная, и призвать которого к людям для их же спасения он считает своей личной миссией. На него он возложит, почти что помимо его желания, обязанность действовать в мире и «облегчить страдания смиренных и бедных». И Вивекананда внесет в это свою действенную энергию и всепожирающую страсть. Конечно, его натура, совершенно иная, чем у учителя, не могла бы ждать ни одного дня, ни одного часа в своем стремлении прийти на помощь несчастным. Он страдает за них своей собственной плотью. Они преследуют его, они исторгают у него крики отчаяния. Он не обладает

необычайной ясностью духа, которая осеняет в последние годы дух Рамакришны – этот бесплотный дух, проникший в страшную область по ту сторону добра и зла.

«Абсолют не связан ни с добром, ни со злом. Он таков, как свет лампы. Вы можете благодаря ему читать Священное Писание, но можете также при этом же свете подделывать подписи... Каков бы ни был грех, зло или страдание, которые мы находим в мире, они являются страданием, злом и грехом только по отношению к нам. Абсолют ими не затронут. Он над ними и вне их. Его солнце одинаково сияет над Злом и над Добром.... Я боюсь, что вы должны принять события, совершающиеся во Вселенной, такими, как они есть. Человеку не дано познать с ясностью пути господни Я вижу, я постигаю, что все три – жертва, плаха и приносящий жертву – та же субстанция. О, какое видение...»

Да, это видение полно трагического величия и подобно океану. Хорошо было бы, чтобы каждая мужественная душа от времени до времени в него погружалась. Хорошо, что в глубине сердца, полного нежности, Рамакришна хранит его царственный шум и соленое дыхание. Но оно не создано для обыкновенных смертных. Оно может их свести с ума или заставить похолодеть от ужаса. В своей слабости они не способны осуществить синтез абсолюта со своим «его»; чтобы не подкосить в них жизненного порыва, нужно сохранить им «палочку его», брошенную в океан Сатчидананды (Бытие, Познание, Блаженство). Это только «черта, проведенная по воде». Но «если вы ее уничтожите, останется только единый нераздельный океан». Сохраните ее, чтобы защитить себя от головокружения! Сам бог разрешил эту видимость, чтобы укрепить нетвердые шаги своих детей. Они все таки будут с ним.

Тем, кто спрашивает в тоске Рамакришну:

– Господин, вы говорите нам о том, кто осуществляет единство «Я – это он...». Но те, кому это не дано, те, кто говорит: «Ты – не я, и я ищу тебя...» Что случается с ними?

Он отвечает со своей успокаивающей улыбкой:

– Нет никакой разницы, если вы называете его «Ты» или думаете: «Я – это он». Люди, которые постигают его, говоря «Ты», поддерживают с ним наилучшие отношения. Так же, как старый преданный слуга и его хозяин. По мере того как они оба старятся, хозяин опирается на него. Он советуется с ним обо всех своих делах. Однажды он берет его за руку и сажает на свой трон. Сконфуженный слуга говорит ему: «Что вы делаете, господин?..» Но хозяин удерживает его на троне возле себя и говорит ему: «Вы такой же, как и Я, мой горячо любимый!..»

Рамакришна всегда умеет приспособить свою мысль к пониманию каждого из своих учеников; и, весьма далекий от разрушения хрупкого равновесия человеческого духа, он заботится об его укреплении, осторожно соблюдая различные соотношения его составных элементов у каждого. Мы увидим, как он меняет свои приемы в зависимости от темперамента каждого настолько, что иногда кажется, что он высказывает противоречивые положения. Ангельскому Джогананде, грешащему слишком большой мягкостью, он рекомендует энергию:

«Благочестивый не должен быть дураком».

Он бранит его за неумение защищать себя в жизни. Неистовому Вивекананде, всегда готовому идти против неприятеля и уничтожить обидчика, Рамакришна предписывает забвение обид и кротость. У учеников «героического типа» он допускает некоторые слабости, которых не разрешает слабым, ибо первые не могут быть задеты ими надолго. С безошибочным тактом он всегда умеет рассчитать силы противодействия каждого существа. Можно было бы думать, что человек, живущий в постоянном контакте с Абсолютом, вне норм, регулирующих течение обычной жизни, не способен охватить тысячи оттенков повседневных поступков и направлять их. У Рамакришны как раз наоборот. Освободившись от цепей Видимости, он стремится прежде всего снять с себя шоры всех предрассудков, всякого фанатизма, всякой узости сердца и ума, и, не встречая больше помех свободному и открытому взгляду, он судит обо всем и обо всех с добродушным здравым смыслом. Удивление вызывают его сократовские беседы. В них он моментами ближе к Монтеню и Эразму, чем к Галилеяину. Их ироническая проникновенность, их веселый юмор производят освежающее впечатление. Тем более ценны они в этой жгучей Бенгалии, для этих юных, всегда возбужденных умов. Я приведу два чудесных примера, две притчи – о Слоне и о Змее. В одной Рамакришна с очаровательной иронией предостерегает своих учеников от двух

противоположных крайностей – от насилия и от абсолютного непротivления. В другой же он как бы иронизирует сам над собой. Он постиг опасности аморализма и индифферентизма в поступках, могущих вызвать в этих молодых возбужденных умах внезапный ослепительный удар познания вездесущего бога; он насмешливо измеряет степень его присутствия в нас и вокруг нас, иерархию его форм и проявлений.

СЛОН

В одном лесу жил отшельник, у которого было много учеников. Однажды он поучал их, говоря: «Бог – во всех вещах, и потому мы должны с обожанием склонять голову перед всеми предметами мира». Случилось, что один из его учеников пошел за дровами для жертвенного огня. Вдруг он услышал крик: «Посторонитесь! Посторонитесь! Вот приближается бешеный слон!» Все тотчас же убежали, кроме него. Он рассуждал так: «Слон – это бог в одном из его видов, зачем же я стану спасаться?» И он остался там, где был, поклонился слону, как богу, и начал петь ему хвалу. Вожак надрывался: «Спасайся же! Спасайся!» Но ученик не хотел двинуться ни на один шаг. Слон схватил его хоботом и далеко отбросил. Несчастный юноша, совершенно оглушенный, помятый, окровавленный, остался недвижим... Учитель узнал об этом. Он прибежал вместе с другими. Они отнесли его в дом и ходили за ним. Когда он пришел в себя, они спросили его: «Почему же ты не посторонился, когда услышал крики вожака?» Юноша ответил: «Учитель учил нас, что бог открывается в каждой его твари. Я считал слона богом и не хотел двинуться с места». Тогда его гуру сказал: «Мой сын, конечно, верно, что этот приближающийся слон был богом. Но разве бог вожак не предупреждал тебя, уговаривая стать в сторону? Правда, что бог проявляется во всем. Но, если он проявился в слоне, почему же не проявился он так же или в большей степени в вожаке? Скажи же мне, почему ты не послушался предостерегающего тебя голоса?»
А вот лукавая беседа учителя с молодым Вивеканандой.

ЗМЕЯ

Учитель (улыбаясь). Что ты об этом думаешь, Нарендра? Люди, живущие в миру, часто судят строго о тех, кто посвящает себя богу. Когда слон идет своей дорогой, множество собак и других животных всегда бегут за ним, визжа и лая. Но он прикидывается, что не слышит их, и продолжает свой путь. Предположи, мой мальчик, что люди говорят о тебе дурно за твоей спиной. Что ты сделаешь?

Нарендра (с презрением). Я сочту их уличными собаками, лающими на меня!

Учитель (смеясь). Нет, мое дитя, никогда не следует заходить так далеко. Знай, что бог живет во всех вещах, одушевленных и неодушевленных. Значит, все должно быть предметом нашего внимания. В наших сношениях с людьми все, что мы можем сделать, – это стараться бывать в обществе хороших и избегать общества злых. Правда, что бог даже в тигре. Но из этого не следует, что мы должны броситься к нему на шею и прижать его к сердцу.

(Ученики смеются.)

Нарендра. Не оставаться же спокойным, если мерзавцы оскорбляют нас?

Учитель... На одном поле, где маленькие пастухи стерегли скот, жила страшная ядовитая змея. Однажды святой отшельник проходил мимо. Дети подбежали к нему и закричали: «Святой отец, не проходи здесь, берегись змеи!» «Дети мои, – сказал святой старец, – я не боюсь вашей змеи. Я знаю такие молитвы, которые защищают от всякого зла». Говоря это, он продолжал свой путь... Змея видит его и приближается, поднимая голову. Святой отец шепчет заклинания, и змея падает к его ногам, бессильная, как земляной червь. «Почему же ты так живешь, причиняя зло другим? – сказал святой отец. – Я тебе назову священное имя (господа), и ты будешь повторять его и научишься любить бога; в конце концов ты увидишь его, и желание делать зло покинет тебя». Он шепчет на ухо змее священное имя. Змея склоняет голову и говорит: «О учитель, что я должна сделать, чтобы достигнуть спасения?» «Повторяй священное имя, – сказал святой отец, – и не делай зла ни одному живому существу. Я приду посмотреть, как ты ведешь себя». И, сказав это, святой отец удаляется...
Прошли дни. Маленькие пастухи заметили, что змея перестала жалить. Они бросали в нее камни. Один из мальчишек схватил змею за хвост и стал вертеть ее над головой, потом

несколько раз ударил ее о камни. Змея потеряла много крови, ее оставили, думая, что она мертва. Ночью она пришла в себя, тихо тихо притащилась к своей норе; все тело у нее было разбито. Через несколько дней она превратилась в скелет. Боясь детей, она выходила только ночью. После посещения ее брахманом она перестала причинять зло божьим тварям. Она старалась жить кое как, питаясь листьями и разными сухими травами.

Святой отец возвратился. Он смотрел во все стороны и искал змею. Дети сказали ему, что ее больше нет в живых. Брахман удивился: он знал, что имя господне, повторяемое змеей, имело духовную силу сделать смерть невозможной до разрешения проблемы жизни, то есть до лицезрения бога. Он принялся за поиски и несколько раз позвал змею по имени. Змея вышла из своей норы и склонилась перед своим наставником. Завязался диалог.

Святой отец. Ну! Как живешь?

Змея. О учитель! Благодарю вас. Милостью божьей живу очень хорошо.

Святой отец. Почему же от тебя остались только кожа да кости? Что случилось?

Змея. О учитель, слушаясь вашего приказания, я старалась не причинять вреда никакой твари. Я питалась листьями и прочими травами. Поэтому возможно, что я исхудала.

Святой отец. Боюсь, что не только пища привела тебя в такое состояние. Есть что то еще. Ну ка расскажи мне!

Змея. А!.. Возможно... Да, конечно... Я знаю, в чем дело. Однажды маленькие пастухи обошлись со мною весьма жестоко, они меня взяли за хвост и несколько раз ударили о камни. Бедные! Они не представляли себе, какая во мне произошла перемена. Как могли они знать, что я никого не укушу!

Святой отец. Какие глупости! Какие глупости! Нужно быть идиотом, чтобы не знать, как помешать своим врагам так обращаться с собою. Я запретил тебе только кусать какую либо тварь. Но почему же ты не зашипела на тех, кто хотел убить тебя, чтобы испугать их?..

И Рамакришна, глядя на своих учеников смеющимися глазами, закончил:

– Итак, выпускайте жало... Но не кусайтесь!.. Человек, живущий в обществе, и в особенности гражданин, отец семейства, должен делать вид, что сопротивляется злу для своей защиты, но в то же время он должен быть осторожен, чтобы не платить злом за зло...

Я не отвечаю за превосходство жизненного и морального рецепта, весьма близкого к «*Si vis pacem, para bellum*», в западню которого мы, увы, попадались. Но я удерживаю в памяти только лукавую улыбку умелого рассказчика, напоминающего мне Ла фонтена. И в самом деле, нужно думать, что метод Рамакришны в барке действия, качающейся в опасности с борта на борт под напором двух противоположных ветров, восстановит под мощным давлением здравого смысла равновесие между двумя крайностями.

Совершенно ясно, что он сам осуществляет в жизни и проповедует Ах им су («несовершенство зла»), так же как и Ганди. Он ясно выражает это много раз по отношению не только к человеку, но и к каждому живому существу.

Но, отличаясь большим юмором и большей душевной тонкостью, чем Ганди, он вовсе не стремится указать единое правило, и, охватывая одним взглядом за и против, он – страстный поклонник Абсолюта – чутко ощущает в этом мире Майи золотую середину. И, как Мать, бросая, подобно бумажному змею, души в пучину неба, он возвращает их на землю, потягивая веревку здравого смысла. Час еще не настал для них, чтобы улететь...

Они должны остаться в миру, чтобы поучать его. И прежде всего нужно, чтобы они учили самих себя. Они должны точно разобраться в своей собственной природе, в существах, окружающих их, в божественной сущности, пронизывающей всех. Большинство достигнет этого только длительной работой, последовательной и непрерывной. Эта работа должна производиться ими самими, их же собственными средствами, конечно, при отеческой помощи гуру; но ни в коем случае воля гуру не должна подменить их волю; он тут для того, чтобы направлять их. Лишь в исключительных случаях он соглашается вмешаться. и влиять на их волю в первом периоде, когда они должны быть сами мастерами своего развития. Он только питает их своим внутренним огнем, удесятерять их энергию. Вообще же только на последней стадии их развития, когда они честно завоевали самостоятельными усилиями свое счастье, достигнув стоянки, ожидающей их на верху горы, учитель соглашается дать им последний толчок, ведущий к озарению. Тогда достаточно немногого – одного слова, взгляда, прикосновения. Это подобно молнии Благодати. Она всегда падает на подготовленные души,

на вершины, уже достигнутые. Это – не открытие нового знания Но все, что было уже познано, все медленно приобретенное ведение становится осязаемой жизнью и живой действительностью.

– Итак, вы убеждены, что все вещи живут, как и вы, в божестве. Вы становитесь will power (волей к власти) и сознанием всего, что есть. Ваша воля становится волей всей Вселенной...

Это еще не последняя стадия, ибо вне этого временного откровения есть еще высшее познание, абсолютное Тожество, достигаемое в Нирвикальпа самадхи (наивысшем экстазе). Но оно предназначено только для людей, исполнивших свое назначение в жизни. Это наивысшее запретное наслаждение – ибо после него не возвращаются те, кто не обладает исключительными свойствами, выпавшими на долю Рамакришны. Несмотря на просьбы учеников, он отказывался дать им возможность испытать его: они еще не имеют на это права. Он слишком хорошо знает, что эти «соляные куклы», едва прикоснувшись к первым волнам океана, растаяли бы. Тому, кто хочет достигнуть тождества с Единственной действительностью, необходимо чудо, чтобы получить обратный билет.

Ученики должны оставаться здесь, внизу, на предпоследней остановке, которая является состоянием единения со всеми живыми существами, со всею реальностью, и это в настоящем смысле Озарение. Мы все можем к нему стремиться и вести к нему других. Мы должны это делать...

А что иное мы делаем, мы, свободные умы Запада, постигшие разумом или любовью единство живых существ? Не является ли это постоянной целью наших усилий, страстью, согревающей нас, нашей глубокой верой, дающей нам жизнь и носящей нас по окровавленным волнам людской ненависти, не смачивая даже подошвы наших ног? Не в этом ли наше стремление, которое рано или поздно осуществится, объединит нации, расы, религии? И не являемся ли мы в этом, не ведая того, учениками Рамакришны?

Х

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК НАРЕНДРА

Среди его индуистских учеников, которые все впоследствии отличались и верой, и делами, особенно выделялся один, к которому и Рамакришна относился особенно: с первого взгляда он избрал его еще тогда, когда юноша не ведал, что он должен стать духовным вождем человечества – Нарендранатх Датт, – Ви векананда.

Парамаханса – с его гениальной интуицией, угадывавшей по одному биению сердца, как развернется весь будущий путь его учеников, – предполагал, что еще до встречи со своим великим учеником в жизни он столкнулся с ним в чреве судеб.

Запишу здесь его прекрасные видения. Я мог бы так же, как наши психологи, попытаться объяснить их обычными способами. Но зачем это? Да, мы знаем, что яркое видение, являясь, творит и рождает то, что оно изображает. В более глубоком смысле, пророки будущего были истинными творцами того, чего еще не было, что не решалось еще осуществиться. Поток – гениальная судьба Вивекананды – потерялся бы в недрах земли, если бы взгляд Рамакришны не рассек одним ударом топора скалу, сковавшую его, и не дал возможности течению вырваться через брешь его души.

«Однажды я почувствовал, как мой дух улетал в высоты самадхи по дороге света. Вскоре он миновал страну звезд и вошел в неосязаемую область идей. Поднимаясь все выше, я видел с двух сторон дороги образы богов и богинь. Дух достиг внешних границ этой области, светозарного барьера, отделявшего сферу относительного существования от сферы Абсолютного. Дух прошел этот барьер. Он вошел в царство трансцендентального, где не видно было ни одного существа во плоти. Даже боги не осмеливались бросить туда взгляд. Они довольствовались пребыванием далеко внизу. Но через минуту я нашел здесь семь почитаемых мудрецов, находившихся в самадхи. Я подумал, что эти мудрецы превзошли в знании, святости, отрешении от мира и любви не только людей, но и богов. Преисполненный восхищения, я был поглощен их величием и вдруг увидел, как частица этой однородной светозарной области уплотнилась, приняла форму ребенка. Дитя приблизилось к одному из мудрецов, нежно обвило его шею своими маленькими ручками и, обращаясь к нему ангельским голосом, старалось вернуть его дух с высот самадхи. Это магическое

прикосновение вывело мудреца из его надсознательного состояния, он остановил свои полуоткрытые глаза на чудесном ребенке. Восхищенное выражение его лица указывало, что дитя было сокровищем его сердца. Странное дитя радостно сказала ему: „Я спускаюсь; ты должен тоже спуститься со мной“. Мудрец молчал, но его взгляд, полный нежности, говорил о согласии. В то время как он созерцал ребенка, он вновь впал в самадхи. Я с удивлением увидел, как часть его тела и его духа спустилась на землю в виде снопа сверкающего света. Не успел я взглянуть на Нарендру, как я узнал в нем мудреца...»

Духовидец не сказал, кем было это дитя. Но мы догадываемся (он признался своим ученикам), что дитя – это был он сам. Он остался действительно всю свою жизнь бамбино, младенцем, губы которого сосут грудь Матери, который на мгновение отделяется от рук богородицы для того только, чтобы выполнить свое назначение. А это назначение, по его мнению, – послать людям лучше созданного, чем он, человека, чтобы указывать им дорогу и стать во главе их армии.

Он рассуждал правильно. Его большому сердцу, полному любви, которую он должен был раздать всему миру, нужно было сильное тело, руки, чтобы перевернуть землю, и ноги, чтобы обойти ее, нужна была рабочая сила и голова, управляющая ею. Осуществление того, что его жаркая мольба вызвала из недр, указывает не только на его проницательность и силу его желаний, но и на то, что бенгальская земля созрела и лихорадочно ждала его призыва. Вивекананда был порожден «в свое время» силами самой природы. Для этой формы духа настал час рождения.

Все же не менее удивительно, что Рамакришна сумел сразу увидеть в колеблющемся отроке, мятежном и буйном, каким был тогда Нарендра, – будущего вождя, евангелиста, которого он ждал.

Рассказ об их первых встречах достоин быть переданным полностью: он вызывает у читателя влечение, родственное тому, которое испытал вопреки своей воле Нарендра и которое вопреки ей связало его с учителем, его избравшим.

Но прежде всего нам нужно набросать портрет этого гениального юноши в тот час, когда его звезда взошла и была навсегда вовлечена в орбиту Рама кришны.

Он принадлежал к знатной аристократической семье кшатриев. Его воинственная каста наложила на него отпечаток, который он сохранил на всю жизнь.

Он родился 12 января 1863 года в Калькутте. Мать его была очень образованная, царственно величавая женщина, в которой сказания индуистского эпоса воспитали героический дух. Отец его вел жизнь бурную и роскошную, подобно французскому вельможе XVIII века. Он открыто проявлял почти вольтерьянское свободомыслие, равнодушие к кастам, покоившееся как на сильно развитом чувстве гуманности, так и на спокойном сознании своего превосходства. Но дед его, судья, богатый и образованный, покинул жену, детей, высокие должности, богатство, общество и удалился в лес, чтобы стать саньясином. С тех пор его уже больше не видели.

Детство и отрочество Вивекананды протекали как у юного князя – любителя искусств эпохи Возрождения. Он был богато одарен телесно и духовно и всесторонне развивал свои таланты. Он был красив, как лев, небрежный и порывистый, словно дикий зверь, крепок физически. Сложен как атлет. Он достиг совершенства во всех физических упражнениях. Он умел боксировать, плавать, грести, страстно любил лошадей. Он был любимцем молодежи и судьей в вопросах вкуса. Он был очень искусен в исполнении торжественных религиозных плясок. У него был прекрасный голос, и его песни впоследствии восхищали Рамакришну. Он изучал в продолжение четырех или пяти лет вокальную и инструментальную музыку со знаменитыми индуистскими и мусульманскими профессорами.

В дальнейшем он пишет музыку и серьезное исследование о науке и философии индуистской музыки. Повсюду он признается музыкальным авторитетом. Музыка остается для него входом в храм, преддверием дворца Всевышнего. В университете он выделялся своим блестящим умом, охватывающим с одинаковым увлечением математику, астрономию, философию, языки Индии и Запада. Он читал английских и санскритских поэтов, упивался историческими произведениями Грина и Гиббона. Он восхищался Французской революцией и Наполеоном. С детства он ежедневно упражнялся (как и большинство индуистских детей) в сосредоточении мысли. По ночам он стал размышлять над Подражанием Иисусу Христу и над Ведантой. Он любил спорить о философских вопросах. Жажда спорить, критиковать и дознаваться

принесла ему впоследствии прозвище Вивекананда. Он искал гармонию в эллинской красоте и в индогерманской мысли. Этот универсальный человек, словно созданный по канону Леонардо и Альберти, добавил к их духовной власти над жизнью венец религиозной души. Абсолютная чистота. Этот прекрасный юноша, свободный, страстный, которому жизнь предоставляла все блага и наслаждения, наложил на себя строгий обет целомудрия. Не связанный ни с какой сектой, не избрав никакого credo, он чувствует (я изложил выше глубокую причину этого), что чистота души и тела – духовная сила, огонь которой проникает сквозь всю жизнь, и, если чистота чем-нибудь нарушена, огонь угасает. Сознвая уже свою великую судьбу, но не зная еще, в каком направлении она его увлечет, он хочет быть достойным ее, хочет осуществить ее в жизни.

Многочисленные дары природы и бурные страсти заставили его много лет прожить в душевном смятении, до тех пор, пока не определилась его личность. Между 17 и 21 годами (1880 – конец 1884) он проходит через ряд умственных кризисов, которые становятся все острее и внезапно разрешаются успокоением в религии.

Он был потрясен, прочитав «Исследование о религии» Стюарта Милля. Его первоначальный теизм, по внешности оптимистический, воспринятый им в модных брахмасамаджских клубах, рухнул. Лицо зла в природе предстало перед ним. Он восстал. Но не мог помешать извечной тоске (в духе Дюрера) и разочарованию от пресыщения овладеть им. Напрасно старался он разрешить свои сомнения с помощью теории Герберта Спенсера, которому он писал. Он пришел просить совета у своего старшего товарища по университету Баджендранатха Шила, Он поделился с ним своим скептицизмом и просил стать его руководителем в поисках истины. Шилу он обязан тем, что прочел Шелли и омыл свой пылающий дух в волнах его поэтического пантеизма. Впоследствии его юный наставник хотел призвать его для служения богу разума – Парабрахману, – которого он для себя создал. Рационализм Баджендры был особого рода. Он пытался слить воедино чистый монизм Веданты, диалектику абсолютной идеи Гегеля и «евангелие» Французской революции – свободу, равенство и братство. Для него принцип нераздельности был злом, универсальный разум – добром. Следовательно, надлежало поклоняться чистому разуму. Это было большой модной проблемой, и Баджендра думал разрешить ее при помощи революции. Этот революционный государственный рационализм мог удовлетворить лишь некоторые стороны властной личности Нарендры. Но его кипучая натура не в состоянии была замкнуться в ней.

Его ум согласен был принять для себя или для других владычество универсального разума и основать мораль на абсолютном отрицании индивидуализма. Но его поведение противоречило этому. Он жаждал насладиться красотами мира и узнать его страсти. Захотеть лишиться его этого значило бы обречь молодого дикого зверя на вегетарианство. Его беспокойство, его мучения удвоились. Было насмешкой предложить ему как единственное содержание жизни самодовлеющий разум, этого бескровного бога. Ему нужно было – как настоящему индусу, для которого жизнь есть первый атрибут, если не сама сущность истины, – ему нужно было живое откровение, познание Абсолюта, бог, превращенный в человека, святой гуру, который мог бы сказать: «Я видел его, я прикасался к нему, я был им...» А между тем его разуму, вскормленному Европой, его критическому уму, унаследованному от отца, противоречило это стремление сердца и чувства (это будет видно по тому, как сильно он вначале сопротивлялся Рамакришне).

Как всех молодых интеллигентов Бенгалии, его привлек чистый свет Кешаб Чандры Сена. Он сиял еще полным блеском, и Нарендра позавидовал Кешабу. Он хотел быть Кешабом. Было естественно, что он сочувствовал его ордену и вошел в него. Его имя было внесено в список членов нового Брахма Самаджа. Ramakrishna Mission утверждала впоследствии, что он не мог быть целиком согласен с духом категорических реформ этого самаджа, беспощадно разбивавшего все, даже наиболее чтимые предрассудки ортодоксального индуизма. Я же думаю иначе. Необузданной цельной натуре молодого Нарендры доставляло удовольствие все ломать; он не был человеком, который мог бы упрекать тогда своих новых товарищей за их иконоборство. Только впоследствии – главным образом под влиянием Рамакришны – он почувствовал и стал проповедовать уважение даже к устарелым верованиям и привычкам, когда они поддерживались длинной цепью традиций, глубоко ассимилированных нацией. Но я убежден, что он пришел к этому не без усилий, и это обнаруживается в его первоначальном

недоверии к Рамакришне. В тот момент он присоединился к движению молодых последователей Брахма Самаджа Бенгалии, стремившихся объединить широкие массы индийского народа, без различия каст, рас и верований. Некоторые из них были более суровы в своих напаках на ортодоксальный индуизм, чем христианские миссионеры. Но свободный и живой ум Нарендры неизбежно должен был быстро уловить ограниченную узость этих критиков, несвободных от фанатизма наизнанку, и этим был задет как его разум, так и национальная гордость. Он не мог согласиться с преклонением индуистской мудрости перед плохо усвоенной наукой Запада. Он продолжал все таки присутствовать на собраниях Брахма Самаджа, но сердце его не было удовлетворено.

Тогда он заставил себя вести жизнь аскета – жить в темной и сырой комнате, спать на полу на одеяле. Повсюду были разбросаны его книги, кипящий чайник стоял прямо на земле, и днем и ночью Нарендра читал и предавался медитации; временами его мучила острая головная боль. Он не мог примирить противоречивые страсти своей натуры. Их борьба тревожила его даже во сне.

«Начиная с юности, – рассказывал он, – каждую ночь, когда я засыпал, два сна являлись мне. В одном я видел себя среди великих мира сего, обладателем богатства, почестей, могущества и славы, и я чувствовал, что способность достигнуть этого была во мне. Но через минуту я видел себя отказавшимся от всего земного, одетым в простое рубище, живущим милостыней, спящим под деревом, и я думал, что я способен жить так, подобно древним риши. Из двух картин вторая была ярче, и я думал, что только этим путем я смогу достичь высшего блаженства. И я засыпал, предвкушая это блаженство. И каждую ночь все это повторялось».

Таков он был перед встречей с учителем, который должен был определить его жизнь. В большом городе, где смешивались Индия и Европа, он обошел все высокие религиозные авторитеты и вернулся разочарованным. Он напрасно искал, пробовал, отвергал. Он блуждал.

Ему было семнадцать лет, и он готовился к первому университетскому экзамену. В ноябре 1880 года в доме своего друга Сурендранатха Митры, богатого ростовщика, обращенного индуистским Христом, во время небольшого праздника, на котором Нарендра спел прекрасный религиозный гимн, соколиные глаза Рамакришны в первый раз заметили неудовольненную душу. Он остановил на ней свой выбор. Он попросил Сурендранатха привести Нарендру в Дакшинешвар.

Юноша явился с ватагой ветреных друзей. Он вошел и сел, безразличный ко всему окружающему, словно не видя и не слыша ничего, погруженный в свои мысли. Рамакришна, наблюдавший за ним, попросил его спеть. Нарендра послушался; его пение было полно чувства; учитель, как и он, страстно любивший музыку, впал в экстаз. Здесь я предоставляю слово Нарендре.

«После того как я спел, он внезапно встал и, взяв меня за руку, повел на северную веранду и закрыл дверь за нами. Мы были одни, никто нас не видел. К моему великому удивлению, он залился слезами радости. Он держал меня за руку и, обращаясь ко мне очень нежно, как к комунибудь, кого знаешь близко и уже давно, сказал: „Ах! Вы приходите так поздно! Почему вы были так недобры и заставили меня долго ждать? Мои уши устали слушать ненужные слова этих людей. О, как томился я желанием влить мой дух в дух того, кто был бы способен принять мои внутренние испытания!..“ Он стал говорить, рыдая. Затем, став передо мной и сложив руки, он сказал:

– Господин, я знаю, что вы древний мудрец Нара, воплощение Нараяны, родившейся на земле, чтобы уничтожить страдания человечества.

Тут я как будто свалился с неба. „К кому это я пришел? – подумал я. – Вероятно, он буйный сумасшедший. Как он осмеливается так разговаривать со мною, сыном Вишванатх Датта?“ Но я сохранил спокойствие и позволил ему продолжать; он снова взял меня за руку и сказал: – Обещайте мне, что вы скоро опять придете ко мне один!»

Нарендра обещает, чтобы отвязаться от странного хозяина, но твердо клянется себе не возвращаться сюда. Они входят в общий зал, где находятся другие. Нарендра садится в стороне и начинает наблюдать за этим человеком. Он не замечает ничего странного ни в его манерах, ни в его словах: только в его внутренней логике чувствуется, что они являются

плодом углубленной жизни, абсолютного отрешения и величавой искренности. Он слышит, как Рамакришна говорит (и эти слова отвечают его тайным ночным исканиям): «Бог может быть познан. Можно видеть его, говорить с ним, как я говорю с вами. Но кто стремится к этому? Проливают слезы из за жены, детей, имущества. Но кто это делает из за любви к богу? Тому, кто это делает искренно, он является».

У Нарендры такое впечатление, что это – не пустые слова и что тот, кто их сказал, сам испытал действие этого. Юноша не знает, как примирить стоящий перед его глазами образ простого и спокойного мудреца с непонятной сценой, свидетелем которой он только что был. Он говорит себе: «Это маньяк, но он не лишен величия. Возможно, что он безумный, но достоин уважения». Он покидает Дак шинешвар в смятении мыслей, и, если бы его спросили в эту минуту о его отношениях с Рамакришной, он без сомнения ответил бы, что они на этом и кончатся.

Но странное видение не давало ему покоя.

Через месяц он возвращается пешком в Дакшинешвар.

«Я нашел его одного, сидящим на своей маленькой кровати. Он был счастлив увидеть меня и, ласково обратившись ко мне, заставил сесть подле себя на краю кровати. Но через минуту я увидел, что он потрясен каким то волнением. Устремив на меня глаза, что то шепча, он медленно приближался. Я подумал, что он, может быть, сделает что нибудь необычайное, как в прошлый раз. Но прежде чем я мог предупредить это, он поставил на мое тело свою правую ногу. Его прикосновение потрясло меня. С открытыми глазами я увидел, что стена и все, что было в комнате, закружилось и исчезло в небытии... Вся Вселенная, а с нею и моя личность, казалось, готовы были растаять в безымянной пустоте, которая поглощает все сущее. Меня охватил ужас, я подумал, что нахожусь перед лицом смерти. Не будучи в состоянии сдержаться, я закричал: „Что вы делаете! У меня дома родители!“ Тогда он засмеялся и, проведя рукой по моей груди, сказал: „Хорошо, оставим это пока! Все придет в свое время!..“ Не успел он произнести эти слова, как странное явление исчезло. Я обрел самого себя. Все и внутри, и снаружи было по прежнему...»

Я передаю этот удивительный рассказ, воздерживаясь от бесполезных рассуждений. Что бы ни подумал читатель Запада, он, несомненно, будет захвачен способностью к галлюцинациям этих индусов, которые напоминают страстных духовидцев Шекспира. Отметим, что в данном случае духовидец отнюдь не является слабым, легковверным и лишенным критицизма. Он с недоверием относится к своему видению. Его сильная личность, предупрежденная об опасностях, чрезвычайно резко противится всякому гипнотическому действию; и он прежде всего спрашивает себя, не был ли он игрушкой какого нибудь внушения. Но он не замечает никаких признаков этого. Еще содрогаясь после циклона, он держится настороже. Но после этого большого толчка посещение Нарендры оканчивается совершенно нормально.

Рамакришна относится к гостю просто и тепло, с родственной фамильярностью, как если бы ничего не случилось.

При третьем посещении, которое произошло, вероятно, через неделю, Нарендра держится настороже, вооруженный всей силой своего критического отношения. Он не позволяет к себе приблизиться, и Рамакришна не делает никаких к этому попыток. Они гуляют в саду. Потом возвращаются в гостиную, и Рамакришна впадает в экстаз. Нарендра наблюдает за ним. Но посреди наблюдения он сам захвачен и, в свою очередь, теряет сознание. Придя в себя, он видит Рамакришну, который смотрит на него и проводит рукой по его груди.

Впоследствии учитель рассказал своим ученикам: – В то время как он был в таком состоянии, я задал ему несколько вопросов о его предках, его происхождении, о его назначении в мире, о продолжительности его земной жизни. Он погрузился в глубины самого себя и принес мне ответ, который только подтвердил то, что я видел в нем. Это останется тайной. Но таким образом я узнал, что он мудрец, опытный в медитации, достигший в ней наибольших высот, и что в день, когда он придет к познанию своей настоящей природы, он сбросит с себя свое тело действием силы воли.

Он не открыл ему этой тайны, но оказывал ему почести. Нарендра занимал между учениками привилегированное место.

Нарендра, однако, не торопился принять звание ученика. Ему не хотелось быть чьим бы то ни было учеником. Он был поражен непонятной силой Рамакришны. Она притягивала его, как

магнит железо, но он был из крепкого металла. Его разум не признавал этой власти. Если прежде в отношениях с рационалистом Браджендрой Шилом его сердце восставало против интеллекта, здесь интеллект не доверял сердцу. Он твердо решил сохранить свою независимость, ничего не принимать от учителя, строго проконтролировав этого собственным разумом. Вера других без критики вызывала в нем презрение.

Нельзя себе представить более странных отношений, чем те, которые установились между юношей и старым гуру. Нарендра ненавидел все формы сентиментального благочестия, слезы и все, что он считал женственным. Нарендра подвергал все обсуждению. Он вникал во все своим критическим умом. Он единственный взвешивал каждое слово Рамакришны, единственный сомневался в его словах. Не чувствуя себя оскорбленным, Рамакришна любил его за это еще больше. До его встречи с Нарендрой слышали, как он молился: «О Мать, дай мне когонибудь, кто бы подверг сомнению мое познание бога».

Мать исполнила его желание. Нарендра отрицал индуистских богов. И в то же время он отбрасывал адвайтизм, который считал атеизмом. Он открыто насмеялся над велениями индуистских писаний. Он говорил Рамакришне:

– Хотя бы тысячи людей называли вас богом, я этого не скажу, пока сам не буду иметь доказательства.

Рамакришна, смеясь, соглашался с ним. Он говорил ученикам:

– Не принимайте ничего потому только, что я это сказал. Испытайте все сами.

Ожесточенная критика Нарендры, его страстные споры приводили его в восторг. Он был полон уважения к этой горячей искренности ума, к этой бешеной погоне за правдой. Он в этом видел проявление могущества Шивы, которое в конце концов возвышается над всеми иллюзиями. Он говорил:

– Смотрите, смотрите, какая проникновенная сила. Он – ревущее пламя, которое уничтожает все нечистое. Сама Махамая может приблизиться к нему не ближе чем на десять шагов: ее держит в отдалении слава, которую она ему передала...

Ученость Нарендры доставляла ему такую радость, что она порою переходила в экстаз.

Но минутами жестокая, беспощадная критика заставляла обливаться кровью сердце старого учителя. Нарендра говорил ему в глаза:

– Что вы знаете о ваших «единениях с богом»? Не являются ли они причудами вашего больного мозга, галлюцинациями?

И Рамакришна смиренно уходил искать в тревоге утешения у Матери, которая говорила ему:

– Терпение! Скоро глаза Нарендры раскроются!

Когда же вечные споры между Нарендрой и учениками начинали утомлять его, он молил: «О Мать, вложи хоть немного твоей Майи в Нарендру!» – чтобы хоть слегка успокоить жар этого ума и чтобы сердце его могло коснуться бога.

Но беспокойный дух Вивекананды вопиял: «Я не желаю бога, я желаю мира, то есть абсолютной правды, абсолютного познания, абсолютной бесконечности...»

Он не видел, что такое желание переходило границы ума и свидетельствовало о властных требованиях сердца. Его разум никогда не довольствовался доказательством бытия бога. По индуистской манере он говорил: «Если бог реален, его можно познать».

И вот Рамакришна постепенно замечает, что этот исступленный, который, как ему казалось, был весь во власти своего сердца, бесконечно больше владеет своим разумом, чем он сам.

Позднее он скажет о Рамакришне:

– Он был весь бхакт снаружи, весь джнянин внутри. Я же – совершенная противоположность.

Но прежде чем дойти до таких выводов и прежде чем его гордая независимость отдалась добровольно в руки учителя, он искал его и бежал от него; и между двумя людьми происходила игра страстного влечения и тайных сражений. Резкость и прямота Нарендры, беспощадность ко всему, что он презирал, неумолимая война, которую он объявил всякому шарлатанству, его гордое безразличие к чужим мнениям навлекли на него неприязнь и клевету, на которые он не обращал внимания.

Никогда Рамакришна не допускал выражения их при нем. Он был уверен в Нарендре. Он говорил, что этот юноша – самое чистое золото и что скверна мирская не может коснуться его. Он опасался только, что этот замечательный ум затеряется в пути и что многие силы, сталкивающиеся в нем, найдут в конце концов дурное применение, например к основанию

новой секты или новой партии, вместо того чтобы посвятить себя делу объединения и единства. Он испытывал к нему страстную привязанность, беспокойные и умиленные выражения которой смущали и сердили Нарендру, когда он оставался вдали. Рамакришна сам их стыдился. Но он не мог заставить себя не проявлять их. Он возмущал Нарендру своими чрезмерными похвалами, публично унижавшими всеми признанную славу Кешаба, возвеличивая тем самым проблематичную славу этого юноши, еще ничем не проявившего себя. Он искал его на улицах Калькутты, даже в храме Садхаран Брахма Самаджа, где его неожиданный приход во время богослужения произвел скандал и вызвал презрительные замечания. Нарендра, оскорбленный и в то же время растроганный, сурово говорил с ним, чтобы освободиться от этого преследования. Он говорил ему, что никто не должен безмерно привязываться к другому существу, и если бы Рамакришна слишком полюбил его, то он упал бы со своей духовной высоты и стал бы подобен ему. Наивный и чистый Рамакришна слушал его в тревоге и шел просить совета у Матери. Он возвращался утешенный.

– Ах, негодный, – говорил он ему, – я не буду больше слушать тебя. Мать мне сказала, что я люблю тебя, потому что вижу в тебе господу, и в тот день, когда я больше его не увижу, вид твой станет мне невыносим.

Вскоре роли переменялись. Пришло время, когда присутствие Нарендры воспринималось Рамакришной с полным равнодушием. Он, казалось, не замечал его и беседовал с другими. Такое положение продолжалось в течение нескольких недель. И все таки Нарендра терпеливо возвращался. Рамакришна спросил его, для чего это, если он даже не говорит с ним, и Нарендра ответил ему:

– Не только ваши слова меня привлекают. Я люблю вас. Мне нужно вас видеть.

Дух учителя мало помалу овладевал мятежным учеником. Напрасно Нарендра обращал в насмешку все верования Рамакришны, обе крайности – как культ изображения, так и веру в Абсолютное Единство, – очарование бога медленно действовало.

– Зачем вы приходите сюда, если не хотите признать мою Мать? – спрашивал его Рамакришна.

– Разве я должен признать ее, если прихожу сюда? – возражал Нарендра.

– Прекрасно, – говорил учитель. – Через несколько дней вы не только признаете ее, но и восплачете о ней.

Так же было и когда Рамакришна хотел открыть Нарендре двери адвайтического Ведантизма, тождество с Абсолютом. Нарендра отталкивал такую мысль как святотатство и безумие. Он не упускал ни одного случая, чтобы не осмеять ее. Однажды он с другим учеником громко насмеялся над этой нелепостью.

«Этот кувшин, – говорили они, – бог, и эти мухи – бог...» Рамакришна услышал из соседней комнаты смех этих взрослых школьников. Он спокойно вошел. Он был в состоянии полусознания. Он коснулся Нарендры... И снова налетел вихрь Духа.

В глазах Нарендры все тотчас же изменилось. Он видел, пораженный, что ничего не существовало, кроме бога. Он вернулся к себе. Все, что он видел, трогал, ел, – было бог... Он перестал действовать, поглощенный силой Вселенной. Его родители стали беспокоиться и сочли его больным. Такое состояние длилось несколько дней. Затем сон рассеялся, но воспоминание о нем продолжало жить в Нарендре как предвкушение адвайтического состояния. И он не разрешал себе больше отрицать его.

Он прошел затем через мистические бури. Он повторял как безумный: «Шива! Шива!» Рамакришна смотрел на него с сочувственным пониманием.

– Да, у меня это продолжалось двенадцать лет.

Но его львиная натура, переходившая большими прыжками от отрицающей иронии к озарению, никогда бы не выдержала и не допустила длительного превращения, если бы толчок пришел не изнутри, а снаружи. Жестокий бич несчастия внезапно вырвал его из спокойного сомнения, из интеллектуализма роскоши, где ему нравилось пребывать, и столкнул его лицом к лицу с трагической проблемой существования и зла.

* * *

В начале 1884 года утрата беззаботного и расточительного отца, внезапно унесенного сердечным припадком, привела семью к разорению. Нужно было прокормить шесть или семь

ртов. Туча кредиторов. На другой же день Нарендра узнал нищету, погоню за работой, эгоистическое безразличие света и отказ от него друзей. Он рассказал свои горести на страницах, напоминающих самую мучительную исповедь.

«Я умирал с голоду. Босой, я ходил из конторы в контору, и повсюду мне отказывали. Я узнал на опыте, что такое человеческое сочувствие. Это было мое первое соприкосновение с действительной жизнью. Я открыл, что в ней нет места слабым, бедным, покинутым. Те, кто несколько дней тому назад гордились бы возможностью помочь мне, отворачивались, хотя вполне могли прийти мне на помощь. Свет казался мне порождением дьявола. В знойный день, держась с трудом на ногах, я присел на площади под тенью какого-то памятника. Тут же было несколько моих друзей. Один, из них пел гимн в честь безграничной милости божьей. Это был для меня как бы удар дубиной по голове. Я подумал о плачевном состоянии моей матери и моих братьев. Я закричал: „Прекратите эту песнь! Подобные фантазии могут быть приятны только тем, кто родился с серебряной ложкой во рту, тем, у кого нет родных, умирающих с голоду. Да, было время, когда и я думал так же, как вы! Но сегодня, когда я вижу все ужасы жизни, это звучит в моих ушах как мрачная насмешка“. Мой друг был обижен. Он не мог понять моей ужасной скорби. Не раз, видя, что дома не хватает еды на всех, я уходил, говоря матери, что меня пригласили в гости, и голодал. Мои богатые друзья иногда приглашали меня прийти к ним петь. Не было никого, кто полюбострадал бы узнать о моих страданиях, и я хранил их про себя...»

Он все же продолжал каждое утро молиться богу. Однажды, услышав его, мать, благочестие которой сильно пошатнулось от чрезмерных несчастий, сказала ему:

– Глупец! Замолчи! Ты хрипнешь, молясь богу с детства! А что он сделал для тебя?

Тогда он в свою очередь почувствовал злобу против бога. Почему не отвечал он на его отчаянные призывы? Почему допускал столько страданий на земле? И горькие слова пандита Видьясагара пришли ему на ум: «Если существует бог добрый и полный милости, почему же миллионы людей умирают из-за недостатка куска хлеба?»

В неистовом возмущении он восстал против небес. Он объявил войну богу.

Он никогда не умел скрывать свои мысли. И он начал публично высказываться против бога.

Он доказывал, что его нет или он злобен. Репутация атеиста установилась за ним. И, по привычке всех святош, ему ложно приписали постыдные мотивы, заподозрили его в безнравственности. Эта бесчестность ожесточила его. С бахвальством мрачного презрения он громко объявил, что в таком подлом мире человек, как он, являющийся жертвой, преследуемый судьбой, имел право испытать минутное забвение в каком бы то ни было удовольствии, и если он, Нарендра, придет к убеждению в действительности таких средств, он не отступит, боясь кого бы то ни было. Ученикам Рамакришны, пришедшим к нему для благочестивых увещаний, он отвечал, что только трус может из боязни верить в бога. И он прогнал их. Однако он страдал от мысли, что Рамакришна может осудить его, как другие. Но гордость его вопила:

– Пускай! Если репутация человека покоится на таких хрупких основах, я попираю ее ногами. Все считали его погибшим. Один Рамакришна в своем убежище в Дакшинешваре сохранил к нему доверие, но он выжидал своего часа. Он знал, что спасение Нарендры может прийти только от него самого.

Лето прошло. Нарендра все время продолжал свою изнуряющую погоню за заработком.

Однажды вечером, голодный, измученный, мокрый от дождя, он опустился на краю дороги у порога какого-то дома. Лихорадочная дрожь охватила его распростертое тело.

Внезапно как бы разорвались покровы его души. И настал свет. Все сомнения прошлого разрешились сами собой. Он мог бы произнести слова: «Я вижу, я знаю, я верую, я образумился...»

Для его тела и души настал отдых. Он вернулся домой и провел ночь в размышлениях.

Назавтра решение его было принято. Он решил отказаться от света, как это сделал его дед. И он установил день для окончательного выполнения своего обета.

Но в этот же день внезапно явился в Калькутту Рамакришна. Он попросил Нарендру пойти с ним на всю ночь в Дакшинешвар. Напрасно Нарендра старался избавиться от этого. Он должен был следовать за учителем.

В своей комнате, ночью, запершись с ним, Рама кришна начал петь. Это прекрасное пение,

заставившее молодого ученика разрыдаться, раскрыло ему, что учитель проник в его намерения. Рамакришна сказал ему:

– Я знаю, что ты не можешь навсегда остаться в миру. Но из любви ко мне не покидай его, пока я жив.

Нарендра вернулся к себе. Он нашел кой какую переводческую работу и работу в конторе стряпчего, но у него все еще не было постоянных занятий. И семья никогда не была уверена в завтрашнем дне. Он просил Рамакришну молиться о нем и о его близких.

– Дитя мое, – сказал ему Рамакришна, – я не могу возносить такие молитвы, но сами вы, почему вы их не возносите?

Нарендра отправился в храм Матери. Он был в восторженном состоянии. Волна любви и веры наполняла его. Но когда после его возвращения Рамакришна спросил его: «Ну что, о чем вы молились?» – Нарендра вспомнил, что он забыл попросить об облегчении своих страданий. Рамакришна сказал ему: «Возвращайтесь!»

Он возвратился во второй раз, потом в третий. Лишь только он входил в храм, как из его сознания исчезал предмет его молитвы. В третий раз эта мысль все таки вернулась к нему, но стыд одолел его. Ради каких ничтожных благ приходил он докучать Матери! И он молил:

– Мать, мне ничего не нужно – только знать и верить!

С этого дня новая эра открылась для него. Он познал и уверовал. И его вера, рожденная из горя, как старый арфист Гете, никогда не забывала ни вкуса хлеба, орошенного слезами, ни братьев по страданию, деливших между собой крохи. Он поведал это в возвышеннейших словах:

– Единственный бог, в которого я верю, – это сумма всех душ и надо всеми ими – мой бог; мой бог – несчастные, мой бог – бедные всех народов!

«Галилеянин победил!» Кроткий учитель из Бенгалии сломил сопротивление гордой души. Рамакришна не имел более покорного сына, чем великий кшатрия, созданный, чтобы повелевать народами.

Настолько полным стал их союз, что минутами их тождественность казалась осуществленной. Теперь уже приходилось скорее умерять веру этой пылкой души, не умевшей ничего ни желать, ни давать наполовину. Рамакришна знал опасность этого. Она кидалась, шумная, мятущаяся, требовательная, от познания к любви, от абсолютной необходимости размышления к абсолютной необходимости действия. Она хотела бы объять все сразу. В последнее время жизни Рамакришны Нарендра часто настаивал, чтобы учитель даровал ему самую высокую степень подсознательного познания бога и высший экстаз, из которого нет возврата – Нирвикальпа самадхи. Рамакришна упорно отказывался от этого.

«Однажды, – рассказывал мне Свами Шиванан да, присутствовавший при том, что происходило в саду Кассинора близ Калькутты, – Нарендра действительно достиг этого состояния. Увидев, что он в беспамятстве, а тело его стынет, подобно труп, мы побежали к учителю в большом волнении и сообщили ему о случившемся. Учитель не проявил никакого беспокойства; он улыбнулся и сказал: „Прекрасно“ – и пребывал в молчании. Нарендра снова пришел в сознание и отправился к учителю. Учитель ему сказал: „Итак, понимаешь ли ты теперь? Теперь эта высшая степень познания бога останется под ключом. Ты должен будешь исполнить работу Матери! Когда ты окончишь ее, она отопрет замок“. Нарендра сказал: „Учитель! Я был счастлив в самадхи, и я забыл мир в бесконечной радости. Я прошу вас, сделайте, чтобы я остался в этом состоянии“. „Стыдно! – закричал учитель, – что такие слова исходят от тебя! Я думал, что ты – обширноеместилище жизни, а ты хочешь оставаться поглощенным своей личной радостью, как обыкновенный человек. Это богопознание станет для тебя столь естественным благодаря милости Матери, что ты сможешь в нормальном состоянии познать единое божество, единое во всех существах; ты сделаешь великое дело в мире, ты принесешь людям духовное познание и облегчишь страдания смиренных и бедных“».

Он провидел роль, выпавшую на долю Вивекананды. И заставил его взять эту роль на себя. – Обычные души, – говорил он, – боятся учить других. Негодное дерево хочет только плавать на воде – все равно каким образом. Как только на него сядет птица, оно тонет. Но Нарендра не таков. Он подобен тем толстым стволам, что носят на себе, плавая по Ганге, зверей и людей.

XI ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ

Так жил он теперь – с 1881 года – окруженный учениками, любившими его, как отца, в своем Дакшинешваре, овеянном тихим шепотом Ганги. Вечное пение реки, воды которой прилив ежедневно гонит обратно на север, обволакивало чудесные беседы. Здесь сливались на рассвете и в сумерках звон колоколов, шум морских раковин, звуки свирели, бряцание цимбал, пение в храмах, где славились дни богов и богинь. Опыняющий запах священного сада сливался с благовониями, принесенными ветром. Между колоннами полуциркульной веранды, защищенной навесом, видно было, как, подобно летающим бабочкам, проходили разноцветные паруса по священной реке – образу Вечности.

Но теперь об ограду святилища беспрерывно бились волны и другой, человеческой реки – толпы богомольцев. Паломники, пандиты, верующие и любопытные всех классов и всех положений приходили из большого соседнего города или из разных мест Индии, чтобы лицезреть таинственного человека, не думавшего, что он таков, и забрасывали его вопросами. Он всегда отвечал им на своем приятном наречии с неиссякаемым терпением и с чарующей теплотой, не теряя связи с глубинами действительности и не давая ничему ускользнуть из ежедневных перемен в делах и людях. Он умел в одно и то же время наслаждаться как ребенок и судить как мудрец. И эта совершенная непринужденность, смеющаяся, любящая, проникновенная, которой ничто человеческое не было чуждо, и составляла его обаяние. Конечно, такой отшельник весьма отличался от отшельников нашего христианского мира. Если он постигал все страдания, если он сливался с ними, они растворялись в нем; ничего мрачного, ничего сурового не произрастало на его почве. Этот великий очиститель, который умел своей снисходительной улыбкой и взором, свободным от иллюзий и тревог, смотревшим в самую глубину, освободить душу от пелены и омыть ее от грязи, человек, сделавший из Гириша святого, не допускал существования в воздухе прекрасных садов, напоенных дыханием роз и жасминов, – большой идеи постыдного греха, который для покрытия своей наготы непрестанно прикасается к ней и привязывается к ней мыслью. Он говорил:

«Некоторые христиане и брахманисты видят всю религию в понятии о грехе. Их идеалом благочестия является тот, кто молит: „О господи, я грешник, удостой, отпусти грехи мои!“ Они забывают, что понятие греха отмечает только первый и низший этап духовности... Люди не отдают себе отчета в силе привычки. Если вы будете вечно говорить – я грешник, вы останетесь грешником навсегда. Вы должны повторять: „Я не скован, я не скован... Кто мог сковать меня? Я сын бога, царя царей“. Пусть действует ваша воля, и вы будете свободны. Дурак, говорящий непрестанно: „Я раб“, кончает тем, что на самом деле становится рабом. Несчастный, говорящий без усталости: „Я грешник“, становится грешником на самом деле. Но человек свободен, если он говорит: „Я свободен от рабства мирского. Я свободен. Разве господь не отец наш? Рабство – от духа, свобода – тоже от духа“...»

Он вдыхал в окружающих дыхание радости и свободы. И оцепенелые души, над которыми тяготело изнеможение тропического неба, расправляли свои увядшие лепестки. Самым усталым он говорил: «Пойдут дожди, терпение. Вы опять зазеленеете...»

Это был приют освобожденных душ, тех, которые ими были, тех, которые ими будут (время ничего не значит в жизни)... Собрания часто принимали по воскресеньям характер маленьких празднеств – Санкиртан. В обычные дни беседы с учениками никогда не превращались в доктринерские поучения. Не поучения, а только практика, приспособленная к каждому уму, к каждому случаю жизни, чтобы освободить самую сущность каждого человека, оставляя при этом полную свободу его духу. Все средства были хороши – внутренняя сосредоточенность, так же как свободная игра ума, краткие экстазы, как и остроумные притчи; веселые рассказы и наблюдательность острых и насмешливых глаз, комедия Вселенной.

Учитель, сидя на маленькой кровати, слушает признания учеников, он принимает участие в их личных заботах, в их семейных делах: он любовно подбадривает покорного Иогананду, он натягивает узду на неистового Вивекананду, он шутит над спиритизмом суеверного Ниранджана, он любит дать побегать этим молодым, вырвавшимся цыплятам и бросает в пылу страстного спора глубокое, насмешливое замечание, которое разъясняет вопрос и выводит их на правильную дорогу; он умеет одним словом вернуть к точной мере слишком

малое и слишком большое, возбудить спящий разум и окатить водой избыток рвения. Его глаза останавливаются незаметно на целомудренном лице его святого Иоанна, Премананды (Бабурама), на одном из тех, кого он причисляет к Нитьясидах – к чистым и совершенным еще до их рождения, к тем, кем не надо руководить; они сверкают иронией, когда он слышит о пуританских причудах, о которых он говорит:

– Чрезмерная забота о чистоте становится бичом. Люди, подверженные этой болезни, не имеют уже времени думать ни о людях, ни о боге.

Он отстраняет новообращенного от ненужных и опасных обрядов опытных йогов. К чему рисковать здоровьем и жизнью, когда достаточно открыть глаза и сердце, чтобы на каждом шагу встретить бога?

– ...Арджуна призывал Шри Кришну как Абсолют... Кришна сказал ему: «Приходи посмотреть, каков я». Он привел его на определенное место и спросил его: «Что ты видишь?» «Большое дерево, – сказал Арджуна, – грозди висят на ягодах». «Нет, мой друг, – сказал Шри Кришна, – приблизься и посмотри хорошенько: это не спелые плоды, а бесчисленные Шри Кришны...» К чему нужно паломничество в святые места?..

– Святость людей делает святыми места. Иначе как могло бы место очистить человека? Бог повсюду в нас. Вся жизнь и Вселенная – его мечта.

Но, набрасывая искусными пальцами узор нравоучительных басен на прекрасной теме тысячелетий, крестьянин из Камарпукура, соединивший в себе две натуры – Марфы и Марии, умеет напомнить своим ученикам о практической жизни, о скромных деталях домашнего быта: он не переносит безделья, нечистоплотности и беспорядка и может в этом отношении дать урок сыновьям крупных буржуа, он является примером, он подметает свой дом, он работает в саду.

Ничто не ускользает от его взора. Он мечтает, он видит, он действует. И благодаря своей радостной философии он сохраняет дар смеяться как ребенок. Вот он развлекается, изображая светских людей и ханжей.

«Учитель очень забавно имитирует одну кирта ни (профессиональную певицу религиозных гимнов), к большой потехе учеников. Киртани и ее труппа появляются в одном собрании. Она пышно одета, небрежно держит цветной носовой платок. Когда появляется какой-нибудь почтенный господин, она приветствует его, продолжая петь, или говорит ему: „Прошу вас, войдите“. И она руками поднимает свое сари, чтобы выставить напоказ украшения, нашитые на нем... Мимика учителя до смерти смешит учеников. Палту катается по земле. Учитель говорит ему, улыбаясь: „Какое вы еще дитя, Палту! Не вздумайте только рассказать об этом вашему отцу. Та капля уважения, которую он еще питает ко мне, исчезнет. Он стал настоящим англичанином“».

Вот и другие типы проходят перед нами.

«Есть люди, – говорит Рамакришна, – у которых никогда не является такого желания поболтать, как во время ежедневного богослужения. Но так как им запрещается разговаривать, они жестикулируют и гримасничают с закрытым ртом: „Э! Э! Принесите мне это и передайте то“. – „Тише, тише!“ Один перебирает свои четки и, делая это, в то же время торгует рыбой. Перебирая пальцами зерна, он указывает на кусок, на который зарится... Женщина идет выкупаться в святых водах Ганги. Она должна была думать о боге, но нет, она сплетничает: „А какие драгоценности они дают вашему сыну?.. Такой то болен... Такой то пошел повидать свою невесту... Как думают, велико ли будет приданое?.. Гариш меня обожает, он и часа не может прожить без меня... Я не могла прийти все это время: было обручение дочери такого то, я была так занята“. И так далее. Она пришла выкупаться в святых водах. Но разговор идет обо всем, кроме этого...»

В этот момент учитель, глядя на одного из своих слушателей, пораженный волнением, впадает в самадхи.

Придя в себя, он немедленно снова завязывает нить своих прерванных бесед. Или же он поет один из своих прекрасных гимнов любви к «Матери с темно синим цветом кожи» или к черному возлюбленному Кришне;

«О, сладкозвучная флейта! Она играет там, в лесах. Я иду... Я иду. Мой темнокожий возлюбленный ждет меня... О мои подружки, скажите, идете ли вы со мной? Мой возлюбленный! Я боюсь, что он для вас – лишь слово, лишь пустой звук... но для меня он –

мое сердце, моя душа, моя жизнь».

«Погружайся, погружайся, погружайся до дна, о мой дух. Погружайся в океан красоты, иди и ищи области, погружившиеся более глубоко в моря. Ты достигнешь драгоценных сокровищ Премы (божественной любви). Твое сердце – Вриндаван (местопребывание бога любви). Иди и ищи! Иди и ищи, иди и ищи! И ты найдешь... Тогда он будет гореть, неугасаемый светоч познания. Кто это существо, управляющее лодкой на земле – на земле, на твердой земле?»

«...Подруга Абсолютного, о Мать, ты погружена в Радость игры! Вино радости опьяняет тебя. Твои ноги подкашиваются, но никогда не теряют равновесия. Абсолютное, твой супруг, лежит рядом с тобой. Неподвижно. Ты прижимаешь его к своей груди, и кажется, что ты теряешь всякую власть над собой... Вселенная дрожит под твоими ногами. Безумие в твоих глазах и в глазах супруга. Правда, мир – это предмет радости. О Мать моя с синим цветом кожи...»

Его песня походила на любовное вино, опьяняющее Мать.

«Один его взгляд, – говорил Вивекананда, – мог изменить целую жизнь».

И Нарендра узнал это, Нарендра, горячо защищавший из противодействия ему свои философские сомнения, почувствовавший, что они тают на этом непрерывном огне, и наконец признавший себя побежденным. Он сам испытал то, что возвестил ему Рамакришна, – «что живая вера может быть передана и принята более осязаемо и реально, чем любая вещь в мире». Уверенность Рамакришны была так стойка и сильна, что самые резкие противоречия этих молодых людей заставляли его улыбаться. Он был уверен, что они рассеются, как утренний туман на полуденном солнце. Когда Калипрасад направлял на него поток отрицаний, Рамакришна спрашивал:

– Мой сын, веруете ли вы в бога?

– Нет.

– Веруете ли вы в какуюнибудь религию?

– Нет, ни в Веды, ни в какоелибо писание. Я не верю ни во что духовное.

Снисходительный учитель отвечал:

– Мой сын, если бы вы это сказали другому гуру, как бы он вас принял? Идите с миром.

Другие так же, как и вы, прошли через эти треволения. А теперь – посмотрите на Нарендру.

Он верит. Ваши сомнения будут также разрешены. Вы будете верить.

И Калипрасад стал впоследствии святым апостолом, Абхеданандой.

Множество высокообразованных людей, скептиков, агностиков были сильно задеты этим маленьким человеком, который говорил самые простые слова на своем языке простолюдина, но существо которого проникало своим внутренним огнем до самой глубины души. Ему не нужна была исповедь своих посетителей.

«Глаза, – говорил он, – зеркало души».

Он сразу читал сквозь них. Среди толпы он прямо шел к стыдливо прячущемуся посетителю, он пальцем касался сомнения или беспокойства, тайной раны. Никаких поучений. Никакого душевного смятения. Никакой печали. Слово, улыбка, прикосновение руки давали покой, безмянное счастье, по которому изнываешь. Рассказывают, что молодой человек, на котором остановился его взгляд, целый год оставался в экстазе и только повторял: «Господь, Господь. Мой любимый, мой любимый!»

Учитель все прощал, веря в бесконечное добро. И, читая в некоторых из тех, кто просил у него помощи, что эти несчастные не достигнут в этой жизни бога, которого ищут, он хотел передать им по крайней мере предвкушение блаженства.

Ни одно слово не было у него только словом; все было действием, все было бытием.

Он говорил:

– Не говорите о любви к вашему брату. Любите. Не рассуждайте о доктринах и о религиях.

Есть только одна. Все реки текут в океан. Идите и дайте дорогу другим.

Большая река прокладывает себе вдоль склона соответственно народам, времени, душам – различное русло. Это та же вода... Идите. Теките к океану.

Порыв радостно струившейся воды передавался всем душам. Он был порывом, склоном, течением, и к его реке сбегались другие речки и ручьи. Он был Гангой.

Он приближался к океану. Приходил конец. Его слабое тело, почти ежедневно сжигаемое огнем экстаза, изнурялось постоянным принесением себя в жертву изголодавшейся толпе. Иногда он жаловался Матери, как капризный ребенок, на потоки пришельцев, поглощавшие его и днем и ночью. На своем языке юмориста он говорил ей:

– Зачем приводишь ты сюда всех этих людей, подобных молоку, разбавленному пятикратным количеством воды? Мои глаза испортились, так долго я раздувал огонь для того, чтобы вода испарилась. Я потерял здоровье. У меня нет больше сил. Сделай со мной что хочешь... Это (он указывал на свое тело) теперь лишь прорванный барабан. И если ты будешь бить по нему днем и ночью, сколько времени прослужит он еще?

Но никогда он никому не отказывал. Он говорил:

– Пусть я буду осужден родиться еще и еще раз, даже в виде собаки, только бы я мог быть полезен хотя бы единой душе.

Он говорил также:

– Я отдал бы двадцать тысяч тел таких, как мое, чтобы помочь одному человеку. Чудесно помогать хотя бы одному.

Он упрекал себя за экстазы, отнимавшие у него часть того времени, которое он должен был давать другим.

– О Мать, не давай мне наслаждаться ими. Пусть я буду всегда в нормальном состоянии, чтобы иметь возможность быть более полезным миру.

В последние дни, когда ученики оберегали его, вопреки его желанию, от наплыва верующих, он говорил:

– Как я страдаю от того, что никто не нуждается сегодня в моей помощи.

Большой его друг – знаменитый глава Брахма Самаджа – Кешаб Чандра Сен опередил его.

Он умер в 1884 году. Со слезами на глазах Рамакришна говорил о нем задолго до его кончины: «Розовый куст будет пересажен в другое место, потому что садовник захотел иметь от него великолепные розы». Потом он сказал: «Половина моего „я“ погибла».

Но другой половиной, можно сказать, были несчастные. Он был ближе к ним, чем к прославленным ученым. И в последние годы его жизни он насчитывал среди близких, наряду с наиболее дорогими его сердцу учениками, простых людей и божьих безумцев, как, например, старую Гопалерму, наивная история которой словно заимствована из францисканских легенд.

Это была 60 летняя женщина. Став вдовой еще в детстве, она целиком посвятила себя богу. Неутолимая жажда материнской любви заставила ее 30 лет тому назад взять в сыновья дитя Кришны – Гопала. Эта мысль обратилась у нее в невинную манию. Лишь только она встретила Рамакришну, как ее взгляд, одухотворенный присутствием бога, увидел выходящим из него маленького Гопала. Горячее сострадание того, кто проникал скрытые желания и огорчения приближавшихся к нему, одухотворило неудовлетворенную мечту бездетной матери. Он положил ей на руки дитя бога. С этой минуты маленький Гопал больше не покидал той, кто усыновил его. И она не молилась больше, ей больше не нужно было молиться, ибо она жила теперь в непрерывном единении со своим богом. Она бросила в реку свои четки и проводила все дни, болтая с ребенком. Это состояние продолжалось два месяца, потом она успокоилась. Дитя появлялось только в минуты раздумья. Но счастье не покидало сердца старухи. И Рамакришна не сводил взгляда, полного доброты, с этой радости. Но так как он никогда не терял своей насмешливости, он попросил старуху рассказать свою историю надменному Нарендре, гордому своим критическим разумом, для которого такие видения были глупыми и болезненными иллюзиями. И старуха наивно среди своей материнской болтовни, принимая Нарендру за судью, говорила:

– Сударь, я только бедная невежественная женщина, я хорошенько не знаю, в чем дело. Но вы же ученый, скажите вы мне, верите ли вы в то, что это правда?

И Нарендра, растроганный, отвечал:

Да, мать моя, это правда.

* * *

Это было в 1884 году. Здоровье Рамакришны серьезно пошатнулось. В состоянии транса он сломал себе кисть левой руки и очень страдал от этого. Последовало серьезное изменение.

Свершилось раздвоение между немощным телом и восхищенным духом. Он не мог больше употреблять слова «я». Он не был больше самим собой. Он говорил о себе «это».... Больной видел: «Аила... Игра... Бог, проявлявшийся в разных формах. Человек, внезапно постигший свое реальное „я“, погружается в немое восхищение; его радость не знает больше границ, как будто он встречает неожиданно любимое существо... Когда Шива замечает свое реальное „я“, он восклицает: „Это то, что я есть!“ – и он танцует от счастья»

В следующем году, в апреле 1885 года, у него начинается воспаление горла. Переутомление беседами, опасные самадхи, вызвавшие горловые кровотечения, разумеется, способствовали этому. Приглашенные врачи запретили ему впадать в экстаз. Он не принял этого во внимание. На большом религиозном празднике вишнуитов он свыше меры растратил свои силы.

По возвращении Рамакришны болезнь усилилась. Он почти не мог есть; все же он продолжал принимать всех тех, кто приходил к нему и днем и ночью. Однажды вечером началось кровотечение из горла. Врачи определили рак. Ближайшие ученики убедили Рамакришну пробыть некоторое время под наблюдением врача Махендралала Саркара из Калькутты. В сентябре 1885 года ему наняли маленькую квартиру, где жена Рамакришны поселилась с ним, чтобы заняться его лечением. Самые преданные ученики дежурили у него по ночам. В большинстве это были небогатые люди, они закладывали землю, делали долги, закладывали свои вещи в ломбарде, чтобы покрыть расходы, и болезнь учителя скрепила их союз. Доктор Саркар был рационалист, не разделявший религиозных идей Рамакришны; он откровенно ему об этом говорил. Но по мере того как он узнавал своего пациента, он чувствовал к нему все более глубокое уважение и лечил его бесплатно. Он посещал его три раза в день и часами беседовал с ним, что, скажем мимоходом, пожалуй, не содействовало улучшению его здоровья. Он говорил ему:

– Я вас так люблю за вашу преданность правде, вы ни на йоту не откажетесь от того, что считаете правильным... Не думайте, что я льщу вам. Если бы мой родной отец ошибался, я бы ему это сказал.

Он открыто порицал религиозное обожание, оказываемое Рамакришне его учениками:

– Говорить, что Бесконечное спускается на землю в образе человека, – вот что портит все религии.

Рамакришна, забавляясь, не противоречил ему, но ученики оживлялись в этих спорах, увеличивавших только взаимное уважение; их вера в просветленного страданиями учителя крепла. Они старались понять причину этого испытания. Они разделились на несколько групп. Самые восторженные, во главе с Гиришем, искупившим свои грехи, предполагали, что это сам учитель пожелал заболеть, чтобы сплотить вокруг себя апостолов.

Крайние рационалисты, глашатаем которых был Нарендра, допускали, что тело учителя, так же как и тело других людей, подчиняется законам природы. Но все ощущали в умирающем присутствии бога, и в день большого ежегодного праздника Кали, о котором Рамакришна, к их удивлению, совсем не говорил, поглощенный экстазом, они пришли к убеждению, что Мать теперь воплотилась в нем.

Возбуждение, в которое их приводила эта мысль, было небезопасно. Они рисковали довести себя до припадков конвульсивного сентиментализма. Они имели – или только воображали, что имеют, – видения, экстазы, сопровождавшиеся смехом, песнями и рыданиями. Здесь Нарендра впервые проявил присущую ему силу ума и воли. Он отнесся к ним с презрением, он сказал им, что «экстаз учителя был куплен жизнью героического воздержания и ожесточенной борьбы за познания, их же видения и экстазы были следствием болезненной слабости, если только они не были простой ложью. Пусть больные лечатся. Пусть они больше едят и борются со своими спазмами, потрясающими их, как ничтожных самок. И пусть они будут осторожны. Из тех, кто взращивает в себе эту религию чувств, проявляемых вовне, 80 % стали негодьями и 15 % – сумасшедшими...» Это было для них ледяным душем. Им стало стыдно, и большинство смиренно призналось, что их экстазы были мнимыми. Деятельность Нарендры на этом не остановилась. Он собрал юношей и подчинил их строгой дисциплине. Он помог им в их стремлении к деятельности и к позитивному мышлению. Молодой львенок утвердился с этих дней как будущий властелин ордена.

Однако он сам еще не освободился от всех своих тревог и волнений. Эти дни были отмечены

безнадежным кризисом, когда он должен был навсегда сделать выбор между силами своей природы, борющимися друг с другом. Дни терзающие, дни плодотворные, переворачивающие душу и оплодотворяющие ее.

Состояние Рамакришны ухудшалось. Доктор Сар кар посоветовал перевезти его из Калькутты в деревню. Около середины декабря 1885 года его поместили в одном доме в окрестностях города, среди прекрасных садов Кошипура. Он провел там восемь последних месяцев своей жизни. Двенадцать избранных молодых учеников не покидали его до конца. Нарендра руководил их деятельностью и их молитвами. Они умоляли учителя присоединиться к ним, чтобы просить бога об его выздоровлении. Посещение одного пандита, выразившего ту же уверенность, было для них поводом возобновить свои мольбы.

– Писания, – говорил Рамакришне пандит, – утверждают, что святые, подобные вам, могут исцелиться силой воли.

Рамакришна ответил:

– Это свойство было предоставлено раз и навсегда богу. Как я могу это отнять у него?

Ученики упрекали его в нежелании исцелиться.

– Думаете ли вы, что мои страдания добровольны? Я хочу исцелиться, но это зависит от Матери.

– Тогда молитесь ей!

– Вам легко сказать это. Но я не могу произнести эти слова.

Нарендра умолял:

– Для нас.

– Прекрасно, – тихо сказал учитель, – если смогу, попробую.

Его оставили одного на несколько часов. Когда они возвратились, учитель сказал:

– Я сказал ей: «Мать, я ничего не могу есть из за этой боли. Сделай, чтобы я мог хоть немного поесть». Она указала на всех вас и сказала: «Как! Ты ведь ешь столькими ртами...» Мне стало стыдно, и я не мог произнести ни одного слова.

Несколько часов спустя он сказал:

– Моя задача поучения почти закончена. Я не могу больше учить. Я вижу весь мир в целом, как бы наполненный господом, и я говорю себе: «Кого же я буду учить?»

Первого января 1886 года он почувствовал себя немного лучше и сделал несколько шагов по саду. Он благословил своих учеников. Волнение, испытанное ими, проявлялось самым различным образом: в немых экстазах или в шумных порывах радости. Все они говорили, что чувствовали, точно от электрического тока, какую то выросшую силу, позволявшую каждому из них достичь одним взмахом избранного им идеала (особенность Рамакришны среди религиозных учителей – умение вызвать в других силы, необходимые для веры, а не передать определенную веру; он играл роль, если я осмелюсь так выразиться, могучей духовной динамо машины). В беспредельной радости ученики, благословленные учителем, приглашали из сада оставшихся дома также прийти за благословением. Здесь следует отметить черту, которая могла бы быть характерной и для нашего христианского Евангелия. Смиранный Лату и брахман Шарат, воспользовавшись отсутствием учителя, чтобы подмести его комнату и оправить постель, слышали зов и видели сверху всю сцену, но из любви продолжали начатое дело и отказались от своей доли радости.

Один Нарендра был неудовлетворен. Печаль по отцу, мирские заботы, страдания души грызли его. Он видел, что все ошпаны благодеяниями, и считал одного себя покинутым. Он не получал никакого отклика на свою тоску. Не видел никакого луча, который согрел бы его. Он умолял Рамакришну даровать ему для облегчения несколько дней самадхи. И учитель (приберегая свою снисходительность для тех, от кого он меньше всего ожидал) сурово укорял его за «низкие помыслы»; только от себя самого должен был он ждать облегчения; он должен был возвыситься над своими заботами и благодаря этой победе достигнуть более высокого состояния, чем экстаз. И Нарендра в слезах как потерянный бежал через город и поля, покрытый пылью и соломой от копны сена, на которую он наткнулся, снедаемый стремлением к недостижимому; и душа его больше не знала покоя.

Рамакришна с нежностью, с жалостью издали следил, как он метался в безумной тревоге; он хорошо знал, что нужно долго искать, прежде чем, запыхавшись, настичь божественную добычу. И он считал чудесным состояние Нарендры, хвалившегося еще недавно своим

неверием и испытывавшего ныне тоску по бесконечному. Он считал его благословенным среди людей, тем больше, чем больше он прошел испытаний. Он тихо ласкал лицо Нарендры в присутствии учеников. Он узнавал в нем все знаки бхакта – верующего любовью. Бхакты не свободны, подобно джнянинам (верующие познанием духа), от внешних предметов, они созданы, чтобы любить и служить людям. Они должны вновь и вновь возрождаться для блага человечества. Пока существует малейшее проявление желания, нужно возрождаться. Только когда все желания вырваны из людских сердец, достигается Мукти (освобождение). Но бхакт не стремится к этому, и вот почему любящий учитель, с сердцем, полным всех живых существ, не соглашающийся позабыть их, сохраняет навсегда предпочтение к бхактам, из которых наикрупнейшим был его Нарендра. Он больше не скрывает, что смотрит на него как на своего наследника. Однажды он говорит ему:

– Я оставлю этих молодых людей на твое попечение. Стремись развить их духовные силы. И, подготавливая их к монастырской жизни, он убеждает их идти просить милостыню во всех домах без различия каст. Около конца марта или начала апреля он раздает им ткани цвета охры, как знак саньясина.

Гордый Нарендра дает пример отрешения. Но он с трудом отказывается от духовной гордыни. Демон, который тщетно предлагал бы ему, как и Иисусу, все блага земные, вскоре сумел бы найти уязвимое место в его броне, предложив ему власть над душами. Однажды, чтобы испытать свое духовное могущество, Нарендра попросил своего товарища Калипрасада прикоснуться к нему, когда он будет в состоянии сосредоточения. И Кали прикасается к нему и сам впадает в такое же состояние. Рамакришна узнает об этом и строго увещевает Нарендру; он укоряет его в растрачивании для такой легкомысленной цели хлеба на корню и определенно осуждает передачу мысли. Запретно наносить ущерб свободе духа. Вы должны помогать другим. Запретно подменять их мысли своими.

Вскоре после этого Нарендру в состоянии медитации ощутил какой-то светоч, очаг, который был за его затылком; внезапно он лишился сознания и растворился в Абсолюте. Он погрузился в пучины того страшного Нирвикальпа самадхи, который он призывал уже давно и в котором Рамакришна ему отказывал. Когда он пришел в себя, спустя долгое время, ему казалось, что он лишился тела. Он находил только свое лицо и воскликнул:

– Где же мое тело?

Пораженные ужасом мученики побежали к учителю. Рамакришна спокойно ответил:

– Хорошо. Пусть он останется так некоторое время. Он меня достаточно помучил...

Когда Нарендра почувствовал под ногами твердую землю, его охватил невыразимый покой.

Он пошел к учителю. Рамакришна сказал ему:

– Теперь Мать тебе все показала. Но это откровение останется под замком, и я буду хранить ключ. Когда ты выполнишь дело Матери, ты вновь обрешь это сокровище.

И он дал ему указания относительно здоровья и режима на следующие дни.

По мере того как Рамакришна приближался к концу, он отдалялся от всего. Он простирали над печалью учеников свое ясное небо. Евангелие, написанное почти у изголовья умирающего, отмечает гармонический шепот души, как ручейка вечером, при молчании подавленных учеников, в то время как в саду тихо шелестят при лунном свете ветви деревьев, которые шевелит горячий южный ветер. Другим, любимым, которые не могут покориться необходимости потерять его, он рассказывает вполголоса:

– Радха говорила Кришне: «О возлюбленный, живи в моем сердце и не являйся больше в человеческом образе». Но вскоре она начала страдать, не видя своего возлюбленного в образе человеческом. Но воля божья должна быть исполнена. И долго Кришна не являлся в образе человеческом... Господь пришел и воплотился в человечестве. Затем он вернулся с учениками к божественной Матери.

Рахал. Тогда не уходите раньше нас.

Рамакришна улыбнулся с нежностью и сказал:

– Несколько баунов входят внезапно в один дом. Они славят имя божье и танцуют от радости; затем они покидают дом так же внезапно, как пришли; и люди не знают, кто они были...

Он вздыхает:

– Я иногда говорю: «Хоть бы господь пожелал даровать мне милость и не посылать меня больше в этот мир!»

Но он тотчас же добавляет:

– Он (бог) принимает человеческий образ из любви к людям, к чистым душам, любящим господа.

И он смотрит на Нарендру с невыразимой любовью.

9 апреля.

Рамакришна (глядя на веер, которым он обмахивался жаркой ночью). Так же, как я вижу этот веер, который я держу перед собой, я видел бога... И я вижу... (он говорит совсем тихо, положив руку на сердце, и спрашивает). Скажите мне, что я сказал...

Нарендра. Я не мог ясно расслышать.

Рамакришна показывает знаками, что они – его бог и его собственное «я» – слиты воедино.

Нарендра. Да, я – это он.

Рамакришна. Остается только перейти одну черту... Наслаждение блаженством... Все растворилось...

Нарендра. Великие остаются в мире даже после того, как осуществится их освобождение.

Они сохраняют свое «я» и свои страдания, чтобы передать спасение человечеству...

Полная тишина. Потом говорит учитель.

Рамакришна. Крыша у самых глаз, но очень трудно достичь ее.

Нарендра. О да.

Рамакришна. Но тот, кто достиг ее, может бросить вниз веревку и втащить к себе других на крышу...

В эти дни, осуществляя полное слияние всего существующего с единым существом, он увидел, что «все три были одной субстанцией – и жертва, и плаха, и приносящий жертву», и воскликнул слабым голосом:

– О боже, какое видение!

От сильного волнения он лишился чувств; и, придя в себя, сказал:

– Мне хорошо... Мне никогда не было так хорошо.

Страдания его были ужасны. Те, кто знает страшную болезнь, от которой он умер, – рак горла,

– будут растроганы тем, что улыбка доброты и любви не покидала его. Если не было дано этому человеку, которого его индуистские почитатели считали своим Христом, умереть на кресте, то его смертное ложе было таким же крестом.

– Тело одно страдает, – говорил он. – Когда дух соединился с господом, ничего больше не чувствуешь...

Или же:

– Пусть тело и страдания занимаются друг другом. Ты же, мой дух, пребывай в блаженстве!

И он говорил:

– Теперь я и моя божественная Мать слились навсегда воедино.

За три или четыре дня до смерти он позвал Нарендру и просил оставить их вдвоем. Он смотрел на него с любовью и впал в экстаз. Складками своего экстаза он окутал и Нарендру.

Выйдя из мрака, Нарендра увидел Рамакришну плачущим. Учитель сказал ему:

– Сегодня я отдал тебе все и стал бедным факиром, у меня ничего больше нет. Этой силой ты сделаешь большое добро на свете. И только тогда ты возвратишься...

С этого часа все его силы были переданы Нарендре. Учитель и ученик слились воедино.

Воскресенье, 15 августа 1886 года. Последний день.

Днем, несмотря на мучительную боль в горле, у него хватило сил проговорить целых два часа со своими учениками. С наступлением ночи он лишился сознания. Думали, что он мертв. К ночи он проснулся. Прислонившись к пяти или шести подушкам, поддерживаемым телом смиренного ученика Рамакришнананды, в душном полумраке беседовал он до последней минуты со своим возлюбленным учеником Нарендрой; тихим голосом давал ему последние наставления. Затем три раза явственно он произнес имя возлюбленной всей его жизни, божественной Матери – Кали, – и вытянулся. Наивысший экстаз начался. Он пребывал в нем почти до половины двенадцатого, а затем отошел в иной мир... Наступила смерть. Согласно словам его веры, он перешел из одной комнаты в другую...

И ученики его кричали:

– Победа!

ЭПИЛОГ

Человека не стало. Дух начинал свой путь среди людей.

Тотчас же возникла община апостолов. Молодые ученики, бывшие свидетелями его последних месяцев, не могли вернуться к прежней мирской жизни. Никаких средств у них не было. Но четыре семейных ученика – Баларам Бос, у которого временно находились останки Рамакришны, Сурендранатх Митра, Махендрнатх Гупта и Гириш Чандра Гхош, раскаявшийся актер, – ободряли их и помогали им создать свой очаг. Первый дал денег для покупки в Баранагаре, около Ганги, полуразрушенного дома. Это был первый матх, или монастырь.

Около двенадцати учеников сгруппировались там под монастырскими именами, заменившими впоследствии их собственные. Тот, кто был Нарендрой, кто стал известен в дальнейшем под именем Вивекананды, взял на себя, по молчаливому соглашению, управление ими. Он был самый энергичный, самый живой, и учитель избрал его. Между тем как все другие стремились погрузиться в опьяняющую тоску по воспоминаниям и мечте, великий ученик, знавший лучше кого либо притягательную силу этой пучины, но знавший и ее опасности, посвятил себя их воспитанию. Он проносился среди этих отшельников как огненный вихрь; он стряхивал с них их скорбь и блаженное состояние, вырывал их из слишком удобной власти единой навязчивой мысли; он принуждал их знакомиться с другими идеями в мире; он затоплял их питающим дождем своего обширного ума, он заставлял их пробовать от всех плодов дерева познания: различных религий, наук, истории, социологии, он хотел, чтобы они достигли универсальных знаний; он устраивал между ними плодотворные дискуссии, не переставая ни на мгновение поддерживать священный огонь.

В знаменательный день – на Рождество 1886 года – окончательно был подписан и утвержден акт о рождении человека бога. Рассказ об этом захватывает, он сохраняет трепет непредвиденной встречи ночью «прекрасного бога» Запада и Глагола Индии...

Они пришли в Антпур к матери одного ученика (Бабурама).

«...Был поздний вечер. Они собрались у очага, принесли и зажгли большие поленья, и вскоре разгорелся огонь... Индийская ночь расстилала сверху свой полог. Вокруг царил невыразимый покой уснувших полей. Они размышляли в тишине... Вивекананда начал рассказывать историю Господа Иисуса. Он говорил о чудесной тайне Рождества Христова и Благовещения... Монахи, полные блаженства, переживали дни бегства в Египет. Они следовали за дитятей Христом в храм, где его окружали еврейские мудрецы... Они были с ним, когда он собирал своих первых учеников; и им казалось, что они знали его так же, как знали своего собственного учителя. Многие сходные черты Христа и Рамакришны как в мыслях и действиях, так и в отношениях с учениками воскрешали в их памяти блаженные дни, проведенные с учителем. Слова Искупителя раздавались в их ушах как хорошо знакомые слова...»

Рассказ о страстях Христовых, распятии на кресте и вознесении погружал их в бездну раздумья... Красноречие Нарендры ввело их в общество апостолов, где Павел проповедовал Евангелие. Огонь Пятидесятницы пожирал их души в тиши бенгальской деревни, и в воздухе ночи звучали имена то Христа, то Рамакришны.

Тогда Вивекананда обратился к монахам. Он приказал им самим стать христианами и помочь искуплению мира. Они должны были сами отрешиться от всего, как это сделал Иисус, и осуществить познание бога. Они стояли у костра, огненные языки бросали красный отблеск на их лица. Треск дров нарушал течение их мысли, и они тогда торжественно приняли обет вечного Саньяса, один перед другим и все перед богом.

«И только когда все было завершено, монахи вспомнили, что эта ночь – была кануном Рождества».

Прекрасный и глубокий символ рождения нового дня божьего.

Но пусть Европа не ошибется, читая этот рассказ. Это не возврат в Иордан. Это слияние Иордана и Ганги. Две слившиеся реки, смешавшись (и с ними многие другие), возобновляют вместе свое течение в расширенном русле.

* * *

Новый орден, едва возникнув, имел уже ту особенность, что он не только соединял в себе силу веры восточной и западной, не только объединял энциклопедическое изучение научных

дисциплин и религиозную медитацию, но и связывал идеал созерцания с идеалом служения человечеству.

И с первых же дней духовные сыны Рамакришны не заперлись в стенах монастыря. Один за другим они рассеялись по всему миру в виде скитающихся монахов. Только один Рамакришнананда (Шашибхушан), охраняя останки, остался на житье в голубятне, куда перелетные птицы периодически возвращались на отдых. Уже в последние дни жизни учителя он воплощал смиренный идеал Марты: «Di epen, dienen» – «служить» (слово Парсифаля) – служить учителю в его страдании, служить братьям в Их молитвах, служить телу тех, чей дух служит богу. Это был его способ «познавать бога». И старик Лев Толстой сказал бы, что способ этот был наилучшим.

Но каждый имел свой собственный способ. И каждый, не зная этого, своими природными свойствами представлял одну сторону, одну фазу многогранной личности Рамакришны. Когда они были все вместе, он был представлен весь целиком.

Их могущественный глашатай – Вивекананда, выражая веру всех, ушел возвестить миру слово того, кто реализовал, как говорят, живой синтез духовных сил Индии.

«Я имел счастье сидеть у ног того, чья жизнь в тысячу раз больше, чем его учение, была живым комментарием текстов Упанишад, была духом Упанишад, воплощением в человеческом образе, гармонией всех многообразных идей Индии. Индия была богата мыслителями и мудрецами. Один имел глубокий ум, другой – большое сердце. Настало время, чтобы родился тот, кто объединил бы такое сердце и такой ум, кто в одном теле обладал бы блестящим интеллектом Шанкары и чудесным сердцем Чайтаньи, кто во всяком увидел бы тот же действующий дух, того же бога, увидел бы божественное в каждом существе, тот, чье сердце оплакивало бы всех бедных, отверженных, угнетенных в Индии и вне ее, – тот, кто осуществил бы всеобщую гармонию, веру разума в любви... Такой человек родился... Было необходимо, чтобы он явился, – он явился. И самое чудесное было то, что дело его жизни развернулось у ворот города, всецело проникнутого западной мыслью, города, помешанного на ложном, привозном оксидентализме, более европеизированного, чем любой другой город в Индии... Здесь он жил без всякой книжной науки. Этот гениальный ум едва мог написать свое имя, но самые известные ученые нашего университета признавали его гигантом ума... Мудрец, завершивший тысячелетнее дело индуистских мудрецов... Мудрец нашего времени, учение которого принесло больше всего благодеяний в настоящий час... Если я когда нибудь сказал людям слово правды – это было его слово, его целиком. Только мои ошибки принадлежат мне».

Так унижался у ног смиренного Рамакришны самый умный, самый властный, самый, по справедливости, гордый из больших религиозных умов современной Индии. Тот, кто был святым Павлом бенгальской миссии. Тот, кто основал Церковь и доктрину.

Тот, кто обошел весь мир и был водопроводом, – подобным тому, чьи прекрасные арки пересекают римскую Кампанию, – по которому потоки духа распространились из Индии в Европу и из Европы в Индию, соединяя научный разум с верой Веданты и прошлое с будущим.

Это плавание по морю души я опишу в следующем томе. В настоящем томе я повел дух Запада в дальние страны религиозного мифа, где дерево Бриарей, гигантское фиговое дерево, которое у нас слишком привыкли считать мертвым и засохшим, продолжает растить свои громадные ветви. Я его приведу теперь обратно непредвиденными путями в его жилище, где царствует современный разум. И мы откроем, когда вернемся, что перешеек веков, отделяющий один мир от другого, кажется для беспроводного телеграфа нашего свободного взгляда не толще волоса и не длительнее мгновения.

Приложение I ФИЗИОЛОГИЯ ИНДИЙСКОЙ АСКЕЗЫ

Мистический опыт в Индии не является, как это (ошибочно) кажется религиозной Европе, индивидуальным счастьем (или несчастьем, по словам «неверующих»). Пути единения с богом были терпеливо, тщательно выявлены, пройдены, отмечены в течение веков на карте сознания. Чтобы достичь цели, каждому остается лишь следовать по дорожной карте. Она заключает в себе тончайшее познание – хотя и высказанное в странных терминах –

человеческого организма.

Поль Массой Урсель посвятил этим индийским доктринам мистической физиологии серьезно обоснованную статью в «Журнале психологии» за 1922 год.

Наиболее интеллектуальные йогины пользуются пневматической физиологией, «неослабной респираторной гимнастикой». Тантристская литература, с которой Европа лучше ознакомилась после опубликования работ сэра Джона Вудрофа (А.Авалона), говорит о постепенном отрешении от тела при употреблении своих сил и о «бегстве» к богу при прохождении шести этапов, шести шакр (кругов), или нервных центров, расположенных в лежащих один над другим пунктах в верхнем отделе спинного мозга:

Адхара – на границе поясничных позвонков, близ крестцового сплетения, под генитальными органами;

Свадхистхана – на уровне этих органов и сразу над ними;

Манипура – на уровне пупка;

Анахата – на уровне сердца;

Вишуддха – у голосовых связок;

Айна (глаз Шивы) – между бровями. (Это физиологическое описание находится уже в Ханса Упанишаде.)

Наверху, наконец, дверь господ, расщелина Брахмана, открывающаяся у седьмого и последнего этапа – Сахасрара, «лотоса из тысячи лепестков», в мозговых полушариях.

Совершающийся подъем с одной ступени на другую – дело психической силы, которая под названием Кундалини дремлет внизу, свернувшись треугольником вокруг себя, как змей. Змей пробуждается, растягивается, поднимается и через узкий канал проскальзывает наверх.

Вся эта физиология мистического восхождения точно описана на основе их личного опыта, подтверждающего коллективный опыт индийских тысячелетий, в беседах Рамакришны и в трудах, написанных Вивеканандой (в особенности в его Раджа йоге, где индуистский учитель, близко знакомый с западной наукой, старается показать соответствие между индийской и европейской терминологией).

По Вивекананде, сохраняющему античную интерпретацию пневматичности мира, жизненный флюид – это Прана (πνεῦμα). Отсюда исходит тремя ступенями мысль: а) сознательная, б) подсознательная и в) надсознательная – вне разума. Раджа йога – это наука о контроле жизненной силы (Пране) для управления ее восхождением. Человек в состоянии медитации концентрирует Прану. Но всякое нарушение равновесия Праны причиняет нам страдания. Итак, выявляется необходимость обучения дыханию; и гуру (учитель) здесь главенствует. Советы о контроле и об упражнениях, даваемые Вивеканандой были бы превосходны во всех случаях жизни.

Держать очень прямо голову, шею и грудь, не сидеть косо, избегать положения, могущего быть неудобным для спинного мозга. Научиться ритмично размеренно дышать каждой ноздрей попеременно, сосредоточивая мысль на нервном токе, на центре. До бавлять несколько слов к ритму дыхания, чтобы лучше его скандировать, отмечать его и управлять им. Пусть все тело станет ритмичным. Так обучаешься настоящему господству над собой и настоящему отдыху покою для лица и голоса.

Благодаря ритмическому дыханию все мало помалу координируется в организме. Все молекулы тела принимают одно и то же направление. Тело в целом становится страшным огнем воли, превратившейся в нервный ток (Вивекананда сравнивает эту силу с электрическим током). Кундалини Шаки (сущность духовной силы) – сама Мать в глазах Вивекананды свернувшаяся клубком в глубине каждого существа, пробуждается от правильных дыхательных движений сушума (дверь, обычно закрытая) раскрывается, и великий змей производит свое восхождение.

Нужно отметить, что во время такой концентрации духа индуистский учитель особенно рекомендует подавлять в себе всякое возбуждение: он считает, что прибегать к нему опасно и что оно никогда не дает длительного результата; падающая сила совращается и уклоняется с пути в эротических вспышках. Вивекананда всегда, со строгой заботливостью, старается предупредить опасность спустить с цепи неосторожными упражнениями демонов чувственности; он запрещает некоторые киртаны (танцы и песни), пробуждающие жизненную силу ценой вспышки нездоровой чувственности.

И вот открыты шлюзы большого течения, накапливающегося в каждом человеке, но мало людей знают, как управлять затвором. Поток силы начинает подниматься...

Первый центр у основания спинного хребта – у крестца – является главным. Он – основа производительной субстанции и чувственных сил: йогины символизируют его в виде треугольника, в котором заключен свернутый змей. Следует претворить чувственные силы в мозговые силы, или «оджа». Всякая хорошая мысль, всякая молитва способствует этому. Только у человеческих существ может свершиться скопление «оджа». Тот, у кого вся животная сила превратится в «оджа», будет богом. Ни один мужчина, ни одна женщина не могут быть действительно духовными, прежде чем сексуальная сила, являющаяся наивысшим могуществом, коим обладает человек, будет претворена в «оджа», ибо ни одна сила не может быть создана, она может быть только превращена и направлена. Так, чистота есть основа каждой глубокой морали, как и каждой настоящей религии. Раджа йога считает условием *sine qua* поп абсолютное целомудрие в действии, слове и мысли. Этот закон применяется ко всем, к людям женатым и холостым, и еще с большим основанием к людям духовным. Если растрачиваешь самые могущественные силы своего существа, нельзя стать духовным. Это почти текстуально (я уже это говорил) слова Бетховена, отвергавшего предложения той, кем он хотел обладать.

«Если бы я хотел так пожертвовать своей жизненной силой, то что бы осталось для возвышенного, для лучшего».

История каждого великого провидца всех времен является подтверждением этого инстинкта и этого урока.

По описаниям Рамакришны, до восхождения Кундалини в четвертый круг (сердце), где начинает проявляться божественное сияние, человек, сосредоточиваясь, может говорить. Когда восходящая энергия достигает горла, он не может больше ни говорить, ни слышать ни о чем, кроме бога. Затем наступает безмолвие. На уровне ресниц является в самадхи (экстазе) видение высшей души – Параматман; только один туго натянутый покров отделяет человека от Абсолютного Существа; кажется, что растворяешься в нем, но это не так; можно еще спуститься на четвертую ступень, не ниже. Нужен вообще двадцать один день, чтобы отсюда достичь седьмой плоскости, где слышен «он», совершенный звук, обнимающий громадную симфонию Вселенной. Все кончено. Это – Нирвикальпа самадхи, откуда вывести может только чудо.

Само собой разумеется, что этот страшный подъем, вызывающий прилив крови, должен иметь фатальный исход, если он доведен до конца, – и на какой ступени ни остановиться, его действие никогда не лишено опасности. Рамакришна говорит о мурашках, бегающих с самого начала по телу, с головы до ног. Он видит огненных мошек, светящиеся туманы, расплавленный металл. Грудь краснеет и сохраняет кирпично-красно-золотистый оттенок. Все тело горит. Во время своих страстных экстазов в честь Кришны у Рамакришны выступают на коже мельчайшие капельки крови. В течение другого периода, после тантристских обрядов, цвет его кожи изменяется, становится золотистым; золотой амулет на груди больше не выделяется. От тела исходит какое-то сияние. При выходе из этих состояний экстаза глаза его красны, «как от укусов муравьев»; однажды вечером из его раздраженного нёба потекла черная кровь, которая свертывалась; садху, увидевший это, сказал ему, что это кровотечение спасло его от кровоизлияния в мозг. У Вивекананды после углубленной медитации также появляются скопления крови в глазу. Многие экстатики умирают в таком экстазе от мозговых кровоизлияний. И весьма вероятно, что рак горла, от которого умер Рамакришна, вызван был постоянным раздражением слизистой оболочки во время таких экстазов.

Поэтому и Рамакришна, и Вивекананда, прекрасно понимавшие все эти опасности, остерегаются подвергать им своих учеников. Рамакришна начинает всегда с исследования крепости их телосложения, в особенности груди и слизистой оболочки рта и горла. Если результат неудовлетворителен, учитель такие упражнения настрого запрещает и постоянно их контролирует и сдерживает. Он никому не разрешает попытки наивысшего подъема. Один Вивекананда получает этот исключительный дар после годов мольбы, накануне смерти учителя, передавшего ему все свои возможности. И никто не высказывается более резко против бесконтрольного употребления экстаза, чем Вивекананда. Никто так резко не предостерегает молодых учеников от приема этих средств, которые могут повлечь за собой

умственное расстройство или даже моральное разложение. В общем, оба учителя не советуют применять физиологические упражнения, очень длинные и рискованные; нельзя терять время на такую йогистскую акробатику. Жизнь коротка, к цели можно прийти более простым путем, естественными чувствами. Мы слышали, что заявлял Рамакришна: «Эти обряды не для нашего времени... Они не имеют другой цели, как сосредоточение духа, а этого легко достигнуть благочестивыми размышлениями».

Также и у христианских учителей чистая молитва и мистика – по словам Франциска Сальского – одно и то же.

И мужественный Вивекананда говорил юному бенгальцу, изнуренному поисками духовного сосредоточения:

– Дитя мое! Если вы верите мне, откройте прежде всего дверь вашей комнаты и посмотрите вокруг себя, вместо того чтобы закрывать глаза... Если хотите покоя души, служите другим. Вот мое слово.

Или более энергично:

– Если хотите обрести бога, служите человеку.

Приложение II

«СЕМЬ ДОЛИН МЕДИТАЦИИ»

«...Я молился дни, недели, месяцы. Наконец дух мой взлетел над крутыми берегами этого мира в воды первой из Семи Долин. Неведомый свет, точно второе солнце, сверкал над всем, что предстало предо мною. Все предметы земли, на которых останавливался мой взор, были прекрасны. Куда я ни бросал свой взгляд, Красота и Духовность вылетали из самой материи, как тигр из своего логовища. Вид стольких чудес вызвал во мне жадные желания. „Овладей, овладей!“ – кричали они мне. Мне страстно захотелось вкусить, ощутить все красоты, окружавшие меня. В этот миг другой крик поднялся во мне: „Остерегайся! Остерегайся зловещих соблазнов этой долины!“

Я усилил медитацию, я горячо молился, чтобы освободиться от ловушек этой долины. Через несколько месяцев чувственный мир не соблазнял меня больше. Медленно выпала из моего сознания Первая Долина, как остов добычи падает из когтей орла.

Я вошел во Вторую Долину. Там я не был больше захвачен материальной красотой всего того, что видел. Свет, обнимающий мир, был теперь более утонченным, нежным, успокаивающим. Я чувствовал себя здесь счастливым. Смутные прекрасные очертания, прекрасные оттенки красок, прекрасные звуки тихо доносились до меня. Я задумал прервать медитацию и остаться здесь. Но тогда меня охватил соблазн создать Жизнь... Пол... В прекрасном свете этой Второй Долины он имеет видимость блаженства и могущества. Но душа должна противостоять этому соблазну. Мое сознание постаралось отразить штурм этой красоты... Вначале огонь озарения едва горел. Мало помалу он стал давать большой блеск. Через несколько дней он превратился в снопы света. И это пожирающее пламя истребило Вторую Долину...

Так я достиг третьего этапа. В этой Третьей Долине чувство силы, которое я испытал во Второй, возросло в сто раз. Мне казалось, что я мог бы взять солнце в руки и раздавить его, превратив в горсть горящего пепла. Нужно сопротивляться этому соблазну: он – только испытание характера. Нет соблазна более низкого, чем это чувство могущества... Я раздул огонь своего раздумья. Как пасть гадюки, наваждение держало меня в своей власти. Но душа моя устояла. Я поднимался все выше, все выше на крыльях раздумья. И змея открыла свою пасть и отделилась от моего тела.

Тогда, подобно слону, опрокидывающему преграду, я ринулся в Четвертую Долину – свет сердца божьего... Казалось, моя душа – факел, зажженный от его огня; свет, струящийся от него, обнимал все сущее. Камни и звезды также увлеченно пели гимн бесконечному. В этой Четвертой Долине я почувствовал себя более или менее защищенным от соблазна. Однако я решил не задерживаться здесь...

Затем последовал длинный период постов, молитв и размышлений...

Мне не пришлось долго ждать. Свет моего сердца расширился. Он отражался в широком кругу, как снопы солнечных лучей... И вот я достиг Долины Выражения. Мои чувства и мысли, каждая частица моего существа, каждое его биение были озарены светом.

Из моего горла вырвались слова восторга и благословения. Я не переставал восхвалять господу, и если кто либо говорил об удовольствии и обладании, его слова ударяли меня, как розги. Это было до того сильно, что, когда один мой родственник пришел посоветоваться по семейным делам, я убежал и спрятался в кустах Панчавати. Друзья, старавшиеся удержать меня, казались мне колодцем, куда меня тянули за ноги. Я задыхался в глубине темной дыры. Я мог найти мир, только покинув их. Словом, в этой Долине нет терпимости и любви ко всем. Нужно пройти ее.

Я погрузился в еще более глубокие медитации. Я был в моих молитвах подобен тигру, готовому к прыжку. Внезапно я увидел перед собой какой то образ. Я бросился вперед... одним прыжком я перелетел в Шестую Долину. Долину Турья. Там я был вблизи Любимого. Я мог его видеть и слышать в соседней комнате. Только тонкая перегородка отделяла душу от Самого Себя... Наконец я знал, что вошел в Дом Единения...

Из Шестой Долины нетрудно перейти в Седьмую. Там ни одно слово не имеет ни значения, ни пустоты человеческой мысли. Только душа, объятая молчанием, может поднять покров, отделяющий Его от полного слияния».

Приложение III ШАРАДАДЕВИ И РАЗБОЙНИКИ

Чтобы встретиться со своим супругом, Шарададеви часто должна была проходить пешком равнину между Камарпукуром и Дакшинешваром, наводненную в то время многочисленными разбойниками, поклонявшимися Кали...

Однажды она возвращалась в Дакшинешвар вместе с другими. Она очень устала. Когда ночь спустилась на землю, она не могла больше следовать за маленьким караваном, и ее оставили одну позади. Вскоре она потеряла своих спутников из виду и осталась одна темной ночью у входа в опасную равнину. В эту минуту она заметила смуглого человека, большого и сильного, который приближался к ней с дубиной на плече; кто то шел следом за ним. Она увидела, что не может спрятаться, и осталась неподвижной. Человек подошел и сказал грубым голосом:

– Что ты тут делаешь в такой поздний час?

Она ответила:

– Отец, мои спутники покинули меня, и я заблудилась. Будьте так добры, отведите меня к ним. Ваш зять живет в храме Кали, в Дакшинешваре. Я иду к нему. Если вы меня проводите до этих мест, он встретит вас с большим почетом.

В это время приблизилась и та, что шла следом. Шарададеви узнала с облегчением, что это была жена говорившего с ней человека. Она взяла ее за руку и сказала:

– Мать, я ваша дочь Шарада, я потерялась здесь одна. Мои спутники оставили меня. К счастью, вы пришли – вы и отец. Иначе я не знаю, что бы со мной стало.

Это наивное обращение, эта абсолютная вера, эти милые слова тронули сердце мужчины и женщины. Они принадлежали к низшей касте, но они забыли обо всем и отнеслись к Шараде как к дочери. Она устала. Они уложили ее в одной лачуге ближайшей деревни. Женщина разостлала свои собственные одежды, чтобы сделать ей постель. Муж принес ей вареного риса, который он взял в лачуге. Они охраняли ее, как родные, всю ночь и назавтра проводили в Таракешвар, где предложили ей отдохнуть.

Жена сказала мужу:

– Дочке моей вчера нечего было есть. Пойди на базар за овощами и рыбой. Нужно ее хорошенько накормить сегодня.

В то время, когда мужа не было, явились спутники Шарады. Они искали ее. Она познакомила их со своими родными багди и сказала:

– Я не знаю, что случилось бы со мной, если бы они не пришли и не приютили меня.

– Когда мы расставались, – рассказывала она, – эта единственная ночь сделала нас столь дорогими друг другу, что я плакала от горя, прощаясь с ними. Я взяла с них обещание прийти ко мне в Дакшинешвар. Они немного проводили нас. Женщина нарвала зеленого гороха на краю дороги и, привязав его к поле моего сари, сказала:

– Мать Шарада, сегодня, вкушая вареный рис, отведайте и этого.

Они несколько раз приходили в Дакшинешвар и приносили разные подарки. «Он вел себя с

ними как зять и относился к ним с большой любовью и уважением. Хотя названный отец мой дакоит был таким добрым и простым, я подозреваю, что он неоднократно принимал участие в разбоях».

(The Modern Review, июнь 1927 г.)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Главным источником для истории Рамакришны является большая биография, скомпилированная по рассказам его учеников и опубликованная Свами Мадхаванандой: «Life of Sri Ramakrishna, compiled from various authentic sources», в одном томе в 765 страниц, в издании Адвайта Ашрам (умственный центр ордена), Маявати, Алмора, Гималаи, 1925 (Himalayan Series, No. XLVII).

Ей предшествует краткое введение Ганди, которое, по моему мнению, интересно воспроизвести.

«История жизни Рамакришны Парамахансы – это история религии, воплощенной в жизни. Его жизнь позволяет нам видеть бога лицом к лицу. Каждый сможет, прочтя эту историю, убедиться, что только бог один реален и что все остальное – иллюзия. Рамакришна был живым воплощением Godliness. Его слова – слова не только ученого: это страницы, взятые из Книги Жизни; они являются откровением его собственного опыта. Они производят на читателя впечатление, которому он не может противостоять. В наш век скептицизма Рамакришна дает пример яркой и живой веры, приносящей утешение тысячам мужчин и женщин, иначе бы оставшихся без духовного совета. Жизнь Рамакришны была практическим уроком Ахимсы (непротивления). Его любовь вдохновляет всех, прочитавших эти страницы.

М. К. Ганди»

Как устанавливает примечание издателей, этот труд основан на работах Свами Шарадананды, прямого ученика учителя и секретаря «Миссии Рамакришны» в течение четверти века, – на работах Рамчандры Датта, Акшайкумара Сена – также учеников Рамакришны, на воспоминаниях, собранных Приянатхом Синхом (иначе – Гурудас Вар ман), учеником Вивекананды, на беседах учителя, записанных Махендранатхом Гуптой.

Эта компиляция, весьма ценная из-за проявленного старания собрать из первых рук буквально все документы, разбросанные повсюду, имеет то неудобство, что документы эти собраны без определенного порядка и без критики. Отсутствие (до настоящего времени) алфавитного указателя еще более затрудняет исследования.

2. Многим превосходит вышеуказанную работу в отношении порядка и разумности составления труд Свами Шарадананды, который, впрочем, пользуется предыдущей книгой. Он написан по бенгальски, в пяти томах и не составляет полной и последовательной истории жизни. Рассказ, к несчастью прерванный смертью Шарадананды в 1927 году, останавливается на днях, когда больного Рамакришну переносят в сады Каши пура, и не говорит о последних месяцах. Это произведение дает неполные сведения и об учениках Рамакришны; оно говорит лишь о некоторых, и главным образом о Вивекананде.

Общее название бенгальской серии:

«Шри Рамакришна лила прасанга».

Вот названия пяти томов по бенгальски:

I и II – Гурубхаб (Шри Рамакришна как гуру, или учитель).

III – Балло джибон (Молодость Рамакришны).

IV – Шадхокабхаб (Рамакришна как Садхака).

V – Диббо бхаб (Шри Рамакришна в своих божественных образах).

Только два тома появились на английском языке – первый, написанный непосредственно Шараданандой, второй, переведенный с бенгальского оригинала.

Несколько глав бенгальского труда было опубликовано в обзоре Миссии Рамакришны – Prabuddha Bharata (отношения Рамакришны и Вивекананды) и в английских журналах.

Шарадананда задумал этот труд в форме изложения разнообразных проявлений этой жизни, не давая последовательного рассказа. По этому плану написаны по бенгальски два первых тома. Затем Шарадананда пришел к мысли о биографии. Третий том посвящен юности,

четвертый – годам, когда Рамакришна предавался садхане. Он доводит нас до конца этих упражнений и до начала сношений с Брахма Самаджем; здесь освещается роль Рамакришны как учителя (но еще не как религиозное явление). Пятый том описывает учителя среди своих учеников и говорит о начале болезни. Дойдя до этого места в своей работе, Шарадананда пришлось присутствовать при смерти Святой Матери (жены Рамакришны), затем – Свами Брахмананды, бывшего вместе с Вивеканандой любимым учеником и первым настоятелем ордена. Он был так этим потрясен, что оставил свою написанную работу и посвятил себя исключительно медитации.

Несмотря на неполноту работы, она весьма важна по своему содержанию. Шарадананда является авторитетом и как историк, и как философ. Его книги богаты метафизическими данными, позволяющими точно установить духовное явление Рамакришны в полном развитии индуистской мысли.

Если вы заметите некоторое отличие между работой на бенгальском языке Шарадананды и «Жизнью Рамакришны» (№ 1) – коллективным трудом Ramakrishna Mission, то нужно отдать предпочтение последней по свидетельству, полученному мною от Свами Ашокананды, ибо этот труд составлен с помощью Шарадананды и позднее, чем его собственная работа.

3. Gospel of Sri Ramakrishna (according to M. a son of the Lord and disciple) – or the ideal Man for India and for the World – два тома, Мадрас, Ramakrishna Math, изданные «Миссией» в марте 1897 г., предваренные двумя письмами Вивекананды, 2 е изд., 1911. Новые издания 1922, 1924 гг.

Это «Евангелие Рамакришны», использованное также в большой биографии № 1, является точной записью М. (Махендранатха Гупты, директора одного учебного заведения в Калькутте) бесед с учителем, в которых он сам принимал участие или слушал их в течение четырех лет, с лета 1882 г. Они имеют почти стенографическую точность. Хороший алфавитный указатель позволяет разобраться в разнообразии тем, вызванных случайностями дня.

4. The Life of Swami Vivekananda by his eastern and western disciples. The Advaita Ashrama, Himalayas, the semi centenary birthday memorial edition in three volumes published by the Swami Virajananda from the Prabuddha Bharata Office Advaita Ashrama. Mayavati, Almora, Himalayas, т. I и II – 1914, т. III – 1915, т. IV – 1918.

Эта большая биография ученика Рамакришны, св. Павла ордена, представляет не только значительный интерес для истории его собственной жизни, но также и для истории жизни его учителя, ибо в ней записаны его непосредственные воспоминания.

Полезно также ознакомиться с полным собранием сочинений Вивекананды в 7 томах (3 е издание, 1923 г.).

Он часто говорит там об учителе с благоговейной благодарностью. Именно ему он посвящает знаменитую лекцию в Нью Йорке, изданную под названием: «My Master» – в томе IV его сочинений.

5. «Sri Ramakrishna's Teachings» – «Поучения Шри Рамакришны», 2 тома. 1916 и 1920 гг. Адвайта Ашрам Майявати.

Это собрание мыслей, взятых из различных бесед учителя, именно из «Евангелия Рамакришны», и расположенных в определенном порядке. Оно имеет особую ценность как небольшое практическое руководство. Оно появилось в отрывках в журнале ордена «Prabuddha Bharata» и в других индийских журналах между 1900 и 1913 гг. Г-жа Е. фон Пеле подготавливает в настоящее время немецкое издание.

6. «Words of the Master» – «Слова учителя» (Избранные поучения Шри Рамакришны), – собранные Свами Брахманандой, 1924 г. Издательство Udbodhdhan Office, Багбазар, Калькутта.

Еще одна маленькая антология, наибольший интерес которой заключается в личности того, кто составил ее.

7. Макс Мюллер. «Rama Krishna, his Life and Sayings», Лонгман, Грин и К0 – 1 е издание 1898 г., новое издание 1923 г.

Макс Мюллер лично знал в Англии Вивекананду и просил его рассказать все о жизни его учителя. Его маленькая работа основана, таким образом, на документах из первых рук, и он пользуется ими со своим широким, ясным критическим умом, объединяющим научные требования Востока с благородным пониманием всех форм мысли.

8. Дханагопал Мукерджи, «The Face of Silence», Нью Йорк, Е. П. Деттон и К°, 1926 г. Это книга большой художественной ценности, являющаяся блестящим изображением всей личности учителя в атмосфере современной ему Индии. Мукерджи ознакомился со всеми важнейшими документами. Он беседовал также со многими выдающимися членами Ramakrishna Mission, знавшими учителя, как, например, Свами Туриянандой, и использовал «Воспоминания» Свами Премананды, одного из любимейших учеников Рамакришны. Я уже сказал, что «Миссия Рамакришны» была ему не особенно признательна за ту исключительную вольность, с которой его живое воображение художника распорядилось иногда переданными ему словами и – что мне кажется еще более серьезным – самим характером Рамакришны. Но несмотря на эти промахи, я не могу забыть, что чтению этого прекрасного произведения я обязан моим первым знакомством с Рамакришной и порывом, заставившим меня взяться за собственную работу о нем. Я сохраню к нему благодарность. С поразительным талантом Мукерджи сумел в своей книге выбрать и осветить то, что в личности Рамакришны могло привлечь умы Европы и Америки, не задевая их. Я считал необходимым проявить осторожность и, цитируя документы, никогда не разрешал себе «поэтизировать» их.

9. Полезно ознакомиться с индийскими журналами ордена Рамакришны, печатавшими и часто печатающими исследования и неизданные воспоминания об учителе и его учениках главным образом с «Prabuddha Bharata» и с «Ve danta Kesari».

Я вначале сказал, насколько я обязан хорошим советом и сведениям «Миссии Рамакришны», никогда не устававшей снабжать меня документами и отвечать на мои вопросы. Я приношу ей снова свою благодарность.

ИКОНОГРАФИЯ

Только три изображения Рамакришны являются более или менее достоверными:

1) Фотография, напечатанная в большой английской биографии, составленной Адвайтой Ашрамом (с. 269). Рамакришну отвезли к фотографу и втянули его в духовную беседу, во время которой он впал в самадхи. Тогда его сфотографировали. Увидев фотографию впоследствии, Рамакришна заметил, что она изображает высокую степень состояния йога.

2) Снимок, напечатанный в т. IV полного собрания сочинений Вивекананды (с. 150).

3) Фотография, снятая во время киртаны (религиозной пляски и песни), в котором он принимал участие. Он – на пороге экстаза. Ученики приближаются к нему, чтобы его поддержать.

Картина в красках, изображенная на заглавном листе большой биографии на английском языке, была написана чешским художником Францем Дворжаком, но не с живой модели. Ученики находят в нем много сходства, но считают краски слишком яркими.

ОТКРОВЕНИЯ ШРИ РАМАКРИШНЫ

Вот вы все лепечете: «према» да «према», а знаете ли вы, что есть эта любовь? Святой Чайтанья – вот он Ишвару господу истинно любил, уж он то знал, что такое «према». У той любви есть два признака. Первый – с нею человек про все забывает; от любви ко Всевышнему словно бы ума лишается, сам себя не помнит... Второй признак према любви – это когда перестаешь тело свое беречь да холить, когда вовсе думать о нем перестаешь. Также и постигнутого Ишвару по нескольким признакам распознать можно, и тому, чья душа полна сокровищами любви, он не замедлит явить себя. Что это за сокровища? – спросите вы. Во первых, отрешенность от всего суетного; во вторых, милосердие ко всякой твари живой; в третьих, почитание людей светлых – сад ху. А еще – киртана – непрестанное повторение имен божественных и стремление к истине.

Из беседы Шри Рамакришны.

8 апреля 1883 г.

В ряду личностей, с чьими именами связано духовное возрождение Индии да рубеже XIX и

XX веков, Шри Рамакришна занимает особое место.

Он не был ни поэтом, ни общественным деятелем; он никогда не считал себя профессиональным проповедником и тем более религиозным реформатором. Тем не менее начатое им движение, центром которого в настоящее время является пользующийся мировой известностью Институт Духовной Культуры (Калькутта), наложило отпечаток на все области общественной и политической жизни новой Индии.

Сын скромного брахмана из глухой бенгальской деревушки Камарпукур, едва окончив начальную школу, рано осознает свое призвание; как и оба брата, он становится вначале домашним жрецом, затем жрецом в только что основанном храме богини Кали в Дакшинешваре, неподалеку от Калькутты.

Однако вскоре ритуальное служение отходит для него на второй план. Повинуясь «Матушке Кали» (так он называет Верховное Божество), с которой он беседует во время экстатических состояний (самадхи), Шри Рамакришн на собирает вокруг себя юношей подростков из окрестных деревень. В долгих душевных беседах он делится с ними своим духовным опытом. Вскоре место его постоянного пребывания – Дакшинешвар – становится центром паломничества для людей самых разных сословий, верований и национальностей.

Объяснение этому, видимо, следует искать в поразительной врожденной интуиции Рамакришны, которая и помогла ему стать выразителем требований наступающей эпохи. Глубинной проблемой для Индии конца XIX – начала XX века стала проблема постепенной утраты культурной, а следовательно, и духовной преемственности, что в первую очередь было связано с изменением соотношения между двумя ключевыми понятиями – идеалом и верой. До XIX века в сознании каждого индийца эти два понятия воспринимались в органическом единстве. В основе идеала – в его различных аспектах, от творческого до поведенческого, – лежал принцип веры, определяемый емким понятием «дхарма».

Экономические и политические сдвиги в структуре общества и внешнее нарушение сословных институтов, характерных для средневековья, привели к тому, что представления об идеале постепенно отделились от религиозной доктрины. Европейская поведенческая модель открыто обозначила себя в качестве новых идеалов: главным становятся заработок, достаток, должность, популярность. Процесс внешней европеизации и утери «догмата» вызвал глубокую озабоченность в самых различных кругах индийского общества. Следствием этого стало появление многочисленных религиозно реформаторских объединений (Ария Самадж, Брахма Самадж, Атмийо Сабха, Татхвабодхини Сабха и пр.). Их вдохновителями, организаторами и активными участниками сделались видные деятели индийской интеллигенции (в том числе дед, отец и сын Тагоры, Раммохан Рай, Ишварчандра Видьясагар, Кешавчандра Сен и другие), а также люди, в той или иной мере имевшие доступ к печатному слову. Их самоотверженная религиозно просветительская деятельность дала мощный импульс развитию журналистики и новой литературы. Осуществленные ими переводы с санскрита на новоиндийские и европейские языки Упанишад и других классических трудов продолжили культурную преемственность и сыграли важную роль в формировании национального самосознания.

Однако два момента существенно снижали положительный эффект подобной деятельности: неизбежные яростные споры между членами различных обществ по вопросам трактовки терминов и ритуалов, а также сравнительно узкая сфера их влияния.

Известность Шри Рамакришны была связана с совершенно иной средой и имела совсем иные корни. Основой основ духовной жизни индийца всегда было религиозно почтительное отношение к изреченному слову, к звуку как таковому, к слову как проявлению Высшего начала, как к «способу выхода в сферу вне этого мира». Именно поэтому в Индии традиция изустного сказа, притчи, передачи «сокровенного знания» – о земных воплощениях Всевышнего – аватарах, о героях древности, религиозных наставниках и подвижниках, – сохранялась непрерывной в течение многих столетий, несмотря на внешние катаклизмы. Блестящая память, великолепные музыкальные способности Шри Рамакришны, детство, проведенное в среде с ненарушенным, традиционным укладом; постоянное общение со странствующими певцами, монахами, толкователями священных заветов, исполнителями религиозных мистерий джатры; сама атмосфера благочестивой, строго придерживавшейся ритуалов семьи – все это дало ему возможность приобрести энциклопедические познания в

области традиционной индийской культуры. Однако все это, вместе взятое, едва ли снискало бы ему славу аватары, если бы провидение не наделило его уникальным даром – сверхъестественной способностью к самососредоточению, способностью в момент религиозного порыва полностью отключаться от мира чувственного восприятия. Именно это его феноменальное свойство имел в виду один из самых милых сердцу Шри Рамакришны отроков – Нарендра (впоследствии ставший известным всему миру как Свами Вивека нанда), когда назвал своего наставника «живым комментарием к ведам», когда писал о том, что Шри Рамакришна «за единое рождение сумел пройти весь цикл религиозного бытия Индии». Основным источником вдохновенной веры Шри Рамакришны во всепобеждающую, всеочищающую силу любви ко Всевышнему стало движение бхакти, которое в Бенгалии возглавил Чайтанья (1485–1533).

Можно отметить четыре основных аспекта учения Шри Рамакришны, благодаря которым губительный для духовного здоровья нации разрыв между реалиями современного бытия и традиционными религиозными принципами был во многом преодолен.

Первое. Шри Рамакришна в своих задушевных беседах (это были отнюдь не проповеди, а именно беседы, подразумевавшие участие обеих сторон) – ориентировался исключительно на эмоциональность слушателя.

Речь Шри Рамакришны непременно сопровождалась песнопениями на слова знаменитых поэтов бхактов прошлого, таких как Кабир, Мира Баи, Нанак, Тукарам и Рам прасад. Иногда он просил петь когонибудь из присутствовавших, чаще других Нарендру; иногда пел сам. «Будто от лица всех страждущих обращался он к Матери Мира», – пишет его биограф, скромно именуя себя «М», и далее приводит одну из самых любимых песен Шри Рамакришны:

А как нету в том вины ничьей, окромя моей,
Что тону погибаю, избавленья не чаю.
Посередь святого поля сам яму копал себе, выкопал,
о рукам ногам сам да повязал себя,
А как в яме той да вода черным черна,
А черным черна да от желаний неправедных,
Так черным черна, что в ней и смерть видна...
Из той темной воды да как мне выбраться?
Тебя, Матушка, ожидаю, к милосердию твоему взываю,
Смени гнев свой на милость...

Второе. Хотя для самого Шри Рамакришны Верховное Божество воплощалось в облике богини Кали (она же Шакти, Дурга, Шьяма, Аннапурна), на вопрос, какой форме поклонения следует отдавать предпочтение, он отвечал: «Избери любую, какая тебе по душе... Не важно, Дух он или зримый образ. Для бхакта – Брахман в сердце его. Своею волею он облик человека принял и в душе его поселился. Он молитвам нашим слезным внемлет. Главное – возлюби его, и тогда он откроется тебе».

Третье. Поучения Шри Рамакришны делали путь постижения Всевышнего доступным для любого – независимо от вероисповедания, национальности и степени образованности. «Для бхакти нет касты. Любовь трепетная душу и тело очищает. С нею и неприкасаемый всем прочим равен, а без нее и брахман – пустое место». В этом высказывании слышится не только эхо движения бхакти XVI века, но и гораздо более далеких голосов – сахаджи ев, сторонников буддийского вероучения ваджраяна (X–XII вв.). И еще говорит он: «Всех людей во всех краях – пускай разным богам поклоняются они – надобно любить одинаково». Особенно важны советы Шри Рамакришны, обращенные к мирянам. Вопрос о возможности для живущего в миру, работающего человека избавиться от бремени кармы и обрести освобождение так же, как те, кто посвятил жизнь служению господу, Шри Рамакришне задавали постоянно. Он считал так: этот мир временного пребывания человека для того и создан, чтобы сознание свое очистить бескорыстным трудом. «Мирские дела вовсе бросить человеку не дано. Это в его природе, она человека на тот путь толкает. Работу то как бросишь? Без заработка в наше время не выживешь. Семейную жизнь ведешь – ну и ладно. В этом греха нету. Одно помни: ко Всевышнему душою прилепись. Одною рукою дело справляй, а другою – за господу держись. Карма йога (служение деятельностью) – дело трудное. Потому

молись, чтобы господь облегчил бремя твое... дал силы трудиться без корысти и сократил дела твои в миру...»

Называя жизнь в миру самой нижней ступенью, с которой начинается обретение господя, Шри Рамакришна давал вполне конкретные и практические советы мирянам, желавшим приблизиться к Сокровенному Знанию: повторение про себя священных имен, почитание домашнего божества и общение со «светлыми духом» людьми садху. Особенно настойчиво предлагал он всенепременно какое то время (день два, а то и месяц) пребывать вдали от семьи, в воздержании и молитвах.

И последнее, что отличало поучения Шри Рамакришны от религиозных проповедей реформаторов различного толка, – доверительный тон его беседы и необычайно яркая, образная речь. Свои советы Шри Рамакришна нередко облачал в форму житейской истории, действующим лицом которой был кто то из присутствовавших, общих знакомых или он сам. Эффект воздействия его поучения во много раз усиливался благодаря присущему устному сказу приему: события реальной жизни постоянно перемежались пересказом эпизодов известных эпических сказаний или упоминаниями отдельных случаев из жизни религиозных наставников.

Это создавало поразительный эффект присутствия всех действующих лиц в одном временном измерении.

Идеи Шри Рамакришны получили свое развитие в деятельности Свами Вивекананды. Его усилиями в 1897 году в Калькутте был основан просветительский центр «Миссия Рамакришны» и одновременно с ним религиозный центр – «Велур Матх», где люди, решившие посвятить свою жизнь служению ближнему, могли бы готовить себя к этой деятельности.

Свами Вивекананда сформулировал задачи «Миссии» следующим образом:

- 1) Содействовать и пропагандировать изучение Веданты и ее принципов, а также теологии в широком смысле так, как это было задумано Шри Рамакришной и опираясь на его собственный духовный опыт.
- 2) Содействовать и поддерживать развитие искусств, наук и прогрессивных технологий.
- 3) Активно заниматься просветительской и образовательной работой среди населения.
- 4) Помня о том, что человек есть воплощение божие, вести общественно полезную благотворительную деятельность (школы, колледжи, больницы, инвалидные дома).

В настоящее время «Миссия» имеет более 140 филиалов во всех странах мира, включая и Россию.

1 марта 1937 года более двухсот ученых из тринадцати стран мира стали участниками конгресса религий, посвященного столетию со дня его рождения. Сочинение Ромена Роллана, вошедшее в эту книгу, одно из свидетельств пристального интереса мировой общественности к личности и учению Шри Рамакришны.

Е. К. Бросалина

РОМЕН РОЛЛАН И ФИЛОСОФИЯ РАМАКРИШНЫ

Обращение Ромена Роллана (1866–1944) к жизни и философии Рамакришны поначалу выглядит удивительным и необъяснимым. Почему знаменитый уже писатель, глубокий знаток музыки и итальянской живописи, автор исторических драм и теоретик театра – рафинированный эстет и европеец до мозга костей вдруг начинает углубленно изучать жизнь деятелей чуждой ему культуры, которую в те времена большинство даже образованных людей склонны были считать отсталой?

Однако ответ на этот вопрос найти не так сложно, как это кажется на первый взгляд. Если внимательно всмотреться в духовную биографию Роллана, проследить за эволюцией его общественных взглядов и эстетических идей, то его интерес в начале 20 х годов к изучению индийской истории и философии покажется вполне естественным и логичным.

Р. Роллан родился в 1866 году в семье нотариуса и получил блестящее гуманитарное образование в парижской Эколь Нормаль. К тридцати годам он успел защитить две докторские диссертации: о раннем европейском музыкальном театре и о поздней итальянской живописи. Затем была преподавательская работа в Сорбонне, успех первых же поставленных

пьес, серьезные теоретические работы о театре. В 1903 году Роллан выпускает свою первую художественную биографию – книгу «Жизнь Бетховена». Она имела большой успех: говоря о своем любимом композиторе, писатель нашел особенную, личную интонацию, которая выделила эту биографию из ряда ей подобных. «Жизнь Бетховена» – это не просто описание земного пути одного из самых выдающихся композиторов в истории человечества, это прежде всего глубокие размышления самого Роллана о философии искусства, о природе творческого дара, о пути творца в зачастую враждебном ему мире.

Нельзя сказать, что Ромен Роллан был создателем жанра философской биографии: прежде в подобном ключе выпускали свои книги Босуэлл и Стендаль, одновременно с Ролланом – Честертон и Цвейг. Но Роллан вобрал в себя все лучшее, созданное его предшественниками, и выработал свой особенный метод и стиль. Так же написаны и биографии Микеланджело (1907) и Толстого (1911) – личностей, глубоко волновавших писателя.

В эти же годы Роллан создает главное свое произведение – десяти томный роман «Жан Кристоф», который повествует о творческом пути композитора Ж. К. Крафта, не принимавшего пошлость окружающей его жизни и бросившего вызов устоявшимся канонам творчества и законам человеческого общежития. По своей художественной силе этот роман можно поставить рядом с такими произведениями о судьбе Художника, как «Доктор Фаустус» Томаса Манна или «Луна и грош» Сомерсета Моэма.

Первая мировая война потрясла писателя. Веруя в разум, прогресс, духовность, он не мог принять и объяснить то, что творилось на полях сражений Европы, которая казалась оплотом гуманизма, высшей точкой развития науки, философии и искусства. Как и большинство его современников, Р. Роллан воспринял эту войну как самое трагическое событие во всей истории человечества. Он активно занимается общественной деятельностью, пишет статьи, призывающие прекратить бессмысленную бойню. Именно в этот момент зарождается его интерес к ненасильственным формам решения политических и общественных проблем, свойственным философии и культуре Индии.

В 1923 году выходит его книга о Махатме Ганди, затем следуют биографии Рамакришны (1929) и его ученика Вивекананды (1930). Как и прежде, Роллан использует для их написания разнообразный и богатый материал: книги, статьи, беседы с приверженцами учения о ненасилии. Под его пером рождаются образы простых, но воистину великих людей, воссоздается их окружение, историческая обстановка, дополняемые экскурсами в прошлое и беллетристическими вставками. Сам Роллан пишет, что его книги не о людях, а о «душах вселенных», которые «соткали одежду для тех, кто ходит нагим» и «выпрямили нить Ариадны, которая ведет нас по извилинам лабиринта».

В первые десятилетия XX века искренний и серьезный интерес к Востоку еще только зарождался среди западной интеллигенции. Всем еще памятливы были слова, сказанные Редьярдом Кипплингом: «Запад есть Запад, Восток есть Восток – и вместе им не сойтись». Но уже близко было время, когда Восток своей второй духовной родиной почувствуют Герман Гессе и Альберт Швейцер, Эзра Паунд и Леопольд Стафф... И среди этих выдающихся поэтов и мыслителей достойное место занимает Ромен Роллан с его книгами о Тех, Кто видел мир без войн и насилия.